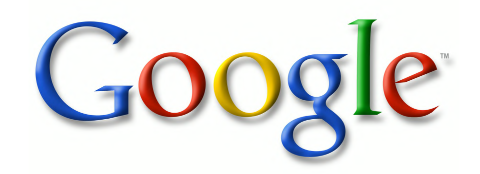

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1962

РАЗБОРЪ И ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РОМАНА

„ВОЙНА И МИРЪ“

РАЗБОРЪ И ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ РОМАНА

„ВОЙНА И МИРЪ“

СОЧИНЕНІЕ

Графа Л. Н. Толстаго.

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

СОСТАВИЛЪ К. ЛѢСКИНЪ.

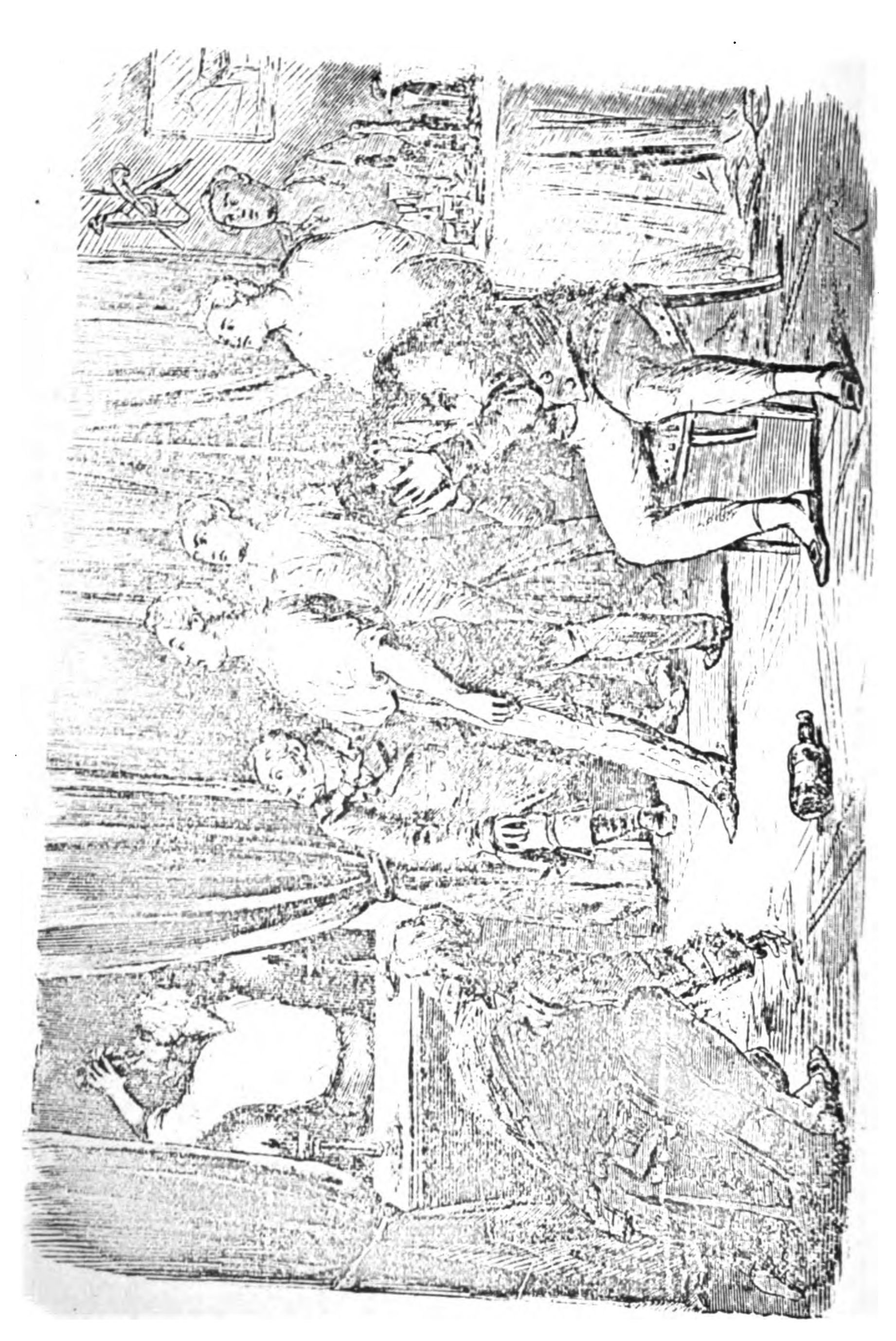
МОСКВА.

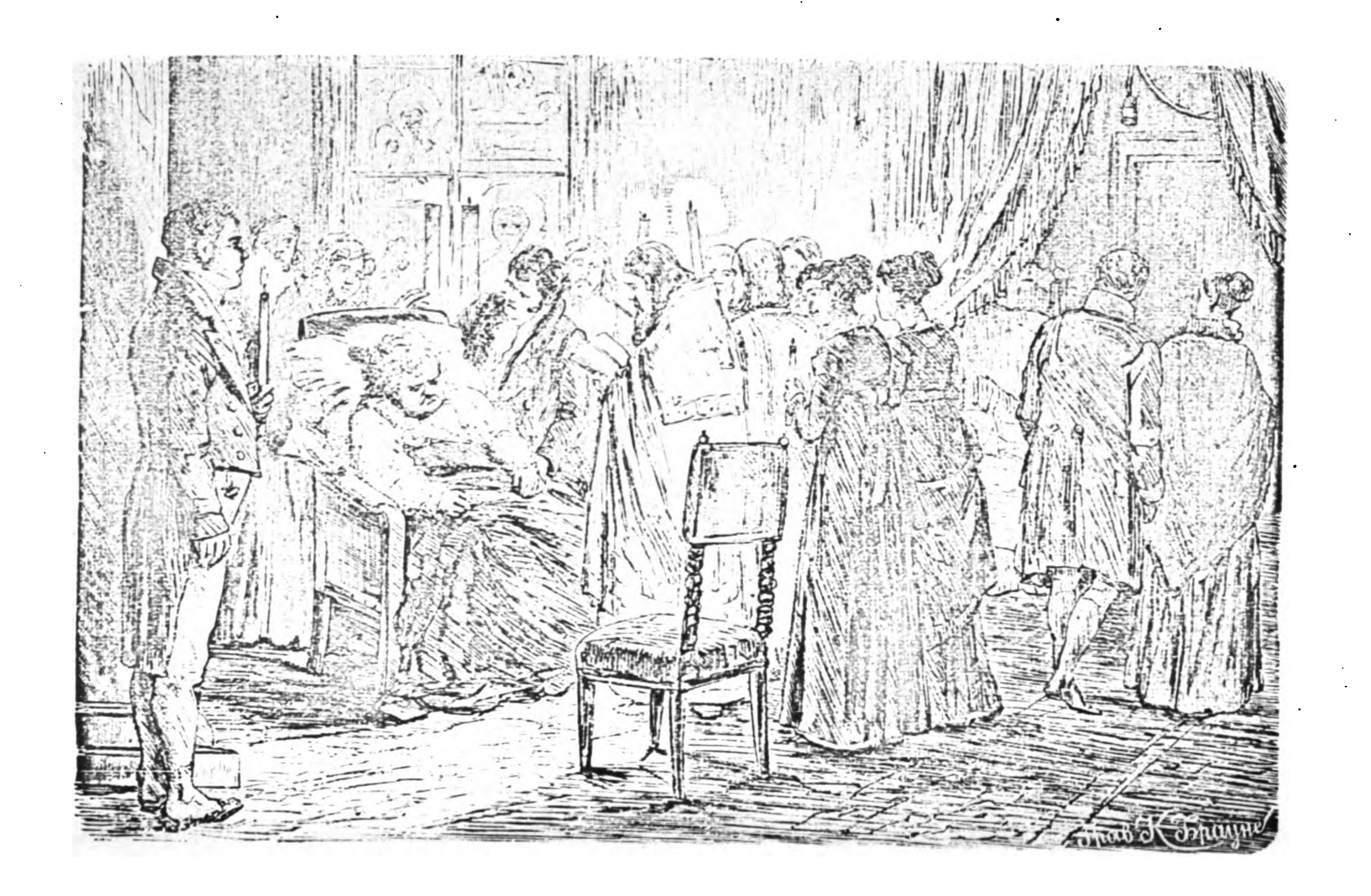
Типографія Т. Рисъ, на Садовой, рядомъ съ [illegible] частью, д. Медынцевой.

1870.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предъ нашими взорами развивается величественная картина, начало послѣдняго акта той трагедіи, которая родилась съ ужасами французской революціи и кончилась, послѣ пожара Москвы и страшныхъ бѣдствій на русской землѣ, одинокой смертью главнаго ея героя на пустынныхъ утесахъ острова Св. Елены и порабощеніемъ французскаго народа новыми тиранами.

И рядомъ течетъ тоже самая тихая жизнь отдѣльныхъ личностей въ лонѣ семьи и въ условныхъ общественныхъ отношеніяхъ, которую мы видимъ еще и теперь передъ собою, жизнь того же человѣка, съ его желаніями и нуждами, радостью и горемъ, любовью и ненавистью. Но мы видимъ здѣсь этого человѣка въ великую эпоху міроваго переворота, въ борьбѣ за жизнь свою и своихъ, и за свободу любимаго отечества. Какой великій моментъ для того, чтобы освѣтить всѣ стороны человѣческой души, чтобы раскрыть всю тайную ея силу, дремлющую обыкновенно въ тѣни покойнаго *dolce far niente* обыденной жизни.

Такой великій моментъ въ жизни народа, какъ наша отечественная война, глубоко отпечатлѣвается въ созданіи народномъ, и оживляющее, ободряющее и расшевеливающее вліяніе это замѣтно еще долго послѣ того, когда уже давно простыли непосредственные кровавые слѣды; и историкъ съ любовью долженъ останавливаться на нихъ, какъ на важныхъ точкахъ, мѣстахъ перелома прямой линіи обыкновенной торной дороги и началѣ новаго направленія.

Глядя на жизнь народовъ съ узкой точки зрѣнія, кажется, будто міромъ управляетъ личный произволъ; но если бросить обширный взглядъ на всю массу явленій, которыя составляютъ проявленіе жизни народовъ, состоящихъ изъ милліоновъ отдѣльныхъ личностей, соединенныхъ въ одно органическое цѣлое, то мы увидимъ, что исторіей управляетъ не какой нибудь абсолютный произволъ Людовика XIV, или какой нибудь куртизанки Помпадуръ, и не ея горничная или любовникъ, какъ нѣкоторые не въ шутку утверждали; но жизнью цѣлаго народа управляетъ высшая сила, предвѣчный, неизмѣнный законъ. Давно уже писались ученыя историческія сочиненія, и не въ недавнее время пришли къ такимъ глубокимъ соображеніямъ. И мы находимъ, что авторъ нашъ также стоитъ на этой ступени; онъ понялъ, усвоилъ и наглядно представилъ на живомъ примѣрѣ это великое ученіе.

Движеніе человѣчества, разсуждаетъ авторъ, вытекая изъ безчисленнаго количества людскихъ произволовъ, совершается безпрерывно. Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія — дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечныхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи!.... Такъ. Но развѣ изъ этого вытекаетъ то, что для пониманія этого теченія должно раздроблять его на безконечно малыя величины и вводить дифференціалы въ такую область, гдѣ дѣло не измѣрено еще вѣрно, хотя просто наложеніемъ аршина?

«Для человѣческаго ума непонятна абсолютная непрерывность движенія.» Человѣку становятся понятны законы какого-бы то ни было движенія только, тогда, когда онъ разсматриваетъ произвольно-взятыя единицы этого движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого-то произвольнаго дѣленія безпрерывнаго движенія на прерывныя единицы, проистекаетъ большая часть человѣческихъ заблужденій... Дѣйствительно, для того, что-

бы понять человѣку формы какого нибудь движенія, ему необходимо раздроблять движеніе на извѣстные моменты. Вообще для того, чтобы понять какое-либо явленіе, механизмъ или органъ, первая задача изслѣдователя будетъ состоять въ расчлененіи: только свойство частей разъяснитъ свойство цѣлаго.

Если-бы историческое движеніе представляло такую простую форму какъ математическая линія, то, раздробляя часть этой линіи на безконечно малыя величины, мы могли-бы приблизиться къ истинѣ. Но историческое движеніе никакъ нельзя сравнивать съ математической линіей, потому что гдѣ-же бы на ней пришлось помѣстить все безконечное количество рядомъ текущихъ, разнообразнѣйшихъ явленій? Скорѣе шло-бы здѣсь сравненіе съ толстѣйшей линіей нарисованной мѣломъ на доскѣ: если вы станете раздроблять эту линію на безконечно малыя величины, то вы получите безконечное число точекъ, разсѣянныхъ безъ всякой правильности; но бросьте общій взглядъ на всю эту линію in toto, и вы легко замѣтите ея направленіе.

«Извѣстенъ, говоритъ авторъ, такъ называемый софизмъ древнихъ, состоящій въ томъ, что Ахиллесъ никогда не догонитъ впереди идущую черепаху, не смотря на то, что Ахиллесъ идетъ въ десять разъ скорѣе черепахи: какъ только Ахиллесъ пройдетъ пространство, отдѣляющее его отъ черепахи, черепаха пройдетъ впереди его одну десятую этого пространства; Ахиллесъ пройдетъ эту десятую, черепаха пройдетъ одну сотую и т. д. до безконечности». Отчего эта задача, казалась не разрѣшимою? Оттого ли, что еще не были открыты дифференціалы, на что, какъ будто намекаетъ авторъ? Нѣтъ. Неразрѣшимой она казалась потому, что изъ задачи хитро упущенъ былъ одинъ важный фактъ каждаго движенія: время. Если только у софиста, предложившаго такую головоломную штуку, спротить: во сколько же времени Ахиллесъ пройдетъ одну десятую, а чере-

паха одну сотую пространства? то задача сразу объяснится. Единственнымъ доказательствомъ того, что Ахиллесъ догонитъ черепаху, будетъ доказательство наглядное и очевидное, точно такое же, какое употребляется въ основныхъ и простѣйшихъ задачахъ геометріи, какъ напримѣръ при наложеніи другъ на друга угловъ или треугольниковъ для доказательства ихъ равенства и неравенства. Начертите линію, обозначьте на ней положеніе Ахиллеса и положеніе черепахи, и отмѣтьте на этой линіи ту часть пространства, какую пройдетъ каждый изъ нихъ *въ единицу времени*, и задача окажется весьма легкою. Мы раздробляемъ линію на конечныя величины, беремъ какую-нибудь крупную единицу времени и задача разрѣшится безъ всякихъ диффе-ренціаловъ, которые могутъ только запутать весьма простое дѣло. Точно также и въ исторіи. При излишнемъ дробленіи мы имѣли бы безконечное число романовъ, которые, вмѣстѣ взятые, должны были бы называться исторіей.

«Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій...» Поэтому-то именно задача историка будетъ состоять въ томъ, чтобы отличить типическія, общія свойства явленій, составляющія причины другихъ явленій, чтобы найти неизмѣнные вѣчные законы отношеній между хаосомъ разнообразныхъ явленій, и уже при ихъ посредствѣ понимать отдѣльное явленіе.

Но почему до сихъ поръ преувеличивалось историками значеніе относительно произвольныхъ дѣйствій какого-нибудь лица и значеніе какихъ-нибудь отдѣльныхъ фактовъ? Очевидно, значеніе фактовъ и дѣйствій различно; всѣ они, хотя и вытекаютъ изъ общаго, непрерывнаго теченія дѣла, но мы все-таки съ ясностью можемъ указать на тотъ или другой фактъ, какъ на особенно важный, и дѣйствія какого-нибудь Наполеона во всякомъ случаѣ важнѣе знать, чѣмъ дѣла одного какого-нибудь солдата. Способъ писать исторію, какъ онъ существовалъ прежде и еще существуетъ

до сихъ поръ, ложенъ не потому, что описывали особенно подробно дѣйствія одного какого-нибудь высокопоставленнаго лица и забывали про жизнь какого-нибудь рядоваго; но вся ошибка состояла въ томъ, что историки изъ-за описанія отдѣльныхъ, особенно выдающихся личностей, ихъ мнѣній и соображеній, анекдотовъ, которые про нихъ въ ходу, и изъ-за описанія придворной обстановки, совершенно забывали о жизни цѣлаго народа, которая единственно можетъ составлять предметъ исторіи; ошибка состояла въ томъ, что мемуаристы придерживались того же ложнаго, близорукаго міросозерцанія, которое руководило писавшими простому русскому народу разныя афиши, Растопчинымъ и Наполеономъ.

Различныя люди и событія имѣютъ различную важность. Такіе люди, какъ князь Андрей, Пьеръ, Ростовъ Николай, Денисовъ, Борисъ Друбецкой и т. д., историку могутъ служить только примѣрами, типами, надъ которыми онъ изучаетъ составныя части того важнаго дѣятеля историческихъ событій, котораго мы называемъ массою, публикой, народомъ, различными сословіями, мужиками, солдатами, помѣщиками, придворными и т. д. Но личности, подобные Александру Первому, Наполеону, Кутузову, Сперанскому и т. п., историкъ изучаетъ не какъ произвольно выбранные имъ примѣры, но какъ личностей рѣзко выдающихся изъ массы, какъ сокъ, выжатый изъ своего времени, какъ важныхъ дѣятелей историческихъ событій, достойныхъ во всякомъ случаѣ особеннаго вниманія.

Одна изъ главныхъ ролей въ великой драмѣ, разыгравшейся на сценѣ Европы въ началѣ нынѣшняго столѣтія, очевидно выпала на долю Наполеона. И неужто величость этой роли есть только кажущаяся, и Buonaparte, корсиканскій проходимецъ, есть такая же пѣшка, какъ и всякій рядовой въ его великой арміи? Легко кажется, что авторъ такого мнѣнія!

Неужели-же Наполеона потому только и считають великимъ полководцемъ и геніальнымъ человѣкомъ, чтобы легче было скрыть стыдъ отъ пораженія, нанесеннаго имъ и покореній, имъ совершенныхъ? Имѣемъ ли мы право назвать его ничтожнымъ человѣчкомъ, вовсе не съ особенными умственными способностями, которому только случай подарилъ первую роль въ игрѣ, продолжавшейся столько лѣтъ? Какъ будто это тотъ же главный выигрышъ въ лотереѣ, падающій на какого-нибудь счастливца! Такъ можетъ показаться при чтеніи романа графа Толстаго; но это только такъ кажется: авторъ, который не допускаетъ произвола въ исторіи, точно также не можетъ допустить такого слѣпаго и глупаго случая. Стараясь выставить ничтожность произвольныхъ дѣйствій Наполеона въ сравненіи съ тѣми силами, которыми движутся массы, составляющія народъ, авторъ не выставляетъ ясно оборотную сторону дѣла; не вдается въ разборъ того, напримѣръ, отчего именно на долю этого человѣка выпала роль стоять во главѣ разпузданныхъ стремленій, остатковъ подгнившей въ своемъ корнѣ цивилизаціи прошлаго столѣтія; отчего милліоны людей съ любовью и привязанностью предались во власть именно этого человѣка, который не принесъ съ собою на свѣтъ никакихъ человѣческихъ и божественныхъ правъ для того, чтобы заставить преклониться передъ собою всю Европу? Нѣтъ, нельзя у Наполеона отнять чести называться великимъ, геніальнымъ — разбойникомъ, грабителемъ! Наполеонъ подъ-часъ можетъ казаться чрезвычайно мелочнымъ, даже смѣшнымъ и глупымъ (напримѣръ послѣ битвы при Аустерлицѣ, Бородино, пожаръ Москвы, афиши къ народу и т. п.). Въ особенности въ Наполеонѣ можетъ поражать крайнее непониманіе чужаго образа жизни, мышленія и чувствованія (мечты его облагодѣтельствовать Русскихъ). Если даже многія понятія Наполеона плоски, если мы считаемъ la gloire, главный двигатель его личныхъ побужде-

ній, однимъ изъ самыхъ низкихъ, пошлыхъ идеаловъ, то это только значитъ, что его геніальный умъ глядѣлъ черезъ узкую щель, которую оставилъ для него навалившійся хламъ французской революціи. Если же наконецъ у Наполеона совсѣмъ не было сердца, то непростительно забывать его грандіозную утопію Республики-Монархіи, увлекавшей многихъ его знаменитыхъ современниковъ.

Отчего-же изъ всѣхъ нашихъ полководцевъ, единственнымъ, котораго можно было противупоставить Наполеону, оказался тотъ одноглазый, дряхлый старикъ, который спалъ на военныхъ совѣтахъ, съ кажущимся самодурствомъ не хотѣлъ и слушать чужихъ совѣтовъ и мнѣній, и у котораго постоянно навертывались слезы на глазахъ? Онъ лучшій потому, что онъ человѣкъ дѣла, а не отвлеченной мысли, какъ Пфуль, потому что онъ отказывается отъ личныхъ интересовъ и разъ навсегда гарантируетъ свое положеніе, не дѣйствуя подобно Бенигсену; онъ лучшій потому, что въ немъ кипѣло русское сердце, которое могло вполнѣ предаться патріотическому дѣлу войны, и полное вѣры, любви къ отечеству и надежды на правое дѣло пріобрѣло полное довѣріе православнаго русскаго войска, а уму полководца подарило талантъ предугадывать событія.

Кутузовъ замѣчателенъ не только какъ главнокомандующій нашими арміями въ отечественную войну, но онъ замѣчателенъ также, какъ типъ стараго генерала. Больше всего бросается въ глаза его самодурство, которое въ такой рѣдкой формѣ можетъ еще встрѣтиться только у насъ, а иностранные языки не имѣютъ для него даже подходящаго названія. Но это самодурство, составляющее въ нашемъ семейномъ быту отвратительную черту, результатомъ которой бываетъ только несчастіе и умственное отупѣніе окружающихъ, здѣсь, въ военномъ дѣлѣ, это самодурство нашло себѣ благодѣтельное приложеніе, необходимо подчиняя всѣ отдѣльныя личност и одной неограниченной власти

И какъ бы авторъ «Войны и Мира» ни увѣрялъ, что воля полководца ничто въ сравненіи съ желаніями и стремленіями массы, если даже иной разъ толпу и не удержишь отъ того или другаго поступка, не заставишь дѣлать того, чего она не захочетъ, то все-таки однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей есть повелѣніе главнокомандующаго, и безпрекословное повиновеніе есть одно изъ необходимыхъ условій удачи въ предпріятіяхъ; такъ напримѣръ, отчего Тушинъ былъ особенно способенъ къ военному дѣлу? Оттого, просто, что онъ, не разсуждая, былъ точенъ въ исполненіи приказаній начальства, не мечтая о личныхъ выгодахъ и имѣя въ виду одно благо общаго дѣла.

Кромѣ упомянутыхъ качествъ Кутузовъ надъ своими сотоварищами имѣетъ преимущество ума, или, лучше сказать, онъ выше ихъ по результатамъ умственной работы своей многоопытной жизни, сложившимся въ видѣ глубокихъ убѣжденій, хотя и темныхъ и не освѣщенныхъ. Эти его убѣжденія, если логически ихъ вывести, состоятъ приблизительно въ слѣдующемъ: предугадать всѣ мелкія случайности войны впередъ—нѣтъ никакой возможности; должно выжидать, что будетъ, и потомъ быстро сообразить (отсюда его девизъ: терпѣніе и время); весь успѣхъ въ военномъ дѣлѣ зависитъ отъ смышленности отдѣльныхъ предводителей полковъ и расторопности солдата, которая въ свою очередь зависитъ отъ ихъ физическаго состоянія, по отношенію къ продовольствію, отдыху и расположенію духа (отсюда довѣрчивость Кутузова); главнокомандующій есть формально связующій элементъ, но элементъ со своею неограниченною властью весьма важный: поэтому завистливость Кутузова къ своей власти, которою въ такой мѣрѣ обладалъ въ Россіи одинъ только Суворовъ, не противорѣчитъ любви къ отечеству.

Не смотря на то, что Кутузовъ презиралъ всякіе разсчеты, старавшіеся предугадать что будетъ, онъ одинъ,

лежа на походной кровати, въ состоянiи старческой безсонницы, предвидѣлъ гибель Французовъ въ покинутой жителями Москвѣ, говоря, что потеря Москвы не есть потеря Россiи. Онъ одинъ съумѣлъ вѣрно оцѣнить результаты Аустерлицкой и Бородинской битвъ, говоря, что первая есть пораженiе, а вторая—полная побѣда; и, наконецъ, онъ одинъ впалъ въ немилость Государя, утверждая, наперекоръ всѣмъ, что дальнѣйшая война за границей вредна и безполезна.

«Теперь, говоритъ графъ Толстой, понять значенiе событiя, «если только не прилагать къ дѣятельности массъ цѣлей, «которыя были въ головѣ десятка людей, легко, такъ какъ «все событiе съ его послѣдствiями лежитъ передъ нами».

«Но какимъ образомъ тогда этотъ старый человѣкъ, «одинъ въ противность мнѣнiя всѣхъ, могъ угадать такъ «вѣрно значенiе народнаго смысла событiя, что ни разу «во всю свою дѣятельность не измѣнилъ ему»?

«Источникъ этой необычайной силы прозрѣнiя въ смыслъ «совершающихся явленiй лежалъ въ томъ народномъ чув«ствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и «силѣ его».

«Только признанiе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, изъ въ немилости находящагося старика, выбрать его, противъ воли царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующiй, направлялъ всѣ свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ.»

Между тѣмъ въ 12 и 13 годахъ Кутузова обвиняли въ томъ, что онъ будтобы не далъ Русскимъ совершить полной побѣды надъ Французами.

«Такова, говоритъ Л. Н. Толстой, судьба не великихъ людей, не grand homme, которыхъ не признаетъ русскiй умъ, а

судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнія, подчиняютъ ей свою личную волю. Ненависть и презрѣніе толпы наказываютъ этихъ людей за прозрѣніе высшихъ законовъ.»

«Для русскихъ историковъ—странно и страшно сказать—Наполеонъ,— это ничтожнѣйшее орудіе исторіи, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства, Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга, онъ grand. Кутузовъ же, тотъ человѣкъ, который являетъ необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и, говоря о Кутузовѣ и 12 годѣ, имъ всегда какъ будто немножко стыдно.»

«Простая, скромная, и потому истинно величественная фигура эта, не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую придумала исторія.»

«Для лакея не можетъ быть великаго человѣка, потому-что у лакея свое понятіе о величіи.»

Бросимъ теперь взглядъ на главнаго дѣятеля историческихъ событій, изложенныхъ въ романѣ графа Толстаго—на народъ. Народъ, plebs, толпа, обыкновенно представляется намъ грубою массою, движущеюся лишь въ силу толчка свыше. — По мановенію Петра, Россія сразу стала изъ азіатской страны, замкнутой въ самой себѣ, Европейскимъ государствомъ. Но, понятно, что если бы не чувствовалось цивилизующее начало Западной Европы еще до временъ Петровыхъ, если бы не стали приходить къ намъ иностранцы и вмѣстѣ съ ними новыя идеи, знанія и искусства; если бы къ этому времени не началось уже возрастаніе силы Русскаго государства, то никакое повелѣніе Петра брить бороды и т. п. не подѣйствовало бы, и даже самая идея о преобразованіи не возникла бы въ Петрѣ.

Развитіе нашего отечества представляетъ рѣзкое различіе съ развитіемъ напримѣръ Англіи, гдѣ все лучшее вышло снизу изъ среды самодѣятельнаго народа. Къ намъ же, наоборотъ многое хорошее приходитъ чрезъ посредство правителей, которые у насъ суть преимущественно представители цивилизаціи.

Но ни форма правленія, ни личность правителя и т. д., не представляютъ единственныхъ факторовъ въ ходѣ историческихъ событій, прогресса и регресса цивилизаціи. Возможность ихъ вліянія въ этомъ случаѣ также, не стоитъ внѣ высшаго общаго для всѣхъ народовъ закона движенія впередъ или прогресса.

Наполеонъ не въ состояніи былъ бы вызвать свой народъ идти въ неизвѣстную страну, еслибы не существовало уже въ подчиненныхъ ему массахъ готовности и стремленія къ такому походу. Французская революція, которая имѣетъ значеніе не для одной Франціи, возникла вслѣдствіе нравственнаго разложенія тогдашняго общественнаго строя. Она быстро втоптала въ грязь идеалы, лучшихъ людей того времени и осквернила ихъ естественное, благородное стремленіе къ свободѣ и независимости; она разнуздала всѣ грубыя страсти въ массахъ, нашедшихъ наконецъ для себя кумиръ въ кровавыхъ завоеваніяхъ; и народы готовы были идти на жизнь и смерть за этотъ, оставшійся у нихъ единственный, идеалъ. Имъ рѣшительно было все равно, служить ли рабски преданно Наполеону, или кому другому, такъ какъ самая надежда на свободу была подавлена въ основаніи.

И вотъ двинулась необорзимая масса народовъ на Россію, тоже нашествіе Татаръ, только Татаръ цивилизованныхъ. Но опьяненные славою своего вождя эти массы разбиваются, встрѣтивъ неподдѣльную любовь къ отечеству простаго русскаго народа. Отчего на полѣ страшнаго Бородинскаго побоища не раздался пресловутый крикъ: «мы от-

рѣзаны!», какъ это было при Аустерлицѣ? Развѣ здѣсь не было въ войскѣ ни одного труса? Нѣтъ. Были и тутъ храбрые и трусы; жутко было всякому подъ свистомъ пуль и картечи, но здѣсь каждый зналъ, за что собственно проливаетъ онъ свою кровь: зналъ, что защищаетъ свою родную страну и все что въ ней для него дорого отъ вражескаго набѣга, не то что при Аустерлицѣ, куда на рѣзню были выведены наши храбрецы по политическимъ соображеніямъ, которыхъ они не понимали. Въ этой несчастной кампаніи одна битва была блестяще выиграна, а другая постыдно проиграна.

Такъ-то и все въ исторіи. Тамъ, гдѣ указы и распоряженія не вытекаютъ изъ потребности времени и народа, тамъ они, или вѣчно останутся на бумагѣ, или же принесутъ вредъ, мѣшая самодѣятельному прогрессу,— будь это даже самыя лучшія начертанія; но если они не вытекаютъ изъ начинающейся потребности, то преждевременное ихъ введеніе не послужитъ ни къ какой пользѣ. Такимъ образомъ высокая, священная дѣятельность правительства должна состоять въ томъ, чтобы предугадать требованія времени, и только тогда эта дѣятельность будетъ имѣть постоянное благодѣтельное вліяніе на историческій ходъ развитія страны.

Причины, которыя приготовили въ Россіи такую особенную, неожиданную вспышку, какую Наполеонъ не испытывалъ во всѣхъ своихъ прочихъ завоевательныхъ походахъ, чрезвычайно разнообразны и многочисленны, какъ и причины всякаго историческаго событія. Но между прочимъ, должно замѣтить, что намѣреніе Наполеона завоевать Россію имѣло совершенно особенное значеніе. Наполеонъ покорялъ западныя государства съ чисто политической цѣлью: онъ хотѣлъ поставить Европу подъ скипетръ одного верховнаго властелина, быть которымъ спѣсиво желалъ онъ самъ. Русское же государство, les steppes et les

barbares, домогался онъ пріобрѣсти для того, чтобы внести въ него свою собственную цивилизацію. И, можно быть вполнѣ увѣрену, что каждый солдатъ Наполеона былъ убѣжденъ, что онъ несетъ къ варварамъ цивилизующій элементъ. Извѣстно, что Наполеонъ везъ при себѣ въ Россію и орудія для обработки полей, и сѣмена для засѣванія степей, и, кромѣ того, безъ сомнѣнія, разныя просвѣщающія идеи на придачу. Многіе изъ нашихъ тайно или явно сочувствовали этой цѣли Наполеона, преклоняясь предъ его геніемъ; сюда принадлежали многіе придворные и почти половина жителей Петербурга, чуждые интересамъ народа. Народъ же видѣлъ въ Наполеонѣ, если не Антихриста, то по крайней мѣрѣ новаго Батыя; онъ чутьемъ слышалъ, что хотятъ отнять у него все, что ему до сихъ поръ было мило и дорого, и навязать силою, чуждые ему и его сердцу, образъ мыслей и нравы. Для Нѣмцевъ, напримѣръ, Наполеонъ не былъ такъ страшенъ, и на войну они смотрѣли, какъ на чисто политическую штуку, до которой, пожалуй, имъ собственно и дѣла нѣтъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ врагъ былъ ласково встрѣченъ народомъ, никакъ уже не могло случиться того, что совершилъ Русскій народъ, покинувшій все и самъже помогавшій разрушать оставленное, чтобы даже самое имущество не попало въ руки ненавистнаго врага. Здѣсь дѣйствовалъ опять-таки дикій страхъ передъ набѣгающей вражьей силой, которой народъ инстинктивно трусилъ, чувствуя, что при случаѣ и самъ распорядился бы съ врагомъ точно такимъже образомъ. Страхъ и ненависть овладѣли всѣми и отъ простаго класса перешли и къ тому, который самъ говорилъ по французски.

Что касается до пожара Москвы, то, по справедливому замѣчанію Гр. Л. Н. Толстаго, она сгорѣла не по распоряженію умиленно-патріотическаго чувства какого нибудь Растопчина, не по волѣ народа, который и не думалъ попусту жертвовать своимъ имуществомъ для того, чтобы выкурить Фран-

цуза изъ его берлоги, она сгорѣла сама собою, какъ всякая постройка, покинутая своими хозяевами въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пьяные курятъ трубки, и среди бѣла дня разводятся костры; гдѣ царствуетъ распущенность и «мародерство» не подчиняющагося обычной дисциплинѣ войска.

Грабежъ французскихъ войскъ въ Москвѣ имѣлъ другой характеръ, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ война велась по всѣмъ правиламъ искусства, какъ дуэль, и гдѣ Наполеонъ самъ завѣдывалъ всѣмъ—и войной и грабительствомъ. Французскія войска, вступившія въ Москву, нашли городъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ всякая солдатчина сочла-бы себя глупою, если-бы не брала того, что̀ лежитъ у ней подъ носомъ. Helegenheit, говоритъ нѣмецкая пословица, macht Diebe. Москва должна была быть разграблена французскими войсками потому, что изъ нея выѣхали всѣ жители,—все равно какъ упавшее съ возу яблоко должно быть поднято мальчишкой и съѣдено имъ тайкомъ. Солдаты, и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не упускающіе случая что-нибудь стибрить, не могли не грабить въ томъ городѣ, гдѣ сами жители грабили другъ друга. Народъ окончательно деморализировалъ въ Россіи французскія войска подобно тому, какъ Азія съ ея изнѣженными нравами деморализовала не только полчища Александра Македонскаго, но и его самого. Конечно, это было не трудно, потому что вся мораль Французовъ держалась на весьма зыбкихъ основахъ, на военной дисциплинѣ и чести быть солдатомъ великаго полководца. Великій-же полководецъ самъ находился въ то время подъ совершенно особенными условіями, передъ которыми долженъ былъ стать въ тупикъ. Въ его распоряженіи стояла уже не та могучая армія, съ которою онъ завоевалъ всю Европу, но толпа мародеровъ. Любовь къ своему императору, жажда славы и отличія, бывшія прежде поводьями, которыми Наполеонъ привыкъ править, теперь порвались, и все разнуздалось, всѣ отношенія такъ перепутались, что

даже и болѣе геніальный человѣкъ, чѣмъ Наполеонъ, не былъ-бы въ состояніи распутать ихъ. Человѣкъ только тогда становится выше обстоятельствъ, когда онъ понимаетъ ихъ. Наполеонъ не понималъ русскаго народа, слѣдовательно не могъ управлять имъ; онъ не предвидѣлъ возможности своей погибели въ Россіи и поэтому погибъ.

Французскіе полки бѣжали въ самомъ страшномъ безпорядкѣ и распущенности, потому что ихъ уже не связывали прежнія идеи славы, и ограничивались они личными желаніями обогатиться чужимъ добромъ и сохранить его. Они пошли по пути, ими самими-же разрушенному, потому, что уже не слушались повелѣній того, въ комъ олицетворялись идеи нѣкогда управлявшія ими, а Наполеонъ, не понимая происходившаго, и не могъ дать ему направленія.

Лишь только Французы начали отступать отъ Москвы, великой арміи уже не стало: она нравственно погибла, нравственно цѣльное существо ея распалось на отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ каждый думалъ лишь о себѣ, о томъ только, чтобы какъ нибудь поскорѣе убраться на родину и спасти себя отъ вѣрной погибели. Поэтому Французы естественно должны были пойти по кратчайшему пути. Русскіе партизаны стали тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ, сжимая ихъ въ кучу; и, по мѣрѣ того, какъ падалъ духъ у Французовъ, онъ сталъ подниматься въ Русскихъ людяхъ. Поэтому неудивительно, что Русскіе дробятся для того, чтобы добить Французовъ, а Французы сдаются цѣлыми толпами, да и какъ не сдаться, когда матеріальное и нравственное состояніе великой арміи дошло до крайнихъ предѣловъ упадка.

Началась партизанская война, т. е. война самого народа противъ вторгнувшагося врага. И, конечно, способъ веденія этой борьбы не былъ изобрѣтенъ или учиненъ правительствомъ. Мужики и козаки истребляли Французовъ вездѣ, гдѣ они только попадались, и истребляли совершенно безсознательно, подобно тому, какъ собаки загрызаютъ за-

бѣглую бѣшеную собаку. Правительству сначала показался постыднымъ такой способъ дѣйствія: оно хотѣло добить врага по всѣмъ правиламъ военнаго искуства, находя это, вѣроятно, болѣе благороднымъ. Но, безъ сомнѣнія, нельзя ни въ какомъ случаѣ требовать слишкомъ много жалости къ врагу отъ народа имъ обиженнаго, оскорбленнаго и ограбленнаго.

И, мы полагаемъ, что будетъ кстати привести здѣсь слова Кутузова, обращенныя къ войску: «А и то сказать, кто-же ихъ (французовъ) къ намъ звалъ? По дѣломъ имъ, м... н... в. г....!»

«И благо тому народу, говоритъ графъ Толстой, который не какъ Французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаютъ ее великодумному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, неспрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью.»

Мирная жизнь отдѣльнаго человѣка, текущая рядомъ съ міровыми событіями, не входитъ въ составъ исторіи, если брать ее въ отдѣльномъ ея проявленіи. Только изъ совокупности жизни отдѣльныхъ личностей составляется то цѣлое, которое историкъ называетъ жизнью народа.

Жизнь народа представляется въ постоянномъ движеніи, то на пути къ прогрессу въ движеніи къ усовершенствованію, ко всему лучшему, къ осуществленію идеаловъ общежитія, то на пути къ регрессу и упадку. А прогрессъ или регрессъ народа зависитъ отъ движенія въ жизни отдѣльной личности, отъ извѣстнаго направленія желаній, стремленій и дѣйстій тѣхъ частей, которыя своею совокупностію со-

ставляютъ то цѣлое, въ которомъ и изъ котораго онѣ развиваются.

Но какъ-бы люди ни казались разнообразны, какъ-бы различна ни была среда, въ которой они живутъ, есть что-то общее во всѣхъ: это общее — одинъ и тотъ-же законъ для всѣхъ. И такъ и рисуетъ намъ ихъ авторъ, какъ они были, есть и будутъ, вездѣ, подъ всякими условіями жизни будь то подъ тропиками или у полюсовъ, въ Россіи или гдѣ-бы то ни было, повсюду съ тѣми-же любовью и невинностью, съ тѣми-же желаніями и стремленіями, съ заботами и весельемъ, съ горемъ и радостію. Но, несмотря на все то, люди выведенные на сцену гр. Л. Н. Толстымъ,—это опредѣленные люди, въ опредѣленныхъ условіяхъ жизни, времени и страны, это не какіе нибудь герои, представители и борцы отвлеченныхъ идей, нѣтъ; это простые смертные. Потому-то такъ и любо читателю слѣдить за всѣми движеніями ихъ жизни; это старые знакомые, тѣже почти люди, какихъ мы ежедневно видимъ у себя. Это правда, что съ того времени, какъ сгорѣла Москва, много утекло воды и многое было, прошло и быльемъ поросло; тогдашнихъ стариковъ теперь уже нѣтъ въ живыхъ, а тотъ, кто былъ тогда молодъ и пережилъ страшное время, тотъ уже принадлежитъ теперь къ старымъ старикамъ. Но исторія народа на всѣхъ своихъ потомкахъ всегда оставляетъ свою неизгладимую печать. И въ романѣ графа Толстаго передъ нами воскресаютъ наши отцы и дѣды, въ которыхъ представляется намъ собственный образъ.

Разберемъ сначала нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ романа и начнемъ съ салона Анны Павловны Шереръ.

Мы входимъ въ этотъ, вѣроятно, очень пышный салонъ, безъ всякой церемоніальной интродукціи со стороны автора относительно внѣшней обстановки и т. п. Мы входимъ совершенно свободно, какъ люди привыкшіе вертѣться въ подобныхъ кружкахъ. Насъ очень любезно встрѣчаетъ хо-

хозяйка, Анна Павловна Шереръ, говоря впередъ заготовленную фразу политическаго содержанія, подводитъ насъ къ никому ненужной теткѣ въ чепцѣ съ длинпыми бантами, и тотчасъ-же заводится съ нами une conversation politique, très spirituelle et piquante. Салонъ Анны Павловны есть очевидно подражаніе салоновъ du Faubourg St. Germain до-революціоннаго времени Франціи, которые, уничтожившись на своей родинѣ, жили еще въ слабомъ подражаніи въ разныхъ придворныхъ сферахъ другихъ государствъ.

Разговоръ у Анны Павловны по преимуществу политическій, хотя собственно весь интересъ всѣхъ этихъ гоффрейлинъ и гофкаммергеровъ которые у нея собираются и всегда и вездѣ похожи другъ на друга, политика служитъ для нихъ только темою для остроумныхъ разговоровъ и соображеній относительно своего насущнаго дѣла, состоящаго въ томъ, чтобы заводить и плести интригу, — не нарушая впрочемъ приличія. Быть поличической энтузіасткой сдѣлалось условіемъ общественнаго положенія Анны Павловны; она была энтузіасткой по привычкѣ, «и ея сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лицѣ, хотя и не шла къ ея отжившимъ чертамъ, выражала, какъ у избалованныхъ дѣтей, сознаніе своего милаго недостатка, отъ котораго она не хочетъ, не можетъ и не находитъ нужнымъ исправиться.» Когда-же рѣчь заходила о такомъ предметѣ, о которомъ ни она, ни кто нибудь другой не могутъ вообще судить, какъ, напримѣръ, о томъ, что угодно или нравится Императрицѣ, — Анна Павловна скромно опускала глаза.

Здѣсь un homme de grand mérite, которымъ Анна Павловна угощаетъ своихъ гостей, разсказываетъ политическій анекдотъ по приглашенію хозяйки: «Contez nous ça vicomte!» (фраза какъ-то отзывающаяся Людовикомъ XV, что̀ радостно сознается Анною Павловной); здѣсь заплетаются интриги,

выпытываются придворно-политическія тайны, а хозяйка съ тактомъ знаетъ, какъ разсадить и размѣстить гостей такимъ образомъ, чтобы никто изъ нихъ не наступалъ другъ другу на мозоли, сама хитро заплетаетъ, гдѣ нужно, и разводитъ, гдѣ необходимо; чтобы, однимъ словомъ, все выходило чинно, гладко, а главное остроумно.

Такіе люди, съ такими интересами, конечно, не могутъ принимать прямаго участія въ жизни народа. И если бы даже они захотѣли участвовать въ интересахъ народа, то не могли-бы этого сдѣлать, потому что глядятъ на жизнь народную съ своей особой точки зрѣнія. А между тѣмъ до сихъ поръ люди почти исключительно изъ этихъ кружковъ писали исторію, брались судить объ историческихъ событіяхъ, думали описывать жизнь народовъ.

У Анны Павловны мы встрѣчаемъ уже нѣкоторыхъ лицъ, которыя занимають видное мѣсто въ романѣ. Графа Л. Н. Толстаго. И прежде всего слѣдуетъ остановиться на личности стараго князя Василія, составляющаго одну изъ основъ общества гоффрейлины. Это типъ, типъ нашихъ состарѣвшихся въ большомъ свѣтѣ и значительныхъ при дворѣ людей. Онъ говоритъ на изысканномъ французскомъ языкѣ, съ тихою, покровительственною интонаціей.

— Avant tout dites moi, comment vous allez, cher ami, говоритъ онъ вамъ такимъ тономъ, въ которомъ изъ-за приличія и участія просвѣчиваетъ равнодушіе и даже насмѣшка. Князь Василій отличается свободными, фамильярными и граціозными движеніями; онъ говоритъ съ улыбкой превосходства, лѣниво, какъ актеръ, повторяющій роль піесы, и когда онъ спрашиваетъ васъ, съ цѣлью выпытать что-нибудь, то рѣчь его становится особенно небрежной; въ такія минуты, что̀ бы вы ни отвѣтили ему, спокойствіе его не покинетъ. Но въ случаѣ крайняго убѣжденія голосъ его начинаетъ внушительно басить, что̀ исключаетъ возможность перебить его. Неудавшіеся сыновья нѣсколько омра-

чаютъ жизнь князя: у него ихъ двое, одинъ, Ипполитъ, спокойный дуракъ, а другой, Анатоль, безпокойный мотъ, и оба стóютъ ему много денегъ, вмѣстѣ съ ихъ сестрою, блестящею Эленъ, которая ждетъ жениха. Говоря съ своими дѣтьми, отецъ накидываетъ на себя видъ небрежной нѣжности, свойственной только родителямъ, ласкавшимъ своихъ дѣтей съ колыбели. Когда-же князь Василій говоритъ о своихъ дѣтяхъ, то онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, неестественно и воодушевленно улыбается, при чемъ особенно рѣзко высказывается въ сложившихся около его рта морщинахъ что-то неожиданно грубое и непріятное.

Князь Василій—вліятельное лицо. Но такъ какъ обладаніе вліяніемъ въ свѣтѣ само по себѣ уже составляетъ капиталъ, который нужно беречь, потому что, если употреблять свое вліяніе для пользы другихъ, просить за каждаго, кто нуждается, то скоро нельзя было-бы просить за себя самого и только то соображеніе, что вы же отстанете отъ него съ своею мольбою, можетъ заставить князя Василія употребить для васъ свое вліяніе. «Старайтесь служить и быть достойнымъ!» скажетъ онъ вамъ потомъ. Богатый, старый графъ Безухій при смерти. И князь Василій ѣдетъ къ нему, онъ, усталый и измученный дѣлами, ѣдетъ для того, чтобы, какъ близкій родственникъ, свято исполнить послѣднюю волю умирающаго.—«Вотъ видите-ли, моя милая княжна и кузина, Катерина Семеновна, говоритъ тутъ князь Василій о дѣлѣ высшей важности, и щеки его нервически подергиваются то на ту, то на другую сторону, придавая его лицу непріятное выраженіе и глаза его смотрятъ нагло-шутливо, то испуганно оглядываются: въ такія минуты какъ теперь обо всемъ надо подумать. Надо подумать о будущемъ, о васъ..... Я васъ всѣхъ люблю, какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь. Наконецъ надо подумать и о моемъ семействѣ,—ты знаешь, Катишъ, что вы три сестры, да еще моя жена, мы одни прямые наслѣдники

графа. Знаю, знаю, какъ тебѣ тяжело говорить и думать о такихъ вещахъ. И мнѣ не легче: но мой другъ» и т. д., и т. д.... «Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его послѣднія минуты тѣмъ, чтобы не допустить его сдѣлать этой несправедливости, не дать умереть въ мысляхъ, что онъ сдѣлалъ несчастными тѣхъ людей».... И такимъ образомъ князь Василій подговариваетъ княжну, живущую въ домѣ Безухова, утащить его завѣщаніе, для того ли, чтобы дать его уничтожить старому графу или чтобы.... Это неизвѣстно. Дѣло не удалось и неудача сломила вѣчный тонъ усталаго приличія, и старый грѣховодникъ становится блѣденъ, трясется, закрываетъ глаза рукою и никогда прежде незамѣчаемая искренность появляется въ его голосѣ, когда онъ говоритъ: «Ахъ, мой другъ, сколько мы грѣшимъ, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Мнѣ шестой десятокъ, мой другъ..... Вѣдь мнѣ.... Все кончится смертью. Смерть ужасна!»

Хоть и правда, что дѣло не удалось, такъ вѣдь приличіе все-таки сохранено, и князь Василій тотчасъ-же принимается обдѣлывать Пьера, единственнаго наслѣдника богатаго графа Безухова. И не то чтобы князь Василій былъ какой нибудь злодѣй, нѣтъ, всѣ его планы и интриги строились сами по себѣ, по старой привычкѣ свѣтскаго человѣка, весь интерессъ жизни котораго состоялъ въ этомъ. Инстинктъ подсказалъ ему, что Пьеръ можетъ быть ему полезенъ, и вотъ онъ сближается съ нимъ, льститъ ему безъ принужденія и становится фамильяренъ. Онъ беретъ Пьера подъ свое особое покровительство, помѣщаетъ у себя въ домѣ и не выпускаетъ изъ рукъ; человѣкъ, заваленный дѣлами, дѣлаетъ все это изъ чистаго состраданія, потому что не можетъ бросить неопытнаго и безпомощнаго юношу на произволъ судьбы и плутовъ. Но казалось, что планъ, явившійся какъ-бы самъ собою въ головѣ князя Василія, изъ-за застѣнчивости Пьера не подвигался къ исполненію:

Пьера съ одной стороны привлекала къ Элень прелесть ея тѣлесъ, но съ другой стороны отталкивала ея глупость и холодность.

«Tout, ça est bel et bon, mais il faut que ça finisse! сказалъ себѣ однажды утромъ князь Василій. Молодость легкомысленна.... Послѣ завтра Лёпины имянины, я позову кое-кого, и ежели онъ не пойметъ, что онъ долженъ сдѣлать, то уже это будетъ мое дѣло. Да мое дѣло. Я отецъ!» И, дѣйствительно, на имянинахъ дочери князь даетъ чувствовать и Пьеру и всѣмъ, что участь Пьера и Элень сегодня должна быть рѣшена. Онъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, и за ужиномъ, подсаживаясь то къ одному, то къ другому изъ гостей, каждому говоритъ небрежное и пріятное слово, исключая Пьера и Элень, которыхъ онъ, какъ будто, не замѣчаетъ.

«Надо неизбѣжно перешагнуть, но не могу, я не могу, думалъ Пьеръ, и заговорилъ опять о постороннемъ, о Сергѣѣ Кузьмичѣ, спрашивая, въ чемъ состоялъ этотъ анекдотъ, такъ какъ онъ его не разслышалъ. Элень съ улыбкой отвѣчала, что она тоже не знаетъ.

Когда князь Василій вошелъ въ гостинную, княгиня тихо говорила съ пожилой дамой о Пьерѣ. Конечно, c'est un parti tres brillant, mais le bonheur, ma chèrè....

Les marriages se font dans les cieux, отвѣчала пожилая дама. Князь Василій, какъ-бы не слушая дамъ, прошелъ въ дальній уголъ и сѣлъ на диванъ. Онъ закрылъ глаза и какъ будто дремалъ. Голова его было упала, и онъ очнулся.

Aline, сказалъ онъ женѣ, allez voir ce qu' ils font.

Княгиня подошла къ двери, прошлась мимо нея съ значительнымъ, равнодушнымъ видомъ и заглянула въ гостиную. Пьеръ и Элень также сидѣли и разговаривали.

—«Все то же» отвѣчала она мужу. Князь Василій нахмурился, сморщилъ ротъ на сторону, щеки его запрыгали съ свойственнымъ ему непріятнымъ, грубымъ выраженіемъ;

онъ, встряхнувшись, всталъ, закинулъ назадъ голову и рѣшительными шагами, мимо дамъ прошелъ въ маленькую гостиную. Онъ скорыми шагами, радостно, подошелъ къ Пьеру. Лицо князя было такъ необыкновенно торжественно, что Пьеръ испуганно всталъ, увидѣвъ его.

—Слава Богу! сказалъ онъ. Жена мнѣ все сказала! Онъ обнялъ одной рукой Пьера, другой—дочь. «Другъ мой! Леля! Я очень, очень радъ!» Голосъ его задрожалъ. «Я любилъ твоего отца.... и она будетъ тебѣ хорошая жена.... Богъ да благословитъ васъ!...» Онъ обнялъ дочь, потомъ опять Пьера и поцѣловалъ его дурно пахучимъ ртомъ. Слезы дѣйствительно омочили его щеки. «Княгиня, иди-же сюда, прокричалъ онъ».

Стоитъ только остановиться на одномъ изъ лицъ, которыми угощаетъ Анна Павловна гостей своего салона, чтобы изучить ихъ всѣхъ. Всѣ эти люди, у которыхъ обыкновенно просятъ о мѣстахъ, о протекціи; большинство изъ нихъ неособенно выдаются своими личными способностями, имѣютъ одни и тѣже желанія, одни стремленія, одинъ способъ удовлетворять имъ, одинъ взглядъ на жизнь и отъ всѣхъ отъ нихъ одинаково пахнетъ душистымъ мыломъ и одеколономъ. Однообразіе ихъ, безъ сомнѣнія, особенно рѣзко бросается въ глаза тому, кто стоитъ отъ нихъ весьма далеко.

Такъ напримѣръ, Билибинъ, человѣкъ очень оригинальный. Это молодой человѣкъ, много обѣщающій на дипломатическомъ поприщѣ. «Онъ былъ не изъ того большаго количества дипломатовъ, которые обязаны имѣть только отрицательныя достоинства, не дѣлать извѣстныхъ вещей и говорить по французски для того, чтобы быть очень хорошимъ дипломатомъ; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дипломатовъ, которые любятъ и умѣютъ работать, и, не смотря на свою лѣнь, онъ иногда проводилъ ночи за письменнымъ столомъ. Онъ работалъ одинаково хорошо, въ чемъ бы ни состояла

сущность работы. Его интересовалъ не вопросъ «зачѣмъ?» а вопросъ «какъ?» Въ чемъ состояло дипломатическое дѣло, ему было все равно, но составить искусно, мѣтко и изящно циркуляръ, меморандумъ или донесеніе, въ этомъ онъ находилъ большое удовольстіе. Заслуги Билибина цѣнились кромѣ письменныхъ работъ, еще и по его искусству обращаться и говорить въ высшихъ сферахъ.

Билибинъ любилъ разговоръ, также какъ онъ любилъ работу, только тогда, когда разговоръ могъ быть изящно-остроуменъ. Въ обществѣ онъ постоянно выжидалъ случая сказать что нибудь замѣчательное, и вступалъ въ разговоръ не иначе, какъ при этихъ условіяхъ. Разговоръ Билибина постоянно пересыпался оригинально-остроумными, законченными фразами, имѣющими общій интересъ. Эти фразы изготовлялись во внутренней лабораторіи Билибина, какъ будто нарочно, портативнаго свойства, для того, чтобы ничтожные свѣтскіе люди удобно могли запоминать ихъ и переносить изъ гостиныхъ въ гостиныя. И дѣйствительно, les mots de Bililibine se comportaient dans les salons de Vienne и часто имѣли вліяніе на такъ называемыя важныя дѣла». Характеръ и способности Билибина ярче всего выясняются въ разговорѣ съ княземъ Андреемъ Болконскимъ; теперь же обратимся къ семейству князей Болконскихъ, въ которомъ мы увидимъ и одну изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей романа графа Л. Н. Толстаго. Это семейство состоитъ изъ стараго князя Николая Андреевича, знатнаго вельможи временъ Императрицы Екатерины, его сына князя Андрея и жены послѣдняго, и кромѣ того дочери стараго князя,—княжны Марьи. Начнемъ съ старика. Послѣдній, высланный изъ Петербурга при Императорѣ Павлѣ, все время жилъ въ своемъ помѣстьѣ—Лысыхъ Горахъ, хотя съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра и получилъ позволеніе ѣздить въ столицу. Князь Николай Андреевичъ въ романѣ графа Толстаго является самымъ вѣрнымъ типомъ

старой, отжившей эпохи. Весь его умственный горизонтъ сложился подъ вліяніемъ французскихъ философовъ—энциклопедистовъ XVIII-го столѣтія, которые, какъ извѣстно, служили въ концѣ прошлаго вѣка предметомъ удивленія и почитанія всей Европы. Судя по взглядамъ стараго князя, насколько это выражено въ романѣ, Вольтеръ своими сочиненіями произвелъ на него самое сильное вліяніе. Да оно такъ и слѣдуетъ. Знаменитый Фернейскій философъ слылъ патріархомъ мудрецовъ, дивиться которымъ считалъ своею обязанностію весь образованный міръ. Уваженіе, которое питали къ нему даже коронованныя особы, извѣстно всѣмъ и каждому. Фридрихъ Великій употреблялъ всѣ усилія, чтобы пригласить Вольтера въ Берлинъ, и считалъ себя вполнѣ осчастливленнымъ, когда успѣлъ въ своемъ желаніи. Правда, впослѣдствіи отношенія Фридриха къ Вольтеру окончились самою скандальною исторіею, но это не помѣшало Прусскому королю и послѣ этой исторіи домогаться дружбы Вольтера и цѣловать руки этого міроваго оракула.

У насъ въ Россіи слава Вольтера доходила до тѣхъ-же громадныхъ размѣровъ, какъ и на западѣ; Екатерина Великая вела съ нимъ дружескую переписку, и наши тогдашніе литераторы закрывали себя его авторитетомъ, какъ бронею. Извѣстно, что Сумароковъ всю лучшую сторону своихъ трагедій видѣлъ въ томъ, что онѣ слѣдуютъ правиламъ Вольтера.

Извѣстно, что Вольтеръ, какъ философъ, принадлежалъ къ школѣ деистовъ; математика у него служитъ основнымъ началомъ всѣхъ знаній. Онъ самъ популяризировалъ теорію Ньютона и эти математическія начала его ученія, конечно, не остались чуждыми для его послѣдователей. Мы уже сказали, что старый князь былъ Вольтерьянецъ. «Онъ говорилъ, (слова графа Толстаго) что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и что есть только двѣ добродѣтели: дѣятельность и умъ».

Въ этихъ взглядахъ стараго князя нельзя не видѣть вліянія Вольтера: извѣстно что вся дѣятельность послѣдняго, какъ онъ самъ выражался, имѣла цѣлью искорененіе суевѣрій, главной причины человѣческихъ несчастій.—Старый князь до самой смерти любилъ заниматься вычисленіями изъ высшей математики и самъ руководилъ воспитаніемъ своей дочери; до двадцатилѣтняго возраста онъ давалъ ей уроки изъ алгебры и геометріи. Придворная жизнь, конечно, не могла остаться безъ послѣдствій на характеръ князя Болконскаго. Она пріучила его къ порядку и форменности, часто доходившихъ даже до излишества. Онъ никогда не позволялъ себѣ выразить всѣ свои чувства, и горячая любовь къ дочери все-таки заключалась подъ внѣшнею ледяною корою. Вотъ нѣсколько словъ, которыми графъ Толстой умѣлъ такъ мѣтко обрисовать типъ стараго Екатерининскаго вельможи.

«Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности Его выходы къ столу совершались при однихъ и тѣхъ-же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ-же часъ, но и минуту. Съ людьми, окружавшими его отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно-требователенъ, и потому не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ-бы добиться самый жестокій человѣкъ. Не смотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему и точно также, какъ архитекторъ, садовникъ, или княжна Марья, дожидались назначеннаго часа выхода князя въ высокой офиціантской. И каждый въ этой офиціантской испытывалъ тоже чувство почтительности и даже страха въ то время, какъ отворялась громадно-высокая дверь кабинета

и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигура старика, съ маленькими, сухими ручками и сѣрыми висячими бровями, иногда, какъ онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точно молодыхъ блестящихъ глазъ.

Эта суровость и сухость старика производила на всѣхъ окружающихъ его такое тяжелое вліяніе, что даже сама княжна Марья, единственная и любимая дочь князя Болконскаго, крестилась и шептала молитву, входя въ его кабинетъ. Какъ волтерьянецъ, князь Николай Андреевичъ отличался равнодушіемъ въ религіозномъ отношеніи. Это была общая и слабая черта всѣхъ образованныхъ людей второй половины XVIII-го в. Мораль считалась единственнымъ началомъ религіи; догматы были ничто и даже служили предметомъ нападковъ.—Понятно, что такое воззрѣніе исходило и исходитъ изъ самыхъ ложныхъ источниковъ. Напротивъ религія есть выраженіе стремленія человѣка сознать свои отношенія къ высшему существу—къ Богу. Слѣдовательно главная формула ея есть догматъ. Что-же касается до нравственныхъ началъ, то, по замѣчанію Бокля, онѣ не прогрессируются, не растутъ вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества, но въ своей коренной основѣ остаются неизмѣнными. Понятно послѣ этого, что деистъ въ родѣ Вольтера, отрицавшій догматы былъ склоненъ къ религіозному индеферентизму и предпочиталъ христіанство только по той причинѣ, что въ немъ полнѣе и ярче отразились нравственныя начала. Догматы-же, какъ христіанскіе, такъ и прочихъ религій, казались для него одинаково нелѣпыми и ненавистными, что лучше всего доказываетъ любимая фраза Вольтера: «чѣмъ меньше догматовъ, тѣмъ меньше споровъ, чѣмъ меньше споровъ, тѣмъ меньше несчастій»: moins de gogumes, moins de disputes; moins des disputes, moins de malheurs.—Эту же черту мы замѣчаемъ и въ князѣ Николаѣ Андреевичѣ. Когда онъ получилъ на

имя дочери письмо отъ одной ея подруги, и книгу, вѣроятно масонскаго направленія, онъ не сталъ размышлять, будетъ ли эта книга полезна княжнѣ, или напротивъ вредна, но тотчасъ-же передалъ ей съ словами; «Вотъ еще какой-то *ключь таинства*. тебѣ твоя Элоиза посылаетъ. Религіозная. *А я ни въ чью вѣру невмѣшиваюсь*.... Просмотрѣлъ. Возьми. Ну ступай, ступай!»—Относительно этой религіозной книги Жюли Карагина, подруга княжны Марьи, писала послѣдней; «прочитайте мистическую книгу, которую я вамъ посылаю: она имѣетъ у насъ огромный успѣхъ. Хотя въ ней есть вещи, которыя трудно понять слабому уму человѣческому, но это превосходная книга: чтеніе ея успокоиваетъ и возвышаетъ душу». Кромѣ того, Жюли увѣдомляла княжну, что князь Василій думаетъ просить ея руки для своего сына Анатоля.

Авторъ романа «Война и Миръ» сознательно коснулся книги *ключь таинства*. Дѣйствительно съ половины царствованія Императрицы Екатерины въ нашемъ обществѣ на ряду съ ученіями французскихъ деистовъ развивается и мистическое ученіе масоновъ. Графъ Толстой въ своемъ романѣ даетъ большее мѣсто описанію масонства, развивая типъ своего героя Пьера Безухова; но жаль только, что при всемъ живомъ изображеніи, онъ мало вникнулъ въ духъ этого мистическаго ученія и больше занялся его внѣшнею стороною. Въ своей основѣ взглядъ графа Толстаго на масонство вѣренъ; мы готовы согласиться съ нимъ, что главный недостатокъ этого ученія заключается въ чрезмѣрномъ значеніи обрядности, въ излишнемъ символизмѣ и теоретичности. Но самый духъ масонства, если отнять всѣ эти затемняющія его стороны, представится намъ далеко не въ томъ, если можно такъ сказать, комичномъ видѣ, въ какомъ изобразилъ его графъ Толстой. Лучшее и болѣе всего выражающее мѣсто въ романѣ относительно масоновъ это сцена Пьера съ Іосифомъ Алексѣеви-

чемъ Багдѣевымъ. Впрочемъ мы поговоримъ еще относительно этого вопроса.

Но мы не можемъ не замѣтить, что, стараясь изобразить въ своемъ романѣ полную картину жизни общества начала нынѣшняго столѣтія, и о его умственномъ направленіи, графъ Толстой упустилъ ту черту, которая, быть можетъ служила одною изъ самыхъ характерическихъ сторонъ этого общества. Во время, описываемое авторомъ романа «Война и Миръ», типичнымъ началомъ какъ литературы, такъ конечно и жизни служило *романтическое направленіе.* Оно дало себя чувствовать уже и въ послѣднее время царствованія Императрицы Екатерины. Что же касается до царствованія Александра I-го, то послѣднее было ознаменовано дѣятельностію Карамзина, главнаго проводника этого направленія въ наше общество. Между тѣмъ въ романѣ графа Толстаго мы ничего подобнаго не видимъ.— Желалъ-ли авторъ указать на это направленіе тогдашняго общества, или нѣтъ,—для насъ рѣшительно неизвѣстно. Покрайней мѣрѣ въ дѣйствующихъ лицахъ мы не замѣчаемъ и слѣдовъ этого. Даже лучшая женская личность романа, на которой по ея чуткой натурѣ и по судьбѣ необходимо должно бы было отразиться это направленіе, является болѣе чувственною нежели на сколько-бы слѣдовало.— Но воротимся къ старому князю. Мы уже говорили, что по своей выдержанности и обработкѣ онъ является однимъ изъ лучшихъ типовъ романа «Война и Миръ». Когда пріѣзжаетъ въ Лысыя горы молодой князь Андрей съ женою, старикъ впервые «сдѣлалъ исключеніе въ своемъ образѣ жизни въ честь пріѣзда сына: онъ велѣлъ впустить его въ свою половину во время одѣванья передъ обѣдомъ». Въ разговорѣ съ сыномъ старый князь сказалъ нѣсколько мѣткихъ и вполнѣ характезирующихъ его словъ. Когда князь Андрей спросилъ отца о здоровьѣ, старикъ отвѣчалъ: «Нездоровы бываютъ, братъ, только дураки да развратники, а

ты меня знаешь, съ утра до вечера *занятъ*, *воздерженъ*, ну и *здоровъ*». «Слава Богу», сказалъ князь Андрей. «Богъ тутъ не причемъ», замѣтилъ старикъ. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи покощунствовать.

Принадлежа вполнѣ и нераздѣльно къ старой Екатерининской эпохѣ, князь Николай Андреевичъ отдавалъ ей всѣ свои симпатіи. Настоящее вызывало изъ его устъ одну ироническую улыбку или презрительныя насмѣшливыя слова. Да и въ самомъ дѣлѣ, могло-ли это настоящее имѣть въ глазахъ его какую нибудь цѣну, когда уже не существовали величественныя лица Румянцева или Суворова, поддерживавшихъ славу и могущество Россіи. Князь Николай Андреевичъ былъ человѣкъ стараго вѣка и не скрывалъ этого. Напротивъ онъ даже кичился тѣмъ, что служилъ при дворѣ Императрицы Екатерины, что былъ дѣятелемъ ея блестящаго царствованія. Въ разговорахъ съ сыномъ онъ распрашиваетъ послѣдняго о текущихъ дѣлахъ точно такимъ же насмѣшливымъ тономъ, съ какимъ мы стали бы распрашивать ребенка о его забавахъ. Во время разсказа князя Андрея о планахъ предстоящаго похода противъ Наполеона, старикъ не выказалъ никакого вниманія и часто перебивалъ сына, начиная вдругъ напѣвать старческимъ голосомъ: Malbroug s'en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra.— Старику Болконскому казалось страннымъ и смѣшнымъ, что цѣлые союзы государствъ не могутъ усмирить Бонапарта. Когда сынъ замѣтилъ ему, что вѣдь и Суворовъ попался въ ловушку, которую подставилъ ему Моро, князь Николай Андреевичъ съ горячностью сталъ доказывать, что этого никогда не было и что Суворовъ навѣрное взялъ-бы въ плѣнъ Моро, если бы ему не помѣшалъ *хофсъ-кригсъ-вурстъ-шнапсъ-ратъ*. Старикъ очень любилъ повторять насмѣшливое выраженіе Суворова о придворномъ военномъ совѣтѣ, и поэтому не упустилъ это словцо и въ настоящемъ случаѣ. «Въ чемъ заключается вся слава Буонапар-

та? горячился все болѣе и болѣе князь. Въ томъ только, что онъ билъ Нѣмцевъ. Да вѣдь Нѣмцевъ-то всякій бить умѣетъ». Впрочемъ въ этомъ разговорѣ съ сыномъ онъ высказалъ такое знаніе современныхъ политическихъ событій, какого нельзя было ожидать отъ него. Да, онъ слѣдилъ за быстрыми успѣхами Бонапарта, этого gonjat d'empereur, какъ онъ называлъ его, слѣдилъ вообще за всѣмъ политическимъ міромъ, но видѣлъ только однѣ ошибки и неспособность. Ему смѣшнымъ казалось то, что Кутузовъ дѣлается главнокомандующимъ. Старческій умъ князя не могъ переварить того обстоятельства, что Россія можетъ обойтиться съ помощію и новыхъ людей.

Совершенно другою личностью представляется молодой князь Андрей. Въ немъ авторъ, какъ видно, желалъ изобразить одинъ изъ лучшихъ типовъ молодаго поколѣнія. Это одинъ изъ героевъ своего времени, какими представляются въ нашей литературѣ Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ и т. д. и т. д. Графъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ знакомитъ насъ съ княземъ Андреемъ въ ту пору его возраста, когда уже бурное опьяненіе жизнію начало проходить въ его головѣ, когда онъ глубже и практичнѣе сталъ понимать все окружающее. Онъ цѣлою головою выше людей, съ которыми имѣетъ дѣло, и поэтому понятно, отчего онъ находится большею частью въ мрачномъ настроеніи духа. Его не веселятъ вечера у баронессы Шереръ, потому что онъ давно уже извѣдалъ пустоту высшаго общества. Единственный человѣкъ, къ которому князь Андрей питаетъ дружбу, это Пьеръ. Онъ, не смотря на многія глупыя и нелѣпыя выходки послѣдняго, понялъ въ немъ человѣка съ доброю и свѣтлою натурою. И князь Андрей не ошибся, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Молодой князь разочарованъ въ жизни, потому что ему не приходится встрѣтить людей, его понимающихъ, людей, которые-бы могли его оцѣнить, потому что онъ стоитъ особнякомъ въ окружающемъ его об-

ществѣ. Быть можетъ это зародышъ будущихъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ. Но у послѣднихъ разочарованіе развилось до пошлости, до маніи, чего еще мы не находили въ князѣ. Онѣгинъ, разъ извѣдавъ пустоту жизни, безполезность свою въ ней участія окончательно входитъ внутрь себя, замыкается и не дѣлаетъ попытокъ снова взойти въ общую жизнь, приложить свои силы къ какому нибудь полезному дѣлу. Князь Андрей, можно выразиться, кипитъ жаждою дѣятельности. Онъ съ радостію готовъ пожертвовать всѣмъ собою чему нибудь истинно хорошему и полезному. Въ немъ нѣтъ ни капли увлеченія. Онъ берется за все выдающееся, обсуждаетъ его самымъ трезвымъ образомъ и отступается если не видитъ въ немъ того, что желалъ-бы. Онъ слишкомъ разборчивъ въ своей дѣятельности и поэтому ему поневолѣ приходится слишкомъ часто разочаровываться.—Такіе люди рѣдки. Бо́льшая часть уживается съ дѣйствительностію, смиритъ себя, жертвуя своими лучшими качествами и погружается въ колею обыденной жизни. Но не такъ легко это бываетъ съ людьми одаренными бо́льшею силою воли и болѣе могучимъ духомъ. Такіе люди не преклоняются: они однако идутъ между прочими низшими собратіями. Князь Андрей принадлежитъ къ такимъ людямъ. Онъ даже не входитъ внутрь себя, подобно Онѣгину, но старается идти въ ряду съ другими, не жертвуя, между прочимъ, своими лучшими симпатіями и убѣжденіями. Онъ добръ и снисходителенъ, или по крайней мѣрѣ старается быть таковымъ въ обхожденіи съ другими людьми. — Онъ женатъ. Мы уже видѣли маленькую княгиню на вечерѣ у баронессы Шереръ, гдѣ она съ большимъ интересомъ входила въ пустые разговоры и великосвѣтскія сплетни. Понятно, что не такую-бы жену нужно было имѣть князю Андрею. Дѣйствительно въ душѣ онъ не чувствуетъ къ ней ни тѣни уваженія, онъ скучаетъ съ ней, его, можетъ быть бѣситъ ея упреки въ нелюбви, но онъ старается быть

внимательнымъ къ ней, хотя часто и не выдерживаетъ. Онъ послѣдователенъ и постояненъ въ своихъ взглядахъ. Каждая новая неудача, каждый новый опытъ въ жизни дополняетъ только тѣ крѣпкія убѣжденія, ту неподкупную философію, которая уже давно сложилась въ его головѣ.

Въ началѣ романа мы видимъ его собирающимся на войну. Онъ рѣшается на это безъ всякаго увлеченія. — Онъ хочетъ испробовать только, не найдетъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ хорошаго примѣненія своихъ способностей. Старый князь одобряетъ его желаніе и даетъ ему письмо къ Кутузову.

Послѣдній принялъ его съ удовольствіемъ и написалъ къ старому князю очень лестное письмо такого содержанія: «Вашъ сынъ надежду подаетъ быть офицеромъ изъ ряду выходящимъ по своимъ занятіямъ, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливымъ, имѣя подъ рукой такого подчиненнаго.» Но походъ однако не пришелся по душѣ князя Андрея: онъ понялъ, что русскія войска играютъ здѣсь самую пасивную роль, и что Австрія умѣетъ хорошо соблюдать свою выгоду. Особенно утвердили его въ этомъ убѣжденіи поѣздка въ Брюнъ и свиданіе съ Билибинымъ. Послѣдній очень основательно замѣтилъ князю Андрею, что Австрійскому двору нѣтъ никакого дѣла до побѣдъ русскихъ войскъ. «Привезите вы намъ хорошенькое извѣстіе о побѣдѣ Эрцгерцога Карла или Фердинанда—un archiduc vaut l'autre, какъ вамъ извѣстно, — хоть надъ ротой пожарной команды Бонапарта, это другое дѣло, мы прогремимъ въ пушки. А то это, какъ нарочно можетъ только дразнить насъ. Эрцгерцогъ Карлъ ничего не дѣлаетъ, эрцгерцогъ Фердинандъ покрывается позоромъ. Вѣну вы бросаете, незащищаете больше, comme si vous nous disiez: съ нами Богъ, а Богъ съ вами съ вашей столицей. Одинъ генералъ, котораго мы всѣ любили, Шмитъ, вы его подводите подъ пулю и поздравляете насъ съ побѣдой!....

Согласитесь, что раздразительнѣе того извѣстія, которое вы привозите нельзя придумать. C'est comme un fait exprès, comme un fait exprès»... Въ этихъ справедливыхъ словахъ, Билибинъ выразилъ все направленіе Австрійской политики. Въ самомъ дѣлѣ что-же веселаго Австріи въ той побѣдѣ, которую одержали русскія войска надъ отрядомъ Французской арміи, въ побѣдѣ, которая нисколько не улучшила положеніе Австріи. Послѣдняя вступала въ союзъ съ Россіею единственно съ цѣлію огарантировать себя отъ завоеваній Бонапарта. До союзницы—Россіи ей ровно не было никакого дѣла: напротивъ, она старалась воспользоваться для себя ея-же силами.

Холодный пріемъ Австрійскаго Императора еще болѣе убѣдили князя Андрея въ справедливости словъ Билибина. Императоръ не столько радовался побѣдѣ, сколько былъ огорченъ смертію генерала Шмита.

Во время отступленія Русской арміи князь Андрей былъ въ аріергардѣ, которымъ начальствовалъ Багратіонъ. Батальныя сцены нарисованы графомъ Толстымъ такою мастерскою кистью, что трудно передать. Здѣсь передано общее настроеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ съ такою изумительною вѣрностію, что самое дѣло какъ будто ведется передъ нашими глазами. Характеристика Багратіона великолѣпна. Этотъ генералъ, подобно Кутузову, не отдаетъ никакихъ приказаній, но показываетъ видъ, «что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. Благодаря такту, который выказывалъ князь Багратіонъ, князь Андрей замѣчалъ, что несмотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело привѣт-

ствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли предъ нимъ своею храбростью.» Переѣзжая отъ одного мѣста сраженія къ другому, Багратіонъ внимательно слѣдилъ за движеніями войска, за направленіемъ батарей и казался вполнѣ довольнымъ: «хорошо», повторялъ онъ.

Но вотъ наконецъ приходитъ и знаменитое Аустерлицкое сраженіе. Союзная армія лично управлялась Императорами Русскимъ и Австрійскимъ. Сраженіе осталось очень памятно князю Андрею: оно произвело на него самое сильное и тяжелое впечатлѣніе. Нужно замѣтить, что онъ присутствовалъ на военномъ совѣтѣ, происходившемъ наканунѣ битвы. Кутузовъ все время дремалъ и соснулъ порядкомъ въ то время, пока разсуждали прочіе генералы. Кутузовъ понималъ всю безцѣнность и нелѣпость военныхъ совѣтовъ наканунѣ сраженія и поэтому не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Князю Андрею казалось, что старый главнокомандующій не желаетъ или не можетъ принять дѣятельное участіе въ войнѣ и это равнодушіе мучило Болконскаго. Но впослѣдствіи понялъ, что Кутузовъ былъ вполнѣ правъ и что онъ знаетъ свое дѣло лучше, чѣмъ кто-либо другой. Во время сраженія князь Андрей былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ Французамъ. Прежде чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ его характера мы вернемся на нѣсколько времени къ старому князю.—Мы замѣтили, что Жюли въ своемъ письмѣ говорила княжнѣ Марьѣ, что князь Василій желалъ бы женить на ней своего сына Анатоля. И дѣйствительно въ скоромъ времени пріѣхалъ въ Лысыя Горы князь Василій съ женихомъ и въ свиданіи и разговорѣ съ послѣдними ярче всего опредѣлился характеръ стараго князя. Онъ зналъ цѣль пріѣзда гостей и мысль, рѣшится-ли онъ когда-либо разстаться съ дочерью мучила его. Онъ старался оправдать въ своей головѣ свое нежеланіе выдать замужъ княжну Марью: «И

къ чему ей выходить, думалъ онъ, навѣрно быть несчастной. Вотъ Лиза за Андреемъ (лучше мужа теперь кажется трудно найти), а развѣ она довольна своей судьбой? И кто её возьметъ изъ любви? Дурна, неловка. Возьмутъ за связи, за богатство. И развѣ неживутъ въ дѣвкахъ? Еще счастливѣе!» Но онъ не хотѣлъ показать свои эгоистическія желанія и рѣшился въ умѣ своемъ отдать свою дочь только въ томъ случаѣ, если женихъ окажется достойнымъ ея. Вышедши къ гостямъ, онъ прежде всего обратилъ вниманіе не на нихъ, какъ слѣдовало-бы ожидать, но на княжну Марью. Она уже успѣла перемѣнить свое платье и прическу, и эта-то перемѣна костюма самымъ жалкимъ образомъ подѣйствовала на старика. Ему показалось, что дочь желаетъ поскорѣе выдти за мужъ, бросить его, и хотя онъ не показалъ сначала и вида неудовольствія, но однако не съумѣлъ удержаться до конца и въ серединѣ разговора съ княземъ Василіемъ, крикнулъ на дочь: «Это ты для гостей такъ убралась, а? Хороша, очень хороша. Ты при гостяхъ причесана по новому, а я при гостяхъ тебѣ говорю, что впередъ не смѣй переодѣваться безъ моего спроса». Маленькая княгиня хотѣла было смягчить тѣмъ князя, сказавъ, что во всемъ виновата она, но тотъ не обратилъ на ея слова почти никакого вниманія. «Вамъ полная воля-съ, сказалъ онъ., расшаркиваясь передъ невѣсткой, а ей уродовать себя нечего,—и такъ дурна». И онъ опять сѣлъ на мѣсто, не обращая болѣе вниманія на до слезъ доведенную дочь».—Князь Николай Андреевичъ такъ любилъ свою княжну Марью и до такой степени не желалъ выдать её замужъ, что думалъ, что всякій догадывается въ этомъ и поэтому сказалъ князю Василью, вызвавъ его въ кабинетъ: «*Что-жъ ты думаешь, что я ее держу, не могу разстаться? Вообразятъ себѣ!* Мнѣ хоть завтра! Только скажу тебѣ, что я своего зятя хочу знать лучше. Ты знаешь мои правила:

все открыто! Я завтра при тебѣ спрошу, хочетъ она, тогда пусть онъ поживетъ. Пускай поживетъ, я посмотрю, князь фыркнулъ, пускай выходитъ мнѣ все равно. закричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ». Когда на другой день княжна взошла къ нему, онъ спросилъ её согласна-ли она выдти за Анатоля, и, замѣтивъ, что она готова дать удовлетворительный отвѣтъ, пришелъ въ бѣшенство: «И прекрасно, закричалъ онъ. Онъ тебя возьметъ съ приданымъ, да кстати захватитъ M-lle Bourienne. Та будетъ женой, а ты....» Онъ не договоривъ, замѣтилъ впечатлѣніе произведенное на дочь его словами и добавилъ ей, что она черезъ часъ должна сказать рѣшительное *да* или *нѣтъ*. Но однако опасеніямъ страстно—любящаго отца не суждено было исполниться. Вышедши изъ кабинета стараго князя, княжна Марья увидѣла, что Анатоль обнимаетъ M-lle Bourienne и недосказанные намеки отца теперь выяснились ей во всей силѣ. Черезъ часъ она явилась въ гостиную и объявила, что ее желаніе не раздѣлять свою жизнь съ жизнью отца. Понятно, какимъ образомъ этотъ отвѣтъ долженъ былъ подѣйствовать на стараго князя.

Правда, онъ уже старался показать видъ, что не доволенъ рѣшеніемъ, но дочери по всему было замѣтно противное: «Вздоръ, вздоръ, вздоръ! нахмурившись закричалъ онъ, взялъ дочь за руку, пригнулъ къ себѣ, и не поцѣловалъ, но только пригнувъ свой лобъ къ ея лбу, дотронулся до нея и такъ сжалъ руку, которую онъ держалъ, что она поморщилась и вскрикнула».

Теперь обратимся снова къ князю Андрею. Послѣдовавшія событія въ его частной жизни, рожденіе сына, смерть маленькой княгини и такъ далѣе произвели на него весьма сильное дѣйствіе. Умственно онъ созрѣвалъ, развивался и все болѣе и болѣе укладывался въ свою собственную рамку. Въ разговорѣ съ Пьеромъ (2-й т. 136 и пр. стр.) онъ высказывается вполнѣ и даетъ обильный матеріалъ для

своей характеристики. Пьеръ разсказываетъ князю о своей жизни и дуэли съ Долоховымъ и замѣчаетъ, что онъ очень радъ, что не убилъ Долохова. «Отчего-же? возражаетъ Болконскій, убить злую собаку даже очень хорошо», и когда Пьеръ выражаетъ, что это было-бы несправедливо, какъ зло, князь Андрей говоритъ своему другу слѣдующія слова:

— А кто тебѣ сказалъ, что̀ такое зло для другаго человѣка?

— Зло? зло? сказалъ Пьеръ, мы всѣ знаемъ, что такое зло для себя.

— Да, мы знаемъ, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сдѣлать другому человѣку, все болѣе и болѣе оживляясь говорилъ князь Андрей, видимо стараясь высказать Пьеру свой новый взглядъ на вещи. Я знаю въ жизни только два дѣйствительныя несчастія: угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И счастіе есть только отсутствіе этихъ золъ. *Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь.* Онъ разочаровался въ людяхъ. Жить для другихъ сдѣлалось для него нелѣпымъ, потому что эти другіе никогда не останутся благодарны за доброе дѣло, никогда не оцѣнятъ его, и даже скорѣе помѣшаютъ. «Я жилъ для славы, говоритъ князь Андрей. Вѣдь что̀ слава? та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что нибудь, желаніе ихъ похвалы. Такъ я жилъ для другихъ *и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь.* И съ тѣхъ поръ сталъ покойнѣе, какъ живу для одного себя».— Мы выпишемъ еще нѣсколько характеристическихъ мѣстъ, которыми такъ богатъ романъ графа Толстаго, для того, чтобы яснѣе опредѣлить характеръ князя Андрея.— Разговаривая съ Пьеромъ касательно преобразованій, которыя послѣдній хотѣлъ ввести въ положеніи своихъ крестьянъ, князь Андрей высказалъ слѣдующее: «Ну давай спорить, Ты говоришь школы, поученія и т. д., то есть ты хочешь вывести его, говорилъ онъ, указывая на мужика, снявшаго

шапку, проходившаго мимо ихъ, изъ его животнаго состоянія и дать ему нравственныхъ потребностей, а мнѣ кажется, что *единственное возможное счастіе—есть счастіе животное*, ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь сдѣлать его мною, но не давъ ему моихъ средствъ. Другое ты говоришь: облегчить его работу. А по моему трудъ физическій для него есть такая же необходимость, такое же условіе его существованія, какъ для меня и для тебя трудъ умственный. Ты не можешь не думать. Я ложусь спать въ 3-мъ часу, мнѣ приходятъ мысли, и я не могу заснуть, ворочаюсь, не сплю до утра оттого, что я думаю и не могу не думать, какъ онъ не можетъ не похать, не косить; иначе онъ пойдетъ въ кабакъ, или сдѣлается боленъ. Какъ я не перенесу его страшнаго физическаго труда, я умру черезъ недѣлю, такъ онъ не перенесетъ моей физической праздности, онъ растолстѣетъ и умретъ. Третье,—что бишь еще ты сказалъ? князь Андрей загнулъ третій палецъ. Ахъ, да, больницы, лекарства. У него ударъ, онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылечилъ. Онъ калѣкою будетъ ходить 10 лѣтъ, всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣе ему умереть Другіе родятся, и такъ ихъ много. Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ,—какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лечить. А ему этого не нужно. Да и потомъ, что за воображеніе, что медицина кого нибудь, когда нибудь вылечила! Убивать такъ! сказалъ онъ, злобно нахмурившись и отвернувшись отъ Пьера». Въ другомъ мѣстѣ князь Андрей объясняетъ то же самое еще ярче. «Ну вотъ, говоритъ онъ Пьеру, ты хочешь освободить крестьянъ. Это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь), и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири онъ ведетъ ту же свою скот-

скую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ также счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко, и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты можетъ быть не видалъ, а я видѣлъ, какъ хорошіе люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они дѣлаются раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе. — Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти были наведены Андрею его отцемъ. Онъ ничего не отвѣчалъ ему». Эти фразы, какъ нельзя лучше характеризуютъ личность князя Андрея. На первый разъ онѣ могутъ показаться холодными, черствыми и эгоистичными. Но на самомъ дѣлѣ онѣ вышли изъ больной надорванной души. «Я завидую мужику», говоритъ Андрей Болконскій. Но чему же именно онъ завидуетъ? Тому, что мужикъ ведетъ болѣе *скотскую жизнь*, тому, что лишенія, страхъ, скудныя средства и постоянный трудъ мѣшаютъ ему жить духовно, *мыслить*. Руссо въ своемъ трактатѣ «о вліяніи наукъ и искусствъ на улучшеніе нравовъ человѣчества сказалъ, что главное качество человѣка, которымъ онъ отличается отъ животныхъ, и которое есть причина всѣхъ его бѣдствій,—это способность усовершенствоваться, князь Андрей въ этомъ случаѣ вполнѣ сходится съ Руссо. Какъ женевскій философъ, такъ и князь Андрей, видятъ возможное счастіе человѣка — въ грубомъ животномъ состояніи. Но оба они смотрятъ на этотъ фактъ различно. Руссо говоритъ, что все несчастіе заключается въ томъ, что одинъ классъ эксплуатируется другимъ. Менѣе умные и менѣе богатые подчиняются болѣе умнымъ и болѣе богатымъ. Счастливы послѣдніе и несчастны первые. У

князя же Андрея дѣло выходитъ на оборотъ: счастливы тѣ, которые не размышляютъ, не живутъ на счетъ рефлекса, которые порабощены, а несчастливы тѣ которые пользуются властью, которые обдумываютъ свои поступки, способны къ раскаянію и т. д. Этотъ взглядъ князь Андрей вывелъ опытомъ своей собственной жизни. Контрастъ между духовнымъ и внѣшнимъ міромъ, невозможность исполнить на дѣлѣ тѣ стремленія, которыя находятся въ глубинѣ души, наконецъ невозможность вслѣдствіе этого ужится, примириться съ жизнію, вотъ что мучительно и раздражительно подѣйствовало на Болконскаго и привело его къ такимъ тяжелымъ взглядамъ. Онъ чувствовалъ, что онъ несчастнѣе мужика, потому что послѣдній не знаетъ тѣхъ нравственныхъ мученій на которые способенъ онъ. Крестьянинъ способенъ удовлетвориться: для этого ему нужно только уничтоженіе физическихъ нуждъ. Князь же Андрей удовлетвориться не могъ, потому что его стремленія не могли осуществиться въ действительности. Вотъ почему онъ не могъ согласиться съ Пьеромъ въ пользѣ улучшенія крестьянскаго быта; по взглядамъ Болконскаго это было посягновеніе на счастіе, которымъ обладаетъ крестьянинъ и ничего болѣе. Понятны послѣ этого и слѣдующія слова князя Андрея: «*Жить для себя*, избѣгая двухъ золъ, угрызенія совѣсти и болѣзни: вотъ вся моя мудрость».

Это болѣзненное настроеніе развивалось въ князѣ Андреѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ идеалистъ, чтобы довольствоваться тѣмъ, что составляло предметъ заботы и стараній прочихъ людей тогдашняго общества. Поэтому разочарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація все сильнѣе овладѣвала имъ. Не находя прелести во внѣшней жизни, которую онъ считалъ одною *ложью*, онъ углубился въ себя и лелеялъ тѣ идеалы, которые бродили въ его душѣ. Жизнь ему прискучила; онъ казался отжившимъ, несмотря на то, что ему

было не болѣе 30 лѣтъ. Одинъ разъ впрочемъ едва не ожилъ. Его было воскресила любовь къ Наташѣ; изъ за нее онъ даже рѣшился поссорится съ отцомъ, котораго онъ страстно любилъ, но и здѣсь все таки не сбылись его свѣтлыя мечты. Меланхолія овладѣла имъ снова и въ самой сильной степени.

Но мы подождемъ еще заканчивать наши слова о князѣ Андреѣ: говоря объ отцѣ и сынѣ, мы еще ничего не сказали о дочери, которая тоже заслуживаетъ нашего вниманія. Княжна составляетъ совершенную противоположность описаннымъ лицамъ. Постараемся взглянуть на нее посерьезнѣе и опредѣлить ея характеръ.

Княжна очень дурна собой. Единственнымъ украшеніемъ ея лица служатъ прекрасныя глаза. Княжна знаетъ, что она не красива; объ этомъ почти каждую минуту твердитъ ей отецъ. Поэтому она не надѣется, чтобы кто нибудь полюбилъ ее, не надѣется достигнуть семейнаго счастія, хотя и желала бы его отъ всей души. Дѣтство свое она провела въ деревнѣ посреди нянюшекъ, прислушиваясь къ разсказамъ божіихъ людей, которыми она любила окружать себя. Это произвело большое вліяніе на развитіе ея характера. Она пристрастилась къ чтенію духовныхъ книгъ и согрѣла свою душу истинами Евангелія. Она знала, что отецъ страстно любитъ ее, хотя и скрываетъ свои чувства подъ внѣшнею холодностью и платила ему за любовь тѣмъ же. Впрочемъ кого она не любила? Любовь была главнымъ условіемъ ея существованія и она готова была жертвовать всѣмъ для другихъ. Это сестра милосердія. Она не могла помнить обиды и оскорбленія. Несмотря на то, что она подъ часъ тяготилась характеромъ своего отца и желала самостоятельной счастливой жизни, она была на столько добра, что прощала всякому, кто мѣшалъ ей въ этомъ стремленіи. Вспомнимъ пріѣздъ князя Василія и Анатоля. Послѣдній очень понравился княжнѣ. Она не поняла, что

онъ дурной человѣкъ въ высшей степени.» «Какой онъ *добрый*, должно-быть, думала она. Быть *добрымъ* казалось ей есть лучшее качество человѣка. Она мечтала о томъ счастіи какое будетъ испытывать сдѣлавшись его женою, любя его; но вдругъ эти мечты ея разрушаются: она застаетъ Анатоля, обнимающимъ M-lle Bourienne, — и ни капли злобы не западаетъ въ ея душу. Напротивъ, она уже думаетъ о томъ счастіи, которое она устроитъ M-lle Bourienne, уступивъ послѣдней своего жениха. «Онъ не богатъ, думаетъ она, я попрошу отца дать ей состояніе».

Князь Андрей любитъ свою сестру, но конечно не можетъ сочувствовать ей. Ему кажутся смѣшными, ея религіозное настроеніе, ея доброта и ея самопожертвованіе. Когда онъ разговорился съ Пьеромъ о милосердіи, о состраданіи и добродѣтели, то сказалъ Безухову: «Говори объ этомъ съ моей сестрой. Она лучше знаетъ это». Княжна Марья также страстно любила князя Андрея. Она жалѣла его, не видя въ немъ такой религіозности, которою обладала сама. Когда умерла маленькая княгиня, она постановила своею обязанностью жить для Николушки, сына князя Андрея. Мы не можемъ не вспомнить ея сцену съ умирающимъ отцомъ. На послѣдняго самымъ убійственнымъ образомъ подѣйствовала война 1812 года. Старый князь Николай Андреевичъ не вѣрилъ, чтобы молодое поколѣніе могло отстоять свою родину. Однимъ изъ послѣднихъ словъ его были: «Погибла Россія, погубили!» Передъ смертью онъ выразилъ всю свою нѣжную любовь къ дочери «дружокъ мой!» шепталъ онъ ей. Княжнѣ Марьѣ пришло на умъ въ началѣ болѣзни стараго князя, что, можетъ быть она сдѣлается счастливѣе послѣ смерти отца, будучи свободною, и теперь воспоминаніе объ этой мысли мучило ее. Раскаяніе грызло ее до самыхъ ужасныхъ предѣловъ. «Зачѣмъ мнѣ мое счастіе, когда уже нѣтъ болѣе *его*» (т. е. отца), думала она. Во-

обще княжна Марья поражаетъ насъ своею, даже болѣзненною чувствительностью.

Наступаетъ 1812 годъ, и открывается знаменитая отечественная война. Передъ началомъ военныхъ дѣйствій Императоръ Александръ посылаетъ Балашова съ письмомъ къ Наполеону для переговоровъ. А. С. Норовъ въ своей брошюркѣ, написанной по поводу романа графа Толстаго замѣчаетъ, что разговоръ Балашова съ Наполеономъ смѣшонъ: послѣдній напоминаетъ собою Мольеровскаго «bourgeois gentilhomme». Но такаго именно разговора мы и должны были ожидать. Наполеонъ всегда сопутствуемый своей счастливой звѣздой, избалованный фортуной былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ назначенъ Провидѣніемъ для великихъ цѣлей. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался увѣренъ въ своей безошибочности и правотѣ. Онъ думалъ, что все, что онъ ни дѣлаетъ, что все, что онъ ни говоритъ вполнѣ совершенно. Этимъ можно объяснить многія чисто нелѣпыя его выходки. Для него существовало только собственное *я*. Поэтому сухость и презрительность выражалась во всемъ его обхожденіи съ прочими людьми. Солдаты по его мнѣнію были только шахматныя фигуры: нельзя не вспомнить о весьма характерическомъ анекдотѣ, который разсказываютъ про него. Говорятъ, когда послѣ несчастнаго русскаго похода адьютантъ доносилъ ему о жалкомъ положеніи солдатъ, Наполеонъ перебилъ его слѣдующими словами: «Солдаты..... и, полноте!.. поговорите лучше о лошадяхъ».... По нашему мнѣнію сцена между Наполеономъ и Балашовымъ вѣрна, характеристична и принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ романа. Наполеонъ здѣсь говоритъ очень много дикаго, вполнѣ убѣжденный, что все это въ высшей степени прекрасно.

Князь Андрей участвовалъ въ войнѣ 1812 года. Онъ былъ подъ Смоленскомъ, отсюда написалъ отцу, чтобы тотъ скорѣе выѣзжалъ съ княжною Марьею и Николушкою, по-

тому что непріятель скоро явится въ Лысыхъ Горахъ. Старый князь ни за что не соглашался выѣзжать, набралъ о полченцевъ и самъ хотѣлъ выступить противъ непріятеля. Однако опасности до того взволновали его, что съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ и умеръ. «Погибла Россія, погубили!» были одними изъ послѣднихъ его словъ. Извѣстіе о смерти отца глубоко подѣйствовало на князя Андрея. Онъ хорошо понималъ, что скорое движеніе непріятеля къ Лысымъ Горамъ медленность въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ наконецъ повсюду распространившійся страхъ къ Французамъ свели отца въ могилу. Вслѣдствіе этого его ненависть къ непріятелю достигла до самыхъ ужасныхъ размѣровъ. Вотъ что онъ говорилъ Пьеру наканунѣ Бородинго сраженія. «Одно, что-бы я сдѣлалъ, если-бы имѣлъ власть,—я не бралъ-бы плѣнныхъ. Что такое плѣнные? Это рыцарство. Французы раззорили мой домъ и идутъ раззорить Москву, оскорбили и оскорбляютъ меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники всѣ по моимъ понятіямъ. И также думаетъ Тимохинъ (одинъ офицеръ того полка, въ которомъ находился князь Андрей) и вся армія. Надо ихъ казнить. Ежели они враги мои, то не могутъ быть друзьями, какъ-бы тамъ они ни разговаривали въ Тильзитѣ».... «Не брать плѣнныхъ, продолжалъ князь Андрей. Это одно измѣнило-бы всю войну и сдѣлало-бы ее менѣе жестокой. А то мы играли въ войну,— вотъ что скверно мы великодушничаемъ и т. п. Это великодушничанье и чувствительность—въ родѣ великодушія и чувствительности барыни, съ которою дѣлается дурнота, когда она видитъ убиваемаго теленка: она такъ добра, что не можетъ видѣть кровь, но она съ аппетитомъ кушаетъ этого теленка подъ соусомъ. Намъ толкуютъ о правахъ войны, о рыцарствѣ, о парламентерствѣ, щадить несчастныхъ и т. д. Все вздоръ, я видѣлъ въ 1805 году рыцарство парламентерство; насъ надули, мы надули. *Грабятъ чужіе*

дома, пускаютъ фальшивыя ассигнаціи, да хуже всего убиваютъ моихъ дѣтей, моего отца и говорятъ о правилахъ войны и великодушіи къ врагамъ. Не брать плѣнныхъ, а убивать и на смерть! *Кто дошелъ до этого, такъ какъ я, тѣми же страданіями....»* Князь Андрей.... внезапно остановился въ своей рѣчи отъ судороги, схватившей его за горло.—Дѣйствительно онъ уже все потерялъ въ жизни. Отецъ нѣжно имъ любимый умеръ и причину его смерти князь Андрей видѣлъ въ войнѣ. Легко объяснить послѣ этого его ненависть къ Французамъ, которые отняли у него послѣднее, что связывало его съ жизнію. «Ахъ, душа моя, говорилъ онъ Пьеру, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить.

Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А негодится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла.... Ну да не надолго! прибавилъ онъ».

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе памятнаго всѣмъ русскимъ Бородинскаго сраженія. Сцены, какъ предшествующіе (пріѣздъ въ лагерь къ Императору Наполеону M-rs de Beausset и Fabrier, объѣздъ Наполеона кругомъ линіи, его разговоръ съ Раппомъ), такъ и самаго сраженія, написаны мастерскою кистью, указывающею на громадный талантъ автора. Вообще батальныя сцены составляютъ едва-ли не самыя художественныя картины романа. Личность старика Кутузова, этого умнаго, чисто—русскаго главнокомандующаго обрисована здѣсь во всей своей силѣ. Особенно ярко выражены также и ощущенія, испытываемыя Наполеономъ во время Бородинскаго боя. Вообще говоря; это описаніе принадлежитъ къ одному изъ самыхъ художественныхъ мѣстъ въ русской литературѣ.

Во время сраженія князь Андрей находился съ своимъ полкомъ въ резервахъ подъ страшными выстрѣлами непріятеля. Онъ старался побѣдить въ себѣ чувство страха за жизнь, разхаживая по полю и считая свои шаги. Въ двухъ

шагахъ отъ него шлепнулась граната. «Неужели это смерть, думалъ князь Андрей, совершенно новымъ завистливымъ взглядомъ глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющагося отъ вертящагося черного мячика. Я не могу, я не хочу умирать, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздухъ.... Въ одно и то-же время послышался взрывъ, свистъ осколковъ, какъ-бы разбитой рамы, душный запахъ пороха, и князь Андрей рванулся въ сторону и, поднявъ кверху руку, упалъ на грудь».—Онъ былъ раненъ и смертельно. Его желанія смерти, которыя онъ вызсказывалъ наканунѣ, исполнились. Его раненаго перевезли въ Москву. Когда-же непріятель приблизился къ Москвѣ, жители, несмотря на увѣренія Растопчина, поняли опасность и рѣшились оставить городъ. Наташа Ростова упросила своихъ родителей дать нѣсколько обозовъ подъ раненыхъ и въ числѣ послѣднихъ былъ и князь Андрей. Наташа узнала про это, она вспомнила свою прежнюю любовь къ нему, вспомнила, какъ она виновата, и раскаяніе самымъ мучительнымъ огнемъ наполняло ея душу. Ночью на постояломъ дворѣ, когда всѣ родные заснули, она рѣшилась во что-бы-то ни стало увидѣться съ нимъ. Сцена свиданія вѣликолѣпна. Характеръ князя Андрея во время его болѣзни развился до окончательности, съ своей исходной коренной точки. Надобно замѣтить, что раненый онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ отнимали ногу у Анатоля Курагина, того самаго, который едва не соблазнилъ Наташу и послѣдній рыдалъ въ то время, какъ дѣлали операцію. Князю Андрею сдѣлалось жалко своего врага,—начался первый актъ примиренія. Вотъ его собственныя мысли, которыя объяснятъ дѣло лучше всѣхъ всѣхъ нашихъ словъ: «Да любовь, но не та любовь, которая любитъ за что нибудь, или почему нибудь, но та любовь, которую я испыталъ въ первый разъ, когда, умирая, я увидалъ своего врага и все-таки полюбилъ его. Я испы-

талъ то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. Любить ближнихъ, любить враговъ своихъ. Все любить—любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ. Любить человѣка дорогаго можно человѣческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. И отъ этого-то я испыталъ такую радость, когда я почувствовалъ, что люблю того человѣка. Чтò съ нимъ? Живъ-ли онъ». За тѣмъ онъ началъ вспоминать о Наташѣ и во время этихъ мечтаній, Наташа *дѣйствительно* явилась около него и упала передъ нимъ на колѣна. Она ночью тихо пробралась въ комнату раненаго, чтобы только увидѣть князя Андрея. Послѣдній протянулъ ей руку. Наташа стала цѣловать ее. «Простите меня въ томъ, что я противъ васъ сдѣлала» говорила она. «Я люблю тебя теперь больше чѣмъ прежде», отвѣчалъ Болконскій. Любовь наполняла теперь все существованіе князя Андрея. Онъ любилъ Наташу теперь болѣе чѣмъ прежде потому, что эта любовь была свободнѣе, *божественнѣе*, потому что онъ имѣлъ причины не любить ее. Прежніе интересы и страсти стихли въ его душѣ. Онъ думалъ теперь только объ одномъ вѣчномъ, неизмѣняемомъ.

Теперь обратимся къ другому герою романа Пьеру Безухову. Онъ былъ незаконный сынъ одного знатнаго Екатерининскаго вельможи. Дѣтство свою и первую молодость Пьеръ провелъ съ гувернерами за границей, тамъ получилъ французское воспитаніе и пріѣхалъ въ Россію незадолго до смерти своего отца. Французское воспитаніе дало ему нѣкоторыя поверхностныя знанія, нѣкоторыя свѣденія относительно вопросовъ минуты, но не могло развить его и дать полную опредѣленность его характеру. Пьеръ по своему темпераменту былъ сангвинико-флегматикъ. Онъ не имѣлъ никакого знанія жизни и дѣйствительно велъ себя очень странно во всей первой половинѣ романа. По стол-

кнувшись съ жизнію, въ которой онъ игралъ въ началѣ самую пассивную роль,—Пьеръ понялъ свою несостоятельность и сталъ пытаться найти цѣль для своего существованія. Мы познакомились съ нимъ на вечерѣ у баронесы Шереръ. Мы видѣли, что онъ приводилъ въ отчаяніе хозяйку своими политическими возрѣніями, мы видѣли также, какъ слабъ онъ былъ и не твердъ въ этихъ возрѣніяхъ; онъ совершенно запутался и его выручилъ уже князь Андрей. Чрезвычайно страннымъ можетъ показаться онъ также въ сценахъ при смерти отца, когда онъ совершенно нежданно-негадано получаетъ громадное наслѣдство. Все это время Пьеръ не выказываетъ никакихъ признаковъ личнаго существованія. Онъ позволяетъ каждому проводить себя за носъ, можетъ быть понимаетъ что другіе стараются воспользоватся его равнодушіемъ, но не выказываетъ никакихъ претензій. Читатели вѣроятно помнятъ его странную женитьбу на Эленъ, произшедшую единственно вслѣдствіе самыхъ наглыхъ интригъ князя Василья. Послѣдній даже не спрашивая Пьера благословилъ свою дочь и уже послѣ Безуховъ самымъ машинальнымъ образомъ сказалъ прекрасной Эленѣ—je vous aime,—въ чемъ онъ впослѣдствіи жестоко раскаялся.—Его жена оказалась бездушною прекрасною камеліей и скоро завела цѣлый полкъ обожателей. Пьеръ сначала и на это смотрѣлъ сквозь пальцы: онъ зналъ положительно, что его жена глупа и развратна, но это его слишкомъ мало безпокоило. Только однажды, оскорбленный въ Англійскомъ клубѣ на обѣдѣ въ честь Багратіона любовникомъ своей жены Долоховымъ онъ вызвалъ послѣдняго на дуэль. Но этотъ вызовъ былъ сдѣланъ только въ страшномъ порывѣ гнѣва и уже на другой день Пьеръ чувствовалъ всю пошлость и глупость предназначенной дуэли. «Развѣ обязанъ беречь мою честь совершенно посторонній мнѣ человѣкъ?» думалъ онъ. Безуховъ никогда не бралъ въ руки пистолета и совершенно неожиданно ра-

нилъ Долохова. Эта сцена такъ поразила его, что онъ, забывшись, пошелъ по снѣгу, самъ не понимая куда. Много разъ послѣ онъ высказывалъ, что онъ считаетъ себя счастливымъ въ томъ, что ему не пришлось убить своего противника. —Эленъ, узнавъ о дуэли, начала укорять своего мужа. Она въ порывѣ досады даже высказала ему, что онъ не стоитъ мизинца Долохова. Пьеръ предложилъ ей развестись. Эленъ насмѣшливо отвѣчала, что она совершенно согласна и очень рада этому, если только мужъ дастъ ей извѣстныя и приличныя средства къ жизни. Пьеръ не выдержалъ закричалъ на жену, едва не бросилъ въ нее мраморною доскою и выгналъ изъ своего кабинета. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ далъ ей довѣренность на управленіе болѣе половины его имѣній и уѣхалъ въ Петербургъ. Но тутъ мы должны остановится и поговорить о Пьерѣ нѣсколько подробнѣе. На дорогѣ въ Петербургъ на одной станціи онъ встрѣтился съ масономъ Осипомъ Алексѣевичемъ Баздѣевымъ и сцена между ними принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ романа. Масонъ разговорился съ Пьеромъ, сказалъ ему, что онъ знаетъ несчастныя приключенья последняго и предлагаетъ ему братскую руку отъ имени всего общества свободныхъ каменьщиковъ. Пьеръ замѣтилъ ему, что онъ, т. е. Пьеръ не вѣритъ въ Бога, что было очень естественно при томъ легкомъ, свѣтскомъ воспитаніи, которое онъ получилъ, и что, поэтому, онъ чуствуетъ себя не способнымъ принять предложеніе масона. Однако послѣдній успѣлъ доказать своими доводами Пьеру, что онъ заблуждается и далъ ему записку къ графу Вилларскому, черезъ котораго Пьеръ долженъ былъ быть посвященъ въ братство.

Мы уже говорили, нѣсколько страницъ тому назадъ, что масонство играло большую роль въ обществѣ, того времени, которое описываетъ графъ Толстой. Это мистическое ученіе развилось у насъ еще въ половинѣ царствованія

Императрицы Екатерины и патріархомъ его можно назвать Новикова. Мы говорили также, разбирая характеръ стараго князя Николая Анреевича Болконскаго, что въ царствованіе Екатерины процвѣтало также ученіе французскихъ энциклопедистовъ XVIII-го вѣка. Какимъ—же образомъ могли ужиться въ одну и туже эпоху два, столь противоположныя, на первый взлядъ, ученія? Для разрѣшенія этого вопроса мы должны разсмотрѣть сущность масонства, тѣмъ болѣе, что оно не вполнѣ вѣрно изображено въ романѣ графа Толстаго. Будучи свидѣтелями крайнихъ заблужденій общества, мистики пытались обновить нравственную природу человѣка. Они думали удалить грѣховность, изгнать дьявола и пріобщить человѣка къ высшему свѣту. Они мечтали возобновить храмъ Соломона, но храмъ не вещественный, а духовный, основанный въ сердцѣ на чистотѣ и добродѣтели. Вся школьная мудрость, всѣ свѣдѣнія философовъ и ученыхъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ знаніемъ, которое получаетъ человѣкъ съ помощью благодати. Но этой благодати, этого всеобъемлющаго успокоительнаго знанія можно достигнуть только путемъ негрѣховности и добрыхъ дѣлъ. «Высшая мудрость и истина есть какъ—бы чистѣйшая влага, которую мы хотимъ воспринять въ себя, говоритъ Пьеру Осипъ Алексѣевичъ. Могу—ли я въ нечистый сосудъ воспринять эту чистую влагу и судить о чистотѣ ея? Только внутреннимъ очищеніемъ самого себя я могу довести до извѣстной чистоты воспринимаемую влагу...» Высшая мудрость основана не на одномъ разумѣ, не на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ, физикѣ, исторіи, химіи и т. д., на которыхъ распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку—науку всего, науку объясняющую все мірозданіе и занимаемое въ немъ мѣсто человѣка. Для того, чтобы вмѣстить въ себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому прежде, чѣмъ знать, нужно вѣрить и со-

вершенствоваться. И для воспитанія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенъ свѣтъ Божій, называемыемый совѣстью."— Жизнь Іисуса Христа должна служить примѣромъ для всѣхъ и каждаго, и поэтому книга Ѳомы Кемпійскаго пользовалась большимъ уваженіемъ между масонами.—

Стремясь къ изгнанію изъ своей души темнаго царства, мистикъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой чувствовалъ разъединеніе, двойственность своей природы. Рачительнымъ доказательствомъ тому можетъ служить личность Джона Боніана. Вся жизнь его была продолжительнымъ мученіемъ, ибо онъ ясно ощущалъ борьбу, которая происходила въ его душѣ. Эта борьба двухъ началъ принимала въ его фантазіи почти вещественную форму, и страшные припадки мистицизма часто доводили несчастнаго до галлюцинаціи *). Масонское братство, стремясь къ развитію человѣческой натуры въ ея первобытной чистотѣ и невинности, мало обращало вниманіе на религію и принимало въ свои члены людей всѣхъ вѣроисповѣданій. Оно требовало религіозной терпимости и ставило христіанство въ образецъ только потому, что въ немъ полнѣе отразились нравственныя начала. Несмотря на различіе между масонствомъ и философіею деистовъ XVIII вѣка, оба эти ученія сходятся въ одной цѣли—нравственности. Деистъ отрицалъ догматы, потому что видѣлъ въ нихъ причину всѣхъ несчастій, но проповѣдывалъ нравственность, какъ основу всякаго государственнаго устройства; точно такимъ-же образомъ и мистики, не обращая вниманія на догматическія стороны религіи, придавали большое значеніе морали. Сходство обѣихъ партій обусловливается тѣмъ, что, какъ деисты порою приближались къ мистицизму, такъ и мистики иногда усвоивали начала деизма. Наши масоны издаютъ статью въ духѣ и ученіи Беля, а французскій деистъ Дидеро (Diderot) разсматриваетъ

*) *Маколея:* Джонъ Боніанъ. Статья эта помѣщена въ полномъ собр. соч. въ русскомъ переводѣ, т. XIV.

міръ, какъ художественное созданіе и выводитъ изъ созерцанія его красотъ необходимость существованія Бога. «Одно крыло бабочки, говоритъ онъ, указываетъ на мудрость Верховнаго Существа болѣе, нежели всѣ математическія разсужденія. (Извѣстно что деисты строили всѣ свои философскія разсужденія на математикѣ). Такимъ образомъ Дидеро приближаетъ свои деистическія воззрѣнія къ мистицизму. Послѣ этого окажется понятнымъ сходство обоихъ ученій, несмотря на ихъ видимое различіе, и слѣдовательно возможность ихъ общаго единовременнаго существованія. Въ свое время, главнымъ образомъ во время царствованія Императрицы Екатерины члены масонскаго братства принесли громадную пользу народному образованію. Мы уже говорили, что главнымъ послѣдователемъ этого направленія въ Россіи былъ Новиковъ. Онъ снялъ типографію Московскаго Университета на откупъ, и быстро началъ дѣло изданія книгъ. Новикову въ русской литературѣ принадлежитъ та честь, что въ своей литературной дѣятельности указалъ на «бѣдность и рабство, которыя повсюду встрѣчаются въ образѣ крестьянъ». По свидѣтельству Шварца, онъ напечаталъ въ Университеской типографіи въ три года болѣе книгъ, нежели сколько было напечатано въ прежніе 24 года существованія Университета *).

Вмѣстѣ съ Шварцемъ, профессоромъ Московскаго Университета, тоже масономъ, онъ основалъ дружеское общество съ самыми гуманными цѣлями. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Шварцъ въ докладной запискѣ И. И. Шувалову: „Ich intentionirte dahero sogleich eine Geselschaft, die diesem Uebel abhülfe; die also 1) im Publico nach Kräftern Erziehungsregeln verbreitete, 2) die typographische Unternehmung des Herrn von Nowikow durch Uebersetzung und Verlugung nützlicher Werke befördere; 3) und entweder Ausländer, die Erziehung zu

*) Очеркъ Афанасьева: Николай Ивановичъ Новиковъ, въ Библіогр. записках 1858 года № 6.

geben im Stande wären, ins Land zu ziehen suchte, oder, welcher noch besser junge Russen auf eigene Kosten zu Lehrern zu erziehen suchten. (Лѣтописи русской литературы и древностей т. V, стр. 103—104 *). Дружеское общество, при своемъ открытіи заявило, что оно будетъ заботиться» о печатаніи различнаго рода книгъ, особливо учебныхъ и о доставленіи ихъ въ училища. «Такъ какъ оныхъ подарено уже разными семинаріями и прочими училищами почти на 3,000 рублей; да и впредь уповательно, въ состояніи будетъ общество чинить подобную помощь духовнымъ училищамъ». Филантропическая дѣятельность Дружескаго общества не пропадала даромъ. Многіе дѣлали значительныя пожертвованія, и когда въ одномъ изъ засѣданій общества Новиковъ произнесъ рѣчь о жалкой участи бѣдныхъ, по причинѣ голода, Походяшинъ отдалъ въ полное распоряженіе Общества все свое состояніе, — болѣе милліона рублей.

Таковы были плодотворные результаты массонскаго братства въ царствованіе Императрицы Екатерины. Извѣстна та печальная катастрофа, которая постигла Новикова и его товарищей. Но мы все-же должны помнить съ благодарностью о ихъ полезной дѣятельности. Къ этому-то обществу масоновъ причислился и Пьеръ Безуховъ. Ему открыли цѣль братства, сказали добродѣтели, которыя долженъ лелѣять въ себѣ каждый и которыя суть единственныя средства къ пріобрѣтенію таинства. Безуховъ горячо принялся за самообновленіе. Онъ облегчилъ положеніе своихъ крестьянъ, щедро сыпалъ благодѣянія, упражняясь въ *милосердіи*. Но отвлеченной мудрости, которую давало

---

*) По этому я тотчасъ вознамѣрился устроить общество, которое бы устранило это зло, т. е. слѣдовательно 1) распространяло-бы въ обществѣ правила воспитанія; 2) расширило-бы типографскую дѣятельность г. Новикова посредствомъ переводовъ и изданіи полезныхъ книгъ; 3) старалось-бы вызывать иностранцевъ, способныхъ къ преподаванію, или, что еще лучше, посылать на свой счетъ за границу молодыхъ русскихъ для ихъ образованія.

массонство, для Пьера было недостаточно. Главное, въ чемъ онъ нуждался, было знаніе жизни, а этого братство не было въ состояніи ему дать. Ему приходилось поступать не по влеченію собственныхъ желаній, а по правиламъ чрезвычайно туманнымъ и трудно прилагаемымъ. Онъ принужденъ былъ снова сойтись съ своей женою вслѣдствіе убѣжденій Осипа Алексѣевича. Въ своихъ братьяхъ по ордену онъ также находилъ мало сочувствія: его обвиняли въ склонности къ иллюминатству,—въ гордости, которую онъ будто-бы выказывалъ, обращая главное вниманіе на исправленіе прочихъ людей. «Очисть себя», — говорилъ ему Осипъ Алексѣевичъ. Записки, которыя велъ Пьеръ, чрезвычайно смѣшны и поражаютъ насъ своими странностями.

Ростовы отправились въ Ярославль и взяли вмѣстѣ съ собою раненаго князя Андрея. Княжна Марья, узнавъ, что̀ братъ ея находится у Ростовыхъ рѣшилась отправиться туда-же. Она застала его на половину принадлежащимъ смерти. И дѣйствительно жизнь съ своими интересами не имѣла никакого значенія для князя Андрея. Наташа поняла, что то, *что съ нимъ случилось дня два тому назадъ*, было опаснѣе всѣхъ ранъ и болѣзней. Въ самомъ дѣлѣ послѣдніе два дня онъ совершенно отрѣшился отъ всего, относящагося до жизни, какая-то холодность и равнодушіе овладѣло имъ. «Въ словахъ, въ тонѣ его, говоритъ графъ Толстой, въ особенности во взглядѣ этомъ,—холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ—чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірскаго. Онъ видимо съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живаго потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что̀ поглощало его всего». Когда княжна Марья заплакала о томъ, что Николушка остается безъ отца, князю Андрею показалось страннымъ такое пустое, какъ ему казалось, горе. Ему

пришло на умъ Евангельское изрѣченіе: «Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ». Но онъ не рѣшился сказать этого: «они поймутъ это по своему, они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ—всѣ наши, всѣ эти мысли,—которыя кажутся намъ такъ важны, что они *не нужны*. Мы не можемъ понимать другъ друга!» Онъ не рѣшился высказать этого даже княжнѣ Марьѣ, той самой, надъ религіозными чувствами которой онъ смѣялся, и равнодушіе къ жизни, которое казалось ему прежде столь страннымъ. Онъ видѣлъ, что для того, чтобы понимать то, что онъ понимаетъ, надобно не принадлежать къ живущимъ, надобно выбросить изъ души все, что выработано жизнію. А онъ выбросилъ это все *жизненное*. Душа его теперь была полна однихъ только вѣчныхъ интересовъ. И съ какимъ удивительнымъ талантомъ, съ какою поражающею глубиною изобразилъ намъ авторъ «Войны и Мира» эту заканчивающую точку человѣческаго бытія. Картина поражаетъ насъ своею психическою вѣрностью. Графъ Толстой почти озязательно представилъ предъ нашими глазами страшную борьбу жизни и смерти и побѣду послѣдней. По своей глубинѣ и художественности это мѣсто есть едва ли не лучшее во всемъ романѣ. «Онъ испыталъ, говоритъ авторъ «Войны и Мира», сознаніе отчужденности отъ всего земнаго и радостной и странной легкости бытія. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того, что предстояло ему. То грозное, вѣчное невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать впродолженіи всей своей жизни, теперь для него было близкое и, по той странной легкости бытія, которую онъ испытывалъ,— почти понятное и ощущаемое». «Онъ думалъ только о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней. «Любовь, что такое любовь? думалъ онъ. Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все,

что я понимаю, я понимаю только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ, и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику». Вотъ мысли, которые постоянно занимали умирающаго князя Андрея, но чего-то не доставало въ нихъ, говоритъ графъ Толстой, что-то было односторонне-личное, умственное,—не было очевидности. Но когда смерть уже окончательно завоевала себѣ побѣду, когда, во снѣ, князь Андрей понялъ это осязательнымъ образомъ, прежній недостатокъ очевидности уничтожился и все представилось ему въ самомъ ясномъ видѣ.—Онъ видѣлъ во снѣ что онъ умеръ и въ тоже самое мгновеніе проснулся. «Да это была смерть. Я умеръ—я проснулся. Да смерть —пробужденіе»....

Да, дѣйствительно для князя Андрея смерть была пробужденіемъ. Въ ней только онъ нашелъ разрѣшеніе вопросовъ, которые мучили его во время жизни, разрѣшеніе того контраста, который заключался между стремленіями его души и дѣйствительностью. Умирая, онъ достигъ того, чего желалъ вѣчно.

Наконецъ начинается 1812 годъ, который произвелъ на Пьера самое громадное вліяніе и способствовалъ его нравственному возрожденію. Извѣстно какіе толки произвелъ походъ Наполеона. Мы помнимъ также, что еще и прежде, въ самомъ началѣ романа, баронесса Шереръ называла Бонапарте антихристомъ. Теперь-же очень многіе и между прочимъ образованные люди видѣли въ Наполеонѣ то существо, къ которому относится апокалипсическое число 666. Пьеръ конечно расположенный къ мистицизму, какъ масонъ, былъ того же самого мнѣнія. Его занималъ вопросъ, кому выпадетъ доля укротить этого апокалипсическаго звѣря. Извѣстно, что первые буквы французскаго алфавита означаютъ единицы, а послѣднія—десятки, и Пьеръ по этому методу опредѣлилъ, послѣ самыхъ трудныхъ попы-

токъ, что усмирителемъ Наполеона будетъ l' Russe Besouchoff. Это открытіе взволновало Пьера и онъ рѣшился остаться въ Москвѣ, куда долженъ былъ прійти Наполеонъ, и исполнить свое назначеніе.—Между тѣмъ въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Пьеръ явился французскій капитанъ Рамбаль и рѣшился остановиться въ немъ. Здѣсь одинъ сумасшедшій выстрѣлилъ въ Рамбаля, но не попалъ, а Пьеръ вырвалъ изъ рукъ его пистолетъ и этого происшествія было достаточно чтобы между Рамбалемъ и Пьеромъ завязалась тѣсная дружба. Французскій капитанъ опьяненный, принесеннымъ виномъ, высказалъ Безухову, что онъ ему такъ обязанъ, что готовъ пожертвовать за него жизнію.—Отъ него Пьеръ узналъ, что Наполеонъ взойдетъ въ Москву завтра, т. е. на другой день, и Пьеръ рѣшился утромъ же встрѣтить его. Характеръ француза Рамбаля мастерски описанъ графомъ Толстымъ. Въ немъ мы видимъ все, что только привыкли разумѣть подъ типомъ француза: легкомысліе, увлеченіе и любезность. Говоря о Наполеонѣ, Рамбаль не находилъ словъ, чтобы достойно восхвалить своего Императора. Онъ приписывалъ ему всѣ лучшія качества. «Я самъ, говорилъ онъ Пьеру, былъ врагъ Наполеона. Но онъ побѣдилъ меня.»—На другой день Безуховъ отправился встрѣчать Наполеона, съ цѣлью убить его.—Москва уже была наполнена Французами. Нѣкоторые дома горѣли. Безуховъ спасъ здѣсь одного ребенка, но за то самъ попался въ плѣнъ, защищая одну Армянку отъ Французскаго солдата. Пьера привели къ Даву, который сдѣлалъ ему допросъ. За тѣмъ повели съ прочими плѣнными къ разстрѣливанью. Безуховъ, ничего не понимая, дожидался своей участи, но однако былъ пощаженъ.

Пребыванія въ плѣну было для него однимъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ жизни. Здѣсь особенное вліяніе произвелъ на него солдатъ Каратаевъ. Послѣдній былъ изъ тѣхъ личностей, которыя умѣютъ съ терпѣніемъ переносить

всѣ невзгоды въ жизни.—Пьеръ скоро привязался къ Каратаеву. Это знакомство заставило его усумниться въ масонствѣ. Въ Каратаевѣ онъ встрѣтилъ такую личность, которая не на основаніи какихъ либо масонскихъ разсужденій, а единственно въ силу своей теплой вѣры представлялась отраднымъ явленіемъ. Больной, перенося самыя тяжкія лишенія, онъ никогда не показывалъ и виду недовольства. И это спокойствіе, эта надежда заставляли всякаго относиться къ нему съ уваженіемъ.

Въ послѣдствіи, когда отрядъ партизановъ освободилъ Русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Пьеръ, послѣдній въ разговорѣ съ княжною Марьею и Наташею вспоминалъ Каратаева и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ. Вообще пребываніе въ плѣну было для Пьера моментомъ нравственнаго обновленья. Онъ здѣсь въ первые познакомился съ жизнію и увѣрился въ существованіи Бога гораздо глубже, нежели въ обществѣ съ масонами. Онъ былъ теперь холостъ, ибо Эленъ умерла въ началѣ похода Наполеона. Онъ еще прежде любилъ Наташу, а теперь не было никакихъ препятствій къ браку, онъ предложилъ ей свою руку. Наташа согласилась. Она замѣтила, что странности Пьера, которыми онъ прежде отличался прошли, и поэтому съ увѣренностью вышла за него. Ей нравилась добрая, любящая душа Пьера и еще прежде она открывала ему многое, что волновало ее. Личность Наташи есть одна изъ лучшихъ женскихъ типовъ романа, и поэтому мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о ней.

Наташа Ростова вмѣстѣ съ княжною Марьею является одною изъ главныхъ героинь романа. Эти двѣ женщины представляютъ совершенный контрастъ между собою. Насколько княжна отрѣшена отъ жизни, на столько Наташа чувственна. Она не въ состояніи отдаться всецѣло какому либо одному впечатлѣнію и поэтому не можетъ обладать постоянствомъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что графъ Л. Н. Толстой, изображая намъ цѣлую картину общественный жизни начала XIX вѣка, упустилъ одно важное начало, которое было характеристическою чертою общества этой эпохи,—именно романтизмъ. Мы уже говорили также, что это время было ознаменовано дѣятельностію Карамзина; и наши дамы и юноши упитывались «Бѣдной Лизой» послѣдняго. Романсы теперь уже отжившіе и опошленные, какъ напр. «Стонетъ сизенькій голубчикъ» Дмитріева, или «Среди долины ровныя.“ Мерзлякова, тогда распѣвались по всюду. Немного позже явилась пѣсня Пушкина, черезъ чуръ сантиментальна для насъ, но извлекавшая слезы у нашихъ отцовъ—это „Подъ вечеръ осенью ненастный...“ Это направленіе вовсе не было принадлежностью одной поэзіи,—оно отзывалось также и въ общественной жизни;—между тѣмъ въ романѣ «Война и Миръ» мы не замѣчаемъ и слѣдовъ этого направленія.—Главная героиня, Наташа одарена слишкомъ чувственною натурою для того, чтобы ограничиться платоническою любовью, столь свойственною романтизму.—Впрочемъ Наташа явилась такою вслѣдствіе цѣлаго ряда толчковъ, данныхъ ей въ воспитаніи. Уже маленькой дѣвочкой она привыкла разсуждать о любви и почти ребенкомъ была влюблена въ Бориса Друбецкаго. Ея родители нисколько не возмущались этимъ, а напротивъ поощряли, сами того не замѣчая, ея недѣтскія наклонности. Въ самомъ началѣ романа она даетъ слово въ вѣрности и постоянствѣ своихъ чувствъ Борису, когда послѣдній отправляется въ военную службу въ виду предстоящей Австрійской компаніи противъ Французовъ. За тѣмъ, когда ея братъ возвращается домой, она объявляетъ ему, что Борисъ безслѣдно изчезъ въ ея душѣ и она влюблена теперь въ танцмейстера. Понятно, что также слишкомъ раннее развитіе ея фантазіи должно было подѣйствовать на нее самымъ дурнымъ образомъ, что впрочемъ скоро и оказалось впослѣдствіи. Она больше всего

думала о своей красотѣ, ея главное желаніе было—понравиться. Ей слишкомъ рано пришлось выслушивать объясненія въ любви и это очень льстило ея самолюбію.—Вспомнимъ ея отношенія къ князю Андрею, которыя, впрочемъ исправили ее и способствовали ея возрожденію. — Князь Андрей влюбился въ нее и предложилъ ей свою руку. Наташа согласиласъ, но по разнымъ обстоятельствамъ свадьба была отсрочена на цѣлый годъ. — Наташа не съумѣла удержать свои чувства впродолженіи года: она влюбилась въ Анатоля и едва не убѣжала съ нимъ. Послѣ, когда судьба снова соединила ее съ княземъ Болконскимъ, уже раненнымъ,—Наташа поняла всю пошлость своего поступка, но уже было поздно. Князь Андрей умеръ.—Но эти отношенія къ Болконскому и смерть послѣдняго потрясли ее до глубины и дали ей нравственное очищеніе. Въ концѣ романа она выходитъ за Пьера и дѣлается хорошею женою.

По глубинѣ взгляда, по обширности задачи и по художественному исполненію произведеніе графа Толстаго представляетъ замѣчательнѣйшее явленіе современной русской литературы. «Война и Миръ»—не романъ: эта цѣлая эпопея,—и, надо отдать справедливость, графу Л. Н. Толстому, удалось дать лучшее и благороднѣйшее изображеніе русской жизни въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ ея эпохъ.

РАЗБОРЪ.

Мы въ салонѣ извѣстной всему петербургскому обществу Анны Павловны Шереръ, фрейлины и приближенной Императрицы Маріи Ѳеодоровны [1]). Она больна, но въ этотъ день желала имѣть у себя общество вечеромъ, и потому разослала пригласительныя записочки къ своимъ знакомымъ. Первымъ явился на ея приглашеніе князь Василій, человѣкъ чиновный и важный. Хозяйка встрѣчаетъ его отчаянною выходкою противъ Наполеона, такъ какъ въ 1805 г. это былъ вопросъ современный, и при этомъ обзываетъ его *антихристомъ*, даже божится, что вполнѣ вѣритъ въ это. И такъ, завязывается разговоръ о Наполеонѣ, разумѣется на французскомъ языкѣ. При этомъ авторъ романа замѣчаетъ, что наши дѣды «не только говорили, но даже и думали» на французскомъ языкѣ. Если мы и имѣемъ право это сказать про тогдашнее общество, то никакъ не про все, и даже не про большинство его. Странно бы было думать, что въ нашемъ обществѣ такъ мало было уваженія къ своему отечественному. Чѣмъ же тогда объяснить патріотическое возбужденіе его въ войну 1812 года?

Среди разговора съ Анною Павловной Шереръ, страстной поклонницей императора Александра и, какъ мы видѣли, ненавистницей Наполеона, князь Василій вспоминаетъ, за-

[1]) Г. Норовъ въ своей статьѣ, написанной по поводу «Войны и Мира», недоумѣваетъ, почему гр. Толстой избралъ этотъ салонъ, а не другой, болѣе замѣчательный изъ тогдашнихъ.

чѣмъ онъ главнымъ образомъ пріѣхалъ. Онъ человѣкъ искательный, хорошій отецъ, но тонкій дипломатъ, и потому небрежно спрашиваетъ у придворной дамы, знающей придворныя тайны: «правда ли, что Мать Императрица желаетъ назначенія барона Функе первымъ секретаремъ въ Вѣну»? Князь Василій желалъ опредѣлить на это мѣсто своего сына.

Не меньше дипломатка и г-жа Шереръ. Она почти закрыла глаза въ знакъ того, «что ни она, ни кто другой не могутъ судить про то, что̀ угодно или нравится Императрицѣ». Она сказала только, что баронъ Функе рекомендованъ Императрицѣ-Матери ея сестрою; и при имени Императрицы на лицѣ ея напечатлѣлось выраженіе искренней преданности и уваженія, соединенное съ грустью. Безъ грусти она почему-то не могла упоминать о своей высокой покровительницѣ.

Послѣ этого разговоръ зашелъ о дѣтяхъ князя Василія. У него два сына, и оба воспитанные, но отецъ недоволенъ ими, особенно вторымъ, который выказываетъ очень буйныя наклонности. Анна Павловна подаетъ ему мысль — женить одного изъ сыновей на богатой невѣстѣ, чтобы исправить его, и называетъ княжну Болконскую. Она обѣщается хлопотать для него. Князь въ восторгѣ.

Но вотъ въ гостиной Анны Павловны появляются и другіе гости. Это все высшая петербургская знать. Въ томъ числѣ и дѣти князя Василія. Дадимъ время хозяйкѣ познакомить своихъ гостей съ своею теткой-старушкой, а потомъ познакомимся и мы съ ними.

Между прочимъ, пріѣхала молодая, маленькая княгиня Болконская, недавно вышедшая замужъ и бывшая въ интересномъ положеніи. Она была очень мила собою, жива и привлекательна. Ею всѣ восхищаются, даже и князь Василій. Вслѣдъ за княгинею Болконскою появился толстый молодой человѣкъ, изящно одѣтый. Это — незаконный сынъ

знаменитаго екатерининскаго вельможи, графа Безухаго, лежавшаго въ настоящее время при смерти въ Москвѣ. Хозяйка встрѣтила его любезно, но со страхомъ. Она знала, что онъ не привыкъ къ изящному обществу и, пожалуй, можетъ нарушить общественныя приличія. Пьеръ — такъ звали его — все время жилъ за границей, и вечеръ Анны Павловны былъ первый, который онъ видѣлъ въ Россіи. Ему хотѣлось ознакомиться съ умными гостями. Онъ подошелъ къ слывшему умникомъ и острякомъ аббату Моріо, около котораго собрался кружокъ.

Другой кружокъ собрался около виконта Мортемара, эмигранта и роялиста, человѣка миловиднаго, съ хорошими пріемами. Хозяйка, цѣня достоинства своего гостя, успѣла уже всѣмъ шепнуть про него лестные отзывы. Вотъ почему около него и сгруппировалась большая половина гостей Анны Павловны. Виконтъ разсказывалъ про смерть герцога Энгіенскаго.

Всѣ слушали внимательно, даже и молодая, красивая княжна Эленъ, дочь князя Василія, очаровавшая всѣхъ своими прелестями. Во все время разсказа она поправляла свой роскошный костюмъ, а когда разсказъ производилъ впечатлѣніе, то оглядывалась на Анну Павловну и старалась принять тоже самое выраженіе, какое было на лицѣ фрейлины. Тутъ же сидѣлъ и братъ ея, Ипполитъ—полнѣйшій идіотъ. Виконтъ между тѣмъ разсказывалъ, какъ Бонапартъ съ герцогомъ Энгіенскимъ встрѣтился въ Парижѣ у извѣстной актрисы г-жи George, вниманіемъ которой оба они пользовались. Наполеонъ упалъ при этомъ въ обморокъ и былъ во власти герцога, но герцогъ этимъ не воспользовался, за что впослѣдствіи Наполеонъ отмстилъ ему смертью. Анекдотъ былъ очень интересенъ и мило разсказанъ. Особенно дамы цѣнили это. «Отлично», тихо лепетали онѣ. Разсказчикъ благодарно улыбался.

Въ это время въ другомъ кружкѣ у Пьера съ аббатомъ шелъ очень оживленный разговоръ о политическомъ равновѣсіи Европы, и Пьеръ горячо спорилъ. Анна Павловна поспѣшила туда, опасаясь за поведеніе молодаго человѣка. Но въ это время въ гостиную вошло новое лицо. Это былъ князь Андрей Болконскій, мужъ маленькой княгини, имѣвшій видъ человѣка усталаго, всѣмъ скучавшаго въ обществѣ.

Хозяйка обратилась къ нему съ разговоромъ, стала его журить за то, что онъ, пылая воинственными наклонностями и отправляясь въ походъ, бросаетъ жену. Всѣхъ довольнѣе былъ приходомъ князя Андрея Пьеръ, пріятель его. Въ это же самое время князь Василій удалился съ вечера со своей очаровательною дочерью. Въ передней уже догнала его, какъ лицо важное и могущее много сдѣлать по своему положенію, пожилая дама, княгиня Друбецкая, по бѣдности почти оставившая свѣтъ. Она пріѣхала на вечеръ только за тѣмъ, чтобы повидаться съ княземъ Васильемъ и выхлопотать опредѣленіе въ гвардію своему сыну. Тѣмъ болѣе она надѣялась на успѣхъ, что отецъ ея много сдѣлалъ въ свое время для князя Василья. Дѣло было трудное, но княгиня такъ была жалка и настойчива, что онъ обѣщалъ опредѣлить ея сына.

Между тѣмъ въ гостиной шли толки о Бонапартѣ, очень враждебные въ отношеніи къ нему. Центромъ общества сдѣлался виконтъ. Онъ горячо нападалъ на Наполеона, особенно за казнь герцога Энгіенскаго. Только одинъ Пьеръ, столько страшный для хозяйки, рѣшился защищать эту мѣру и вообще Наполеона.

Пьеръ—это человѣкъ горячій, человѣкъ, любящій высказаться и, отчасти, пооригинальничать. Онъ — защитникъ революціи, хотя не всегда удачный и не всегда можетъ доказать то, что̀ онъ утверждаетъ. Спасибо князю Андрею, который на прощаньи выручилъ его отъ общаго нападенія.

Но вотъ бѣдняжка Ипполитъ проситъ общаго вниманія. Всѣ прислушиваются. Онъ разсказываетъ по-русски прелестный, по его словамъ, московскій анекдотъ, страшно искажая при этомъ русскую рѣчь. Все дѣло въ томъ, что одна барыня, очень скупая, желала имѣть двухъ большаго роста лакеевъ за каретою. А у нея была горничная — тоже большаго роста. Вотъ она и поставила горничную *большой росту за карета* и *поѣхала. Незапно сдѣлалась сильный вѣтеръ. Дѣвушка потеряла шляпа. И длины волосы расчесались. И весь свѣтъ узналъ.*

Разсказавъ это, князь Ипполитъ фыркнулъ и захохоталъ во все горло прежде гостей. Анекдотъ вышелъ плохъ, плохо и неумѣстно разсказанъ, но всего хуже то, что авторъ заставляетъ русскаго человѣка говорить такимъ ломанымъ языкомъ. Да и какая же крайность была говорить порусски на позоръ себѣ. Это развѣ необходимо было только для графа Толстаго, желавшаго показать, въ какомъ загонѣ у насъ во время оно былъ русскій языкъ.

Послѣ этого разговоръ шелъ уже о разныхъ мелочахъ, и вскорѣ гости всѣ стали разъѣзжаться, благодаря хозяйку за ея прекрасный вечеръ. И мы съ читателемъ удалимся изъ роскошной гостиной знаменитой фрейлины и перейдемъ въ другія, менѣе скромныя, жилища.

II.

Пьеръ поѣхалъ съ вечера прямо къ своему другу, князю Андрею, у котораго обѣщался ужинать. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ и въ ожиданіи хозяина легъ на диванъ.

Пришелъ и самъ хозяинъ. Какъ видно, онъ любитъ своего гостя и интересуется его судьбою. Онъ спрашиваетъ его, куда онъ намѣренъ поступить, въ кавалергарды или дипломаты. — «Я все еще не знаю», отвѣчаетъ Пьеръ.

— Но вѣдь надо же на что-нибудь рѣшиться! Отецъ твой ждетъ.

Пьеръ лѣтъ девяти былъ посланъ съ гувернеромъ за границу и тамъ пробылъ до двадцатилѣтняго возраста. А когда онъ вернулся въ Москву, отецъ уволилъ гувернера, а его послалъ въ Петербургъ избирать себѣ родъ службы. При этомъ его снабдили письмомъ къ князю Василію — родственнику. И вотъ въ три мѣсяца онъ ничего еще не придумалъ. Взгляды его на дѣло были самые дѣтскіе. Онъ, напр. не хотѣлъ идти на войну, потому что не хотѣлъ помогать Австріи и Англіи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ, какимъ онъ считалъ Наполеона. Тутъ мы ясно видимъ нѣкоторую восторженность, незрѣлость мысли. Но хорошъ съ своей стороны и князь Андрей. Онъ, утверждая, что воюютъ не по убѣжденіямъ, договаривается до того, что объявляетъ, что самъ не знаетъ, для чего онъ идетъ на войну. «Такъ надо» рѣшаетъ онъ. Нѣсколько далѣе, впрочемъ, онъ поправляется и прибавляетъ: «Эта жизнь, которую я веду здѣсь, эта жизнь — не по мнѣ». Но какая эта жизнь?...

Въ сосѣдней комнатѣ зашумѣло женское платье, и вслѣдъ за тѣмъ вошла княгиня. Мы ее видѣли очаровательною въ гостиной Анны Павловны. Посмотримъ, какова она дóма. Дóма — люди откровеннѣе, больше на распашку. Она завела разговоръ о мужѣ, упрекала его, зачѣмъ онъ идетъ на войну, тогда какъ его положеніе въ обществѣ блестящее. Жаловалась при этомъ на свою судьбу, что онъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, бросаетъ ее въ деревнѣ, одну—и раскапризничалась. Стала попрекать мужа въ томъ, что онъ въ обращеніи съ нею измѣнился, сталъ нелюбезенъ и т. д. Наконецъ она ушла спать, а друзья—ужинать. Тутъ, за ужиномъ Андрей и объяснилъ Пьеру, котораго, видимо, любилъ за его расположеніе и доброту, чѣмъ именно дурна его жизнь. Вотъ какъ онъ самъ рисуетъ свою жизнь:

«Свяжи себя съ женщиной и какъ скованный колодникъ теряешь всякую свободу. И все, чтò есть въ тебѣ надеждъ

и силъ, все только тяготитъ и раскаяніемъ мучитъ тебя. Гостиныя, сплетни, балы, тщеславіе, ничтожество — вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выдти». И далѣе: «И это глупое общество, безъ котораго не можетъ жить моя жена, и эти женщины.........Отецъ мой правъ. Эгоизмъ, тщеславіе, тупоуміе во всемъ — вотъ женщины, когда показываются всѣ такъ, какъ онѣ есть».—Вотъ князь Андрей, вотъ его требованія отъ жизни и отъ общества, хотя выраженныя отрицательнымъ образомъ. Князь Андрей человѣкъ съ умомъ, съ силою воли, образованный, вся бѣда, что онъ женатъ. А что же его другъ? Его другъ человѣкъ еще только начинающій жить, остановившійся передъ жизнью въ нерѣшительности. По отзыву Андрея, это одинъ живой человѣкъ среди всего ихъ свѣта. Но напрасно онъ кутитъ съ дѣтьми князя Василья Курагина. Это можетъ погубить его. Онъ самъ это очень хорошо чувствуетъ и даетъ слово князю Андрею, что впередъ этого не будетъ. Посмотримъ! Мы еще не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ обладаетъ силою воли.

Во второмъ часу ночи Пьеръ вышелъ отъ своего друга. Ночь была ясная. Онъ хотѣлъ-было ѣхать домой, но спать ему не хотѣлось. И вотъ онъ вспомнилъ, что нынче вечеръ у Анатолія Курагина, игра въ карты, попойка и проч. По безхарактерности его, ему еще разъ захотѣлось испытать эту знакомую безпутную жизнь. Слово князю Андрею дано было напрасно.

По нашему мнѣнію, здѣсь выставлена авторомъ весьма художественно и мѣтко эта радикальная противоположность двухъ натуръ, хотя прямыхъ и честныхъ и потому сблизившихся между собою, но изъ которыхъ одна, при своей силѣ воли, заявляетъ энергическій протестъ противъ неразумнаго общаго теченія жизни, а другая — безпомощно тянется, увлекаемая общимъ потокомъ. Обѣ эти натуры весьма симпатичны намъ, весьма интересуютъ насъ своею дальнѣйшею судьбою, но къ одной изъ нихъ мы проникаемся искрен-

нимъ уваженіемъ, а къ другой порою не можемъ не чувствовать сожалѣнія. Однако послѣдуемъ за нашимъ героемъ.

Дорогою къ Курагину онъ вспомнилъ, что онъ гораздо еще прежде далъ князю Анатолію слово быть у него. Такъ всегда стараются оправдать себя слабенькія натурки!

У Анатоля онъ засталъ общество уже пьянымъ. Офицеръ Долоховъ держалъ пари съ англичаниномъ Стивенсомъ, что онъ, Долоховъ, выпьетъ бутылку рому, сидя на окнѣ третьяго этажа съ опущенными наружу ногами. Долоховъ былъ извѣстный тогда кутила и игрокъ, который сколько бы ни пилъ, не терялъ ясности головы. Пари онъ выигралъ. Пьеръ былъ уже пьянъ; онъ вызвался безъ пари сдѣлать тоже самое, что сдѣлалъ Долоховъ, и полѣзъ было къ окну, но его уговорили, и вся компанія отправилась на кутежъ въ другое мѣсто.

III.

У Ростовыхъ, тогдашнихъ извѣстныхъ графовъ, былъ балъ: были имянинницы Натальи, мать и меньшая дочь. Семейство у нихъ было большое: двѣнадцать человѣкъ дѣтей. Знакомая намъ княгиня Друбецкая, Анна Михайловна, была весь день у графини Ростовой, помогая ей принимать гостей и занимать ихъ разговоромъ. А графъ приглашалъ каждаго гостя обѣдать. Изъ разговора гостей узнаемъ мы и о дальнѣйшихъ похожденіяхъ Пьера.

Одна изъ посѣтительницъ разсказала графинѣ, что въ ту ночь, когда Пьеръ былъ у Курагина, они достали гдѣ-то медвѣдя, посадили его съ собой въ карету и повезли къ актрисамъ. Явилась полиція унимать ихъ. Они поймали квартальнаго, привязали его спина со спиною къ медвѣдю и пустили въ Мойку, — насилу спасли несчастнаго! Долохова, какъ главнаго виновника, разжаловали въ солдаты, Пьеръ высланъ въ Москву, а дѣло Анатоля какъ-то замялъ отецъ.

Этотъ разсказъ гостьи едва ли не все, что̀ для насъ интересно въ до-обѣденномъ разговорѣ въ домѣ Ростовыхъ между старшими. Больше того интересуютъ насъ дѣти. А ихъ тутъ довольно—кромѣ своихъ еще гости. Тутъ и сынъ Анны Михайловны Друбецкой, Борисъ, офицеръ, — другъ студента Николая, старшаго сына графа. Остальные свои, Ростовы: Соня, красивая, пятнадцатилѣтняя племянница графа, Петруша, меньшой его сынъ, Наташа, тоже дочь Ростова. Была у графа еще старшая дочь, Вѣра, но та уже взрослая и больше сидѣла съ большими. Впрочемъ, и маленькіе хотѣли во что̀ бы то ни стало казаться большими. Они даже влюблялись какъ большіе: Соня была влюблена въ Николая, а Наташа въ Бориса. Старшіе не видѣли въ этомъ ничего дурнаго, а только подшучивали, смѣялись. Маленькое сердце дѣвочекъ даже способно было къ ревности. Когда Жюли, дочь княгини Карагиной, заговорила съ Колею Ростовымъ о балѣ, то Соня глядѣла на него озлобленными глазами и наконецъ вышла изъ комнаты.

Каково воспитаніе, невольно приходитъ намъ въ голову. Дѣвочки 12 и 13 лѣтъ уже мечтаютъ о любви, уже терзаются ревностію, берутъ съ своихъ возлюбленныхъ клятвы въ вѣчной вѣрности, и старшіе не останавливаютъ ихъ, а напротивъ поощряютъ. Графъ напр. съ похвалою говоритъ о Сонѣ, что она влюблена въ своего двоюроднаго брата. А между тѣмъ сцены любовныхъ признаній молодежи изъ лучшихъ въ романѣ.

Большіе гости всѣ уѣхали до обѣда, а попрошайка Анна Михайловна Друбецкая, пользуясь тѣмъ, что сынъ ея былъ крестникъ умирающаго графа Безухаго, отправилась къ графу вмѣстѣ съ нимъ въ надеждѣ что-нибудь выхлопотать, хотя бы это стоило униженій. Но вѣдь униженія она не боялась. Она даже униженно говорила съ швейцаромъ у подъѣзда. Самый ея пріѣздъ въ домъ графа былъ униженіемъ. Князь Василій Курагинъ былъ уже тамъ. Онъ по-

смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, вопросительно. Вообще эта попрошайка-княгиня обрисована очень удачно — даже едва ли не одна изъ самыхъ удачныхъ характеристикъ въ романѣ. Какую она выказываетъ заботливость объ умирающемъ богатомъ вельможѣ! Съ какою хитростію и наглостію она добивается возможности видѣть его! Графа окружаютъ княжны-племянницы. Онѣ ненавидятъ эту, дѣйствительно, гадкую княгиню и не скрываютъ этого. Но она не смущается. Сына своего Бориса она отослала къ Пьеру, недавно пріѣхавшему въ Москву по случаю тяжкой болѣзни отца. Ростовы тоже звали Пьера къ себѣ. А сама таки-добилась пройдти къ графу. Она уѣхала, давъ слово пріѣхать ночевать. А между тѣмъ подруга ея, графиня Ростова, которую Анна Михайловна успѣла разжалобить своею бѣдностью, приготовила для нея 500 руб. Эти деньги она и вручила, краснѣя, своей дорогой подругѣ. Обѣ старыя подруги при этомъ, разумѣется, расплакались.... Но слезы обѣихъ были пріятны, прибавляетъ авторъ.

Изъ числа званыхъ на обѣдъ гостей особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ Марья Дмитріевна Ахросимова. Это женщина прямая, простая, не кокетка, всегда говоритъ по-русски. Ее знала царская фамилія, знала вся Москва и весь Петербургъ. Хотя и подсмѣивались тихонько надъ ея грубостью, но всѣ ее уважали и боялись. За обѣдомъ она обратила на себя вниманіе своею простотою и безцеремонностью обращенія со всѣми; напр. Пьера она встрѣчаетъ такими словами:

«Э, э! любезный! Поди-ка сюда! Поди-ка сюда».

Пьеръ подошелъ, наивно глядя на нее чрезъ очки.

«Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одну говорила, когда онъ въ случаѣ былъ, а тебѣ-то и Богъ велитъ!» — Она помолчала. Всѣ молчали, ожидая того, что̀ будетъ, и чувствуя, что это было только предисловіе.

— «Хорошъ, нечего сказать! Хорошъ мальчикъ! Отецъ на одрѣ лежитъ, а онъ забавляется, квартальнаго верхомъ на медвѣдя сажаетъ. Стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шелъ!.. »

А къ хозяевамъ, ожидавшимъ ее такъ долго, она обращается такъ: «ну чтожъ, къ столу, чай, пора»? И всѣ идутъ къ столу. Да, появленіе такой прямой и энергической личности среди чопорнаго и пустаго общества производитъ поразительный эффектъ на читателя. Тутъ есть жизненная правда. Такого рода личность съумѣетъ внушить къ себѣ уваженіе.

V.

Жизнь разнообразна: пока въ одномъ мѣстѣ веселятся; въ другомъ надъ людьми обрушивается горе. Пока праздновали имянины въ домѣ графа Ростова, съ графомъ Безухимъ сдѣлался шестой ударъ. Надежды на выздоровленіе уже не было. Надобно было приготовить его къ смерти. Въ старинномъ домѣ его, даже и предъ домомъ, были суета и толкотня страшная. Умиралъ знаменитый вельможа Екатерининскихъ временъ. Самъ главнокомандующій пріѣзжалъ прощаться.

Въ комнатѣ передъ дверью больнаго собралось все, что имѣло хотя малѣйшую претензію на родство съ нимъ. Да и какъ же иначе? Знаменитъ и богатъ! А между тѣмъ у стараго графа прямыхъ законныхъ наслѣдниковъ не было. Самымъ ближайшимъ его наслѣдникомъ былъ незаконный сынъ его Пьеръ, съ которымъ мы уже имѣли удовольствіе познакомиться.

Всѣхъ озабоченнѣе былъ князь Василій. Онъ, по собственному его выраженію, заморенъ какъ почтовая лошадь. Но неужели одно только горе по дальнемъ родственникѣ сокрушаетъ его? Нѣтъ, стремленія князя Василія болѣе

практичны. Онъ самъ намъ высказываетъ ихъ въ разговорѣ съ племянницею графа Безухаго, княжною Катериною:

....—«Въ такія минуты, какъ теперь, говоритъ онъ, надо обо всемъ подумать. Надо думать о будущемъ, о васъ.... Я васъ всѣхъ люблю, какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь».

Какой безкорыстно-любящій человѣкъ, можетъ подумать читатель. Но князь Василій продолжаетъ: «надо подумать и о моемъ семействѣ..,,» — Да, это забота существенная.

А Княжна только жалѣетъ умирающаго.

—«Я объ одномъ не перестаю молить Бога, говоритъ она, чтобъ Онъ помиловалъ его и далъ бы его прекрасной душѣ спокойно покинуть эту....»

«Да, это такъ» —нетерпѣливо перебиваетъ ее князь Василій.

Между родственниками, столь любящими другъ друга и столь сожалѣющими о бѣдной душѣ графа, готовящейся покинуть бренное тѣло, толки идутъ о завѣщаніи. Сожалѣніе объ умирающемъ тутъ, разумѣется, только для приличія. При этомъ князь Василій высказываетъ боязнь, какъ бы все не досталось Пьеру, котораго всѣ такъ не любили. Старикъ написалъ завѣщаніе, но гдѣ оно, никто не знаетъ; онъ писалъ письмо къ Государю. О чемъ это письмо? Ужъ не просилъ ли онъ въ письмѣ, чтобы Пьеръ былъ признанъ его законнымъ сыномъ. Въ такомъ случаѣ ему все достанется, и никто ничего больше не получитъ. Это ужасно! Княжна Катерина, возсылающая къ Богу усердныя молитвы единственно о душѣ графа, приходитъ въ отчаяніе передъ такою перспективою.

—«Да, я была глупа, я еще вѣрила въ людей, говоритъ она, и любила ихъ, и жертвовала собой. А успѣваютъ только тѣ, которые гадки и подлы».

Княжна въ отчаяніи. Она ясно о чемъ заботилась — и вдругъ все исчезло. Напрасно утѣшаетъ ее князь Василій. Онъ, какъ человѣкъ энергичный, не упадаетъ духомъ. Главная его забота теперь о томъ, чтобы «исправить ошибку

графа, облегчить его послѣднія минуты тѣмъ, чтобы не допустить его сдѣлать несправедливости, не допустить его сдѣлать несчастными своихъ родныхъ» — Князь увѣряетъ княжну, что «одно его желаніе—свято исполнить его волю».

Княжна высказываетъ при этомъ, что все это сдѣлано по милости Анны Михайловны Друбецкой, оклеветавшей княженъ, и тогда же старый графъ написалъ бумагу, которая лежитъ въ мозаиковомъ портфелѣ подъ подушкою у больнаго. Во что̀ бы то ни стало, надобно достать эту бумагу.

Пьеръ и Анна Михайловна легки на поминѣ. Въ это самое время они въѣхали на графскій дворъ. Анна Михайловна изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы Пьеръ повидался съ отцемъ въ послѣднія его минуты. Самъ Пьеръ, какъ человѣкъ безхитростный, не понимаетъ, для чего все это дѣлается, но по податливости своей натуры онъ согласенъ на все. Онъ рѣшилъ, что все это такъ и должно быть. Анна Михайловна дѣлала свое дѣло. Она указала всѣмъ посторонним лицамъ, собравшимся въ домѣ графа, на Пьера, какъ на сына графа Безухаго, чтобы поднять его въ глазахъ общества, пріучить всѣхъ къ нему, какъ къ наслѣднику. Вообще опытная интригантка дѣйствовала съ тактомъ, и Пьеру только оставалось повиноваться ей.

И князь Василій тоже старался ободрить Пьера. Очевидно, за возможнымъ будущимъ наслѣдникомъ всѣ стали ухаживать. Но внимательнѣе всѣхъ была Анна Михайловна. Она не отходила ни на шагъ отъ Пьера и всюду поспѣвала. По ея настоянію онъ приложился къ рукѣ лежавшаго безъ памяти страдальца.

Въ пріемной никого не было, кромѣ князя Василья и княжны Катерины. Мы знаемъ уже ихъ враждебныя отношенія къ Аннѣ Михайловнѣ и Пьеру, знаемъ причину. Умирающаго только-что перенесли на другую кровать. Мы отчасти понимаемъ, за чѣмъ это дѣлалось. И вотъ теперь

княжна Катерина хочетъ идти въ комнату его, а Анна Михайловна — тоже не промахъ, уговариваетъ ее не безпокоить больнаго. Но мозаиковый портфель уже въ рукѣ у княжны. И за этотъ-то портфель не поконфузилась схватиться Анна Михайловна, зная, что портфель драгоцѣнный, и въ концѣ концовъ онъ остался въ рукахъ Анны Михайловны. Безъ перебранки между женщинами, разумѣется, не обошлось, но мы пощадимъ отъ нея читателя.

Вся эта сцена, мастерски набросанная авторомъ, къ сожалѣнію, такъ обширна, что мы должны отказаться отъ мысли передать ее подробно. Съ неменьшимъ искусствомъ изображенъ и старый, своекорыстный интриганъ князь Василій, начавшій уже ухаживать за Пьеромъ. Полюбуемся на него. Графъ умеръ, и вся родня въ отчаяніи. Князь Василій, шатаясь, дошелъ до дивана, на которомъ сидѣлъ Пьеръ, и упалъ на него, закрывъ глаза рукою. Пьеръ замѣтилъ, что онъ былъ блѣденъ и что нижняя челюсть его прыгала и тряслась какъ въ лихорадочной дрожи.

«Ахъ, мой другъ! сказалъ онъ, взявъ Пьера за локоть; *и въ голосѣ его была искренность и слабость, которыхъ Пьеръ никогда прежде не замѣчалъ въ немъ.* Сколько мы грѣшимъ, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Мнѣ шестой десятокъ, мой другъ.... Вѣдь мнѣ.... Все кончится смертью. Смерть ужасна». — Онъ заплакалъ.

Не плакалъ одинъ Пьеръ; онъ даже заснулъ въ то время, какъ всѣ горевали и суетились. Нежеланный гость на свѣтѣ, онъ, видно, не много видѣлъ ласкъ и добра въ своей жизни, и потому понятно, что отецъ его былъ для него какъ бы чужой. Онъ мало и зналъ его. А теперь, быть можетъ, безъ Анны Михайловны все бы для него пропало. Мы помнимъ, дѣйствительно, что завѣщаніемъ овладѣла она. Вспомнимъ, какіе она имѣла виды. У нея былъ сынъ Борисъ, крестникъ покойнаго графа. Но графъ о немъ забылъ, и теперь Анна

Михайловна основательно разсчитываетъ на то, что наслѣдникъ исполнитъ обязанность отца.

Но мы отворачиваемся съ душевною болью отъ этой картины интригъ и всякаго рода происковъ, гдѣ мы не видимъ ничего истинно человѣческаго, чему бы мы могли душевно сочувствовать. Всѣ эти люди, за исключеніемъ добродушнаго Пьера, поражаютъ насъ своею пошлостью. Судьба и наградила всѣхъ по заслугамъ: князю Василію недосталось ничего, княжнамъ—пустяки, а все имѣніе завѣщано было никѣмъ не любимому Пьеру, признанному законнымъ наслѣдникомъ.

VI.

Старый князь Николай Андреевичъ Болконскій, генералъ-аншефъ, отецъ того князя Андрея, котораго мы видѣли на вечерѣ у г-жи Шереръ, былъ еще при Императорѣ Павлѣ за что-то сосланъ въ деревню. Съ тѣхъ поръ онъ безвыѣздно жилъ въ своихъ Лысыхъ Горахъ, недалеко отъ Смоленска, занимаясь воспитаніемъ своей дочери Марьи, которой самъ давалъ уроки. Сверхъ того, какъ человѣкъ вообще дѣятельный, онъ занимался то писаніемъ мемуаровъ, то точеніемъ табакерокъ на станкѣ, то работой въ саду и наблюденіемъ за постройками, которыя безпрерывно шли въ его имѣніи. Онъ вообще любилъ порядокъ во всемъ. Съ домашними и слугами онъ былъ строгъ и повелителенъ, и всѣ чувствовали къ нему страхъ и почтительность.

Въ домѣ ждали князя Андрея съ женою, который хотѣлъ пріѣхать проститься съ родными передъ отъѣздомъ въ полкъ. Князь дѣйствительно пріѣхалъ и встрѣченъ былъ сестрою. Отецъ спалъ. Свидѣтельницею ихъ свиданія была еще француженка m-lle Bourienne. Между родственницами начались, по обыкновенію, лобзанія, восторженныя рѣчи, даже слезы. Все это видимо не нравилось князю Андрею, какъ человѣку

серьезному. Но неудовольствія на это онъ не выразилъ, а сказалъ только сестрѣ, что она все такая же плакса.

Старый князь былъ очень радъ пріѣзду сына. Онъ даже сдѣлалъ для его пріѣзда исключеніе изъ обычнаго порядка своей жизни—именно, принялъ его не въ оффиціантской, гдѣ обыкновенно всѣхъ принималъ, даже и родныхъ, а въ своей половинѣ, во время одѣванья передъ обѣдомъ. Онъ ходилъ по старинному, въ кафтанѣ и пудрѣ. Сына онъ встрѣтилъ очень ласково, шутилъ надъ его воинственными наклонностями и заставилъ разсказывать о планѣ союзниковъ, составленномъ ими для борьбы съ Наполеономъ. Но онъ, какъ поклонникъ всего стараго, не очень-то интересовался нововведеніями, находилъ даже, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, и скоро пошелъ съ сыномъ къ обѣду. Тамъ ожидала ихъ невѣстка, княжна Марья, m-lle Бурьенъ и архитекторъ князя, котораго онъ по своей прихоти тоже допускалъ къ столу и за столомъ чаще всего обращался къ нему съ разными вопросами. Но Михайло Ивановичъ—такъ звали архитектора—обыкновенно молчалъ. Такъ и на этотъ разъ, поздоровавшись съ невѣсткою и по-старчески пошутивъ надъ ея беременностію, старый князь обратился къ архитектору.

—«Ну что, Михайло Ивановичъ, Буонапарту-то нашему плохо приходится, какъ мнѣ князь Андрей (онъ всегда такъ называлъ сына въ третьемъ лицѣ) пересказалъ, какія на него силы сбираются. А мы съ вами все его пустымъ человѣкомъ считали».

Разговоръ шелъ опять о войнѣ, о Бонапартѣ, а современныхъ генералахъ и государственныхъ людяхъ. Старый князь считалъ всѣхъ мальчишками, а Наполеона—ничтожнымъ французикомъ, который потому и имѣлъ успѣхъ, что не было Потемкиныхъ и Суворовыхъ. Настоящую войну онъ считалъ не войною, а какою-то кукольною комедіей, не стоившею вниманія.

Насъ весьма интересуетъ личность этого старика-князя, питавшаго благоговѣніе къ старинѣ и насмѣшливо относившагося ко всему новому. Онъ былъ человѣкъ далеко не глупый, но его время очевидно прошло. Выходка князя Андрея возмутила его, когда тотъ замѣтилъ, что и Суворовъ попался въ ловушку къ Моро и не съумѣлъ изъ нея выпутаться.

—«Это кто тебѣ сказалъ? Кто сказалъ? крикнулъ князь.—Суворовъ!—И онъ отбросилъ тарелку, которую живо подхватилъ слуга. Подумавши, князь Андрей!»...

Старикъ не вѣрилъ и въ Кутузова, любимца Суворова, а про Бонапарта говорилъ, что онъ только Нѣмцевъ и билъ, а Нѣмцевъ, какъ извѣстно, только лѣнивый не бьетъ.

Да, повторяемъ, старичокъ-князь очень интересенъ. При всѣхъ ошибкахъ своей старости, онъ всѣмъ внушаетъ уваженіе своимъ умомъ. Старику свойственны и другія заблужденія того вѣка. Тогда какъ дочь его очень набожна, онъ— вольтеріанецъ. Такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ изъ словъ княжны Марьи при прощаніи ея съ братомъ.

Эта княжна—тоже типъ своего рода. Она очень религіозна. На прощаньи она даритъ брату образокъ, которымъ и благословляетъ его. Безъ поцѣлуевъ и слезъ, конечно не обходится. Но старикъ прощается съ сыномъ по своему. На прощаньи съ нимъ онъ обѣщалъ позаботиться о женѣ, далъ ему письмо къ Кутузову, указалъ, гдѣ хранятся его записки—на случай смерти, гдѣ ломбардный билетъ, назначенный въ премію тому, кто напишетъ исторію суворовскихъ войнъ. Хотя онъ и дѣловой человѣкъ, а все-таки расчувствовался при прощаніи съ сыномъ. «Они молча стояли другъ противъ друга. Быстрые глаза старика были прямо устремлены въ глаза сыну. Что-то дрогнуло въ нижней части лица стараго князя.

—Простились.... ступай! вдругъ сказалъ онъ. — Ступай! закричалъ онъ сердитымъ и громкимъ голосомъ, от-

воряя дверь кабинета. Старикъ, видно, не любилъ чувствительныхъ изліяній. За то маленькая княгиня, увидя, что мужъ совсѣмъ собрался, вскрикнула и безъ чувствъ упала на его плечо. Княжна Марья тоже расплакалась. А когда сынъ уѣхалъ, изъ кабинета выглянула строгая фигура старика въ бѣломъ халатѣ.

—Уѣхалъ? Ну и хорошо! сказалъ онъ, сердито посмотрѣвъ на безчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачалъ головою и захлопнулъ дверь.

Вообще все это мѣсто, въ особенности сцена прощанія князя Андрея изображена авторомъ съ необыкновенною художественностью и простотою. Характеръ каждаго отдѣльнаго лица схваченъ превосходно. И всѣ они какъ бы живыя предъ нами.

Итакъ, князь Андрей отправился на войну. Поспѣшимъ же и мы вслѣдъ за нимъ на театръ войны, не встрѣтимъ ли мы тамъ кого изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ. Какъ-то они подвизаются тамъ? Событія этой войны, правда, извѣстны намъ, и потому мы будемъ останавливаться— и то недолго, на характеристическихъ мѣстахъ романа г. Толстаго.

VII.

Въ 1805 г. русскія войска стояли въ Австріи въ Браунау. На смотру, назначенномъ главнокомандующимъ всѣмъ нашимъ войскамъ, мы встрѣчаемъ нашего знакомаго, Долохова, разжалованнаго въ солдаты, уже одѣтаго въ настоящую солдатскую форму. Но онъ все тотъ же буянъ и забіяка, какъ и былъ. Генералъ позволилъ-было себѣ обойтись съ нимъ грубо и—спасовалъ. Но у него есть защита. Нашъ

другой знакомый, князь Андрей, напомнилъ о немъ главнокомандующему по его приказанію. Кутузовъ сказалъ только Долохову, что если онъ будетъ хорошо служить, то его не забудутъ. Долоховъ и на главнокомандующаго смотрѣлъ все тѣмъ же дерзкимъ, самоувѣреннымъ взглядомъ. Но по службѣ онъ исправенъ, только иногда звѣремъ бываетъ. Старыя замашки остались. Въ Польшѣ чуть-было не убилъ жида. Однако его жалѣютъ; у него связи есть. Самъ полковой командиръ, проѣзжая мимо него, сказалъ: «до перваго дѣла—эполеты!» Но Долоховъ и при этомъ не измѣнилъ выраженія своего насмѣшливо-улыбающагося лица.

Другой нашъ знакомый, князь Болконскій, служилъ адъютантомъ при Кутузовѣ и пользовался его уваженіемъ. Князь Андрей много измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы его знаемъ. Онъ, какъ по всему видно, нашелъ дѣло по себѣ, и потому на лицѣ его не было замѣтно выраженія прежней усталости и лѣни, а напротивъ сіяла улыбка. Кутузовъ принялъ его ласково, по памяти объ отцѣ, бралъ съ собою въ Вѣну, отличалъ отъ другихъ адъютантовъ и давалъ болѣе серьезныя порученія. Въ штабѣ между сослуживцами онъ пользовался двумя различными репутаціями. Одни находили его человѣкомъ необыкновеннымъ, восхищались имъ и даже подражали ему. Другіе считали его человѣкомъ гордымъ и непріятнымъ, но и тѣ боялись и уважали его. Болконскій былъ истинный патріотъ въ душѣ, и потому, когда австрійскій генералъ Макъ потерпѣлъ позорное пораженіе, то онъ сколько, съ одной стороны, радовался посрамленію самонадѣянной Австріи, столько, съ другой, понималъ всю трудность положенія русскихъ войскъ и боялся, что они не въ силахъ будутъ устоять противъ генія Бонапарта. Онъ съ озлобленіемъ относился къ тѣмъ, которые видѣли одно только смѣшное въ томъ, что̀ случилось съ Макомъ. Такъ онъ отнесся къ офицеру Жеркову, поздравившему одного австрійскаго генерала съ пріѣздомъ Мака.

«Сорокъ тысячъ человѣкъ погибло и союзная намъ армія уничтожена, говорилъ онъ, а вы не можете при этомъ шутить. Это простительно ничтожному мальчишкѣ.... *Мальчишкамъ* можно только такъ забавляться».

Николай Ростовъ, служившій въ гусарскомъ Павлоградскомъ полку, стоялъ недалеко отъ Браунау. Эскадроннымъ командиромъ его былъ Денисовъ, извѣстный всей кавалерійской дивизіи подъ именемъ Васьки Денисова. Эта личность тоже типическая, съ которою читателю не мѣшаетъ познакомиться. Въ этомъ случаѣ оказать услугу можетъ юнкеръ Ростовъ, который живетъ вмѣстѣ съ Денисьевымъ. Стоятъ они на квартирѣ у Нѣмца. Ростовъ утромъ только-что подъѣхалъ къ своему дому, а Денисова нѣтъ и не было съ вечера; пошелъ играть и, вѣроятно, проигрался: онъ всегда, коли выигрывалъ, приходилъ рано, а если проигрывался приходилъ утромъ сердитый, пояснялъ его деньщикъ. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Вслѣдъ за Ростовымъ явился и Денисовъ. Это былъ маленькій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, блестящими черными глазами, черными всклокоченными волосами и усами. Онъ подходилъ къ крыльцу мрачно, опустивъ голову. Сердитъ былъ страшно, даже разбилъ объ полъ поданную ему трубку. Онъ проигрался въ пухъ, въ кошелькѣ осталось всего нѣсколько золотыхъ. На ту бѣду пришелъ еще офицеръ Телянинъ, никѣмъ нелюбимый. Между нимъ и Ростовымъ зашелъ разговоръ о лошади, проданной Ростову Телянинымъ. Во время посѣщенія этого офицера и Денисовъ былъ въ сѣняхъ, и Ростову случилось выдти, такъ что Телянинъ нѣсколько минутъ оставался одинъ. Послѣ его ухода оказалась пропажа: исчезъ кошелекъ съ деньгами. Но Ростовъ догадался, кто взялъ кошелекъ. Онъ нашелъ Телянина въ трактирѣ за завтракомъ и, дѣйствительно, уличилъ его въ воровствѣ кошелька у Денисова. Ростовъ имѣлъ неосторожность довести эту

исторію до полковаго командира, при томъ ж сообщилъ о ней при другихъ офицерахъ. А когда тотъ, желая замять такое непріятное дѣло, сказалъ Ростову, что онъ *лжетъ*, то Ростовъ отвѣтилъ ему, что онъ самъ лжетъ. Старшіе, очень хорошо понимая, въ чемъ дѣло, уговорили молодаго человѣка извиниться; а Телянинъ былъ исключенъ изъ полка. Такимъ образомъ и честь полка спасена, и негодяй наказанъ.—Но вотъ эскадронъ двинулся въ походъ, и Ростову въ первый разъ пришлось понюхать пороха на зажженномъ мосту близь Энса. Первое впечатлѣніе было болѣзненно тревожное, и Ростову стыдно было своей трусости. Ему казалось, что всѣ замѣтили ее.

Русскія войска, предводимыя Кутузовымъ, въ это время находились въ отступленіи,—для соединенія съ тѣми нашими силами, которыя двигались изъ Россіи. Но и при этомъ Кутузовъ разбилъ дивизію Мартье и съ донесеніемъ объ этомъ послалъ въ Вѣну князя Андрея, что̀ было знакомъ особой милости главнокомандующаго. Въ Брюннѣ онъ остановился у своего знакомаго, русскаго дипломата Билибина. Это былъ молодой человѣкъ, но уже опытный дипломатъ, человѣкъ очень дѣльный, въ обществѣ большой острякъ. Говорилъ онъ весьма умно, и часто отзывы его расходились по вѣнскимъ гостинымъ.

Князь Андрей жалуется Билибину на пріемъ, сдѣланный ему при дворѣ, не очень лестный по его мнѣнію. Но Билибинъ не видитъ въ этомъ ничего особеннаго, по крайней мѣрѣ, для себя. Онъ вообще не любитъ Австрійцевъ за ихъ эгоизмъ и зависть, а теперь видѣлъ, что и радоваться нечему, когда Вѣна взята. Но, вѣдь, должны же были оцѣнить они подвигъ русскихъ. Долженъ былъ бы оцѣнить его Билибинъ. Но онъ слишкомъ занятъ своею дипломатіею да остротами, а патріотизмъ на второмъ планѣ. Билибинъ—это человѣкъ противный при всемъ своемъ умѣ. Сказавъ что-нибудь остроумное, онъ такъ самодовольно улы-

бается, разсказывая про что-нибудь, любуется прелестями собственнаго разсказа. Да и что за остроты! Передавая, напримѣръ, князю Андрею о томъ, какъ Французы обманомъ взяли мостъ на Дунаѣ, Билибинъ вдругъ говоритъ: nous sommes *mackés* (мы *обмаковались*). Вѣдь эта острота заслуживаетъ такого же отзыва, какой сдѣланъ княземъ Андреемъ на остроту Жеркова. Не знаемъ, понравилось ли все это князю Андрею, а намъ очень не нравится: такіе дипломаты, острящіе надъ всѣмъ и всюду, въ особенности въ такое время, не дѣлаютъ особенной чести своему отечеству.

Прибывъ къ арміи, Болконскій былъ посланъ Кутузовымъ по его просьбѣ къ Багратіону, который хотя и не зналъ его, но принялъ ласково. Князю Андрею хотѣлось хоть посмотрѣть вблизи на сраженіе, а такой случай теперь представлялся именно въ лагерѣ Багратіона. Кстати про Багратіона. Графъ Толстой выводитъ передъ нами на сцену Багратіона совсѣмъ не такимъ, какимъ мы привыкли его знать по историческимъ сочиненіямъ. Багратіонъ въ «Войнѣ и мирѣ» дѣйствуетъ какъ-то странно, безотчетно, безо всякой энергіи. Онъ все одобряетъ, что̀ другіе дѣлаютъ, самъ распоряжается вяло. Отъ него мы во все время только и слышимъ: «хорошо». Странно какъ-то! «Князь Багратіонъ, говоритъ графъ Толстой, только старался дѣлать видъ, что все, что̀ дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями». Это намъ непонятно. Нѣтъ, это не тотъ Багратіонъ, котораго мы знаемъ. Только на минуту какъ-то одушевился князь Багратіонъ во время битвы при деревнѣ Шенграбенъ.

Эскадронъ, гдѣ служилъ Ростовъ, былъ остановленъ лицомъ къ непріятелю. «Поскорѣе, поскорѣе бы», думалъ Ростовъ, чувствуя, что наконецъ-то ему придется испытать, что̀ такое атака.—«Съ Богомъ, ребята!» прозвучалъ

голосъ Денисова. — Рысью, маршъ!» Эскадронъ быстро подвигался впередъ. «Охъ, какъ я рубану его!» думалъ Ростовъ, сжимая въ рукѣ эфесъ сабли. Но вотъ голова у него закружилась. Ему показалось, что онъ несется все впередъ, впередъ.... а между тѣмъ онъ очутился одинъ среди поля раненый, а лошадь была убита. Онъ почувствовалъ, что на лѣвой рукѣ его виситъ какъ будто чтò лишнее; онъ былъ раненъ въ руку, и кисть онѣмѣла. Въ этой же схваткѣ раненъ былъ и Долоховъ.

Раненый Ростовъ убѣжалъ въ лѣсъ отъ подходившихъ Французовъ.

Князь Андрей все время былъ подлѣ батареи капитана Тушина, который своими выстрѣлами зажегъ деревню Шенграбенъ и вообще дѣйствовалъ мастерски. Но странное дѣло! Этотъ же самый Тушинъ всегда конфузился передъ начальствомъ. Спасибо князю Андрею, что онъ его выручилъ своимъ заступничествомъ передъ Багратіономъ: онъ потерялъ два орудія и множество людей, а начальники не любятъ этого.

VIII.

Пока все это дѣлалось на чужбинѣ, на театрѣ войны, въ Москвѣ князь Василій Курагинъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ устроить судьбу тѣхъ лицъ, которыми онъ интересовался. Мы уже знаемъ, что Пьеръ сдѣлался богатымъ наслѣдникомъ, притомъ графомъ Безухимъ. И вотъ князь Василій устраиваетъ для него назначеніе въ камеръ-юнкеры, везетъ его вмѣстѣ съ собою въ Петербургъ и уговариваетъ остановиться въ своемъ домѣ. Мы знаемъ, что у князя Василія есть дочь, красавица Эленъ, и вотъ изъ-за нея-то онъ и хлопочетъ. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ не по строго напередъ обдуманному плану, а какъ бы по инстинкту.

Сдѣлавшись богатымъ и знатнымъ человѣкомъ, Пьеръ только вечеромъ въ постели былъ предоставленъ самому себѣ.

Открылось множество какихъ-то дѣлъ, родственниковъ, знакомыхъ, которые прежде едва ли знали о его существованіи, а теперь старались въ немъ заискивать. Въ обществѣ ему вездѣ льстили и угождали. Даже и племянницы покойнаго графа, прежде не любившія его, стали нѣжны и ласковы съ нимъ. Пьеръ, по своей добротѣ, вѣрилъ въ искренность всѣхъ этихъ лицъ. Да ему и некогда было одуматься. Онъ постоянно окруженъ былъ обществомъ. Болѣе всѣхъ хлопоталъ около него князь Василій, какъ будто все дѣлая единственно изъ расположенія. А между тѣмъ онъ не прочь подъ-часъ оставить въ своемъ карманѣ оброчекъ, полученный съ графскихъ имѣній. «Мы сочтемся», говорилъ онъ.

Въ Петербургѣ общество оказалось столько же предупредительнымъ и ласковымъ къ богатому молодому наслѣднику, какъ и въ Москвѣ. Но преимущественно Пьеръ проводилъ время въ семьѣ князя Василія, у котораго въ домѣ жилъ. На вечерахъ всего веселѣе было ему у Анны Павловны Шереръ, которая тоже перемѣнила теперь въ обращеніи съ нимъ прежній покровительственный тонъ на заискивающій. Все, что бы онъ ни говорилъ у нея, все выходило *прелестно*. Сверхъ того, Анна Павловна была большая охотница устраивать чужую судьбу. Зимою 1806 г. Пьеръ то-и-дѣло получалъ отъ нея розовыя записки съ приглашеніемъ, въ которыхъ всегда было прибавлено: «у меня будетъ прекрасная Эленъ, на которую никогда не устанешь любоваться». — «Читая это мѣсто, говоритъ графъ Толстой, Пьеръ въ первый разъ почувствовалъ, что между нимъ и Эленъ образовалась какая-то связь, признаваемая другими людьми». На вечерахъ у себя Анна Павловна постоянно старалась сближать Пьера съ Эленъ, постоянно хвалила ему ея красоту, ея умѣнье держать себя. И Пьеру эта красота показалась замѣчательною, но пока и только. Впрочемъ, хотя Пьеръ и не былъ влюбленъ въ Эленъ, эту красивую статую, какою она по крайней мѣрѣ до тѣхъ

поръ являлась въ обществѣ, однако въ немъ мало-по-малу стала развиваться мысль, что эта Элепъ можетъ и должна принадлежать ему. Но вѣдь кромѣ того, что Элепъ глупа и пуста, про нее ходили самые дурные слухи, напр. въ родѣ того, что братъ Анатоль былъ влюбленъ въ нее и она въ него, что была цѣлая исторія, по милости которой и услали Анатоля. Видно князь Василій среди своихъ ничтожныхъ свѣтскихъ замысловъ не имѣлъ времени воспитать какъ слѣдуетъ своихъ дѣтей. Но въ то же время эта Элепъ такъ прекрасна, такъ обворожительна. И не Пьеру съ его слабымъ характеромъ трудно было бы устоять противъ такого обаянія, а Пьеру и думать нечего.... Онъ влюблялся въ Элепъ, но влюблялся какъ-то странно, безъ энергіи. О чувствахъ Элепъ и говорить нечего. Она вся въ рукахъ отца.

А между тѣмъ этотъ отецъ неутомимъ въ преслѣдованіи своей цѣли. Онъ оказывалъ Пьеру всевозможныя ласки и даже услуги. Самъ онъ видѣлъ и чувствовалъ, что за нимъ ухаживаютъ, тѣмъ не менѣе Элепъ все болѣе и болѣе нравилась ему, даже казалась не такъ глупою, какъ онъ прежде думалъ. Надобно было объясниться съ нею, но вѣдь для этого нужна рѣшимость, смѣлость, а ихъ-то и не доставало у Пьера, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ.

Въ день имянинъ Элепъ князь Василій рѣшился самъ дѣйствовать, если только Пьеръ *не пойметъ своей роли*. За столомъ Пьера и Элепъ посадили рядомъ. Они сидѣли молча, какъ и большею частію. Пьеръ какъ-то робѣлъ передъ Эленъ, а она вообще была не охотница говорить. На лицахъ ихъ выражалась сдержанная улыбка стыдливости передъ своими чувствами. И между тѣмъ, что̀ бы ни говорилось, какъ бы ни шутили гости, общее вниманіе тайкомъ было обращено на нихъ Пьеръ чувствовалъ, что онъ былъ центромъ всего, и это положеніе и радовало, и стѣсняло его. Ясно, всѣ невольно интересовались судьбою

этихъ двухъ молодыхъ существъ, столь искусно поставленныхъ рядомъ, которымъ какъ бы навязали симпатію другъ къ другу.... Надобно замѣтить, что искусственность эта принадлежитъ, впрочемъ, не дѣйствительности, а прихоти самого автора романа. Мы не вѣримъ вполнѣ въ возможность такихъ отношеній, какія авторъ изображаетъ намъ въ лицѣ Пьера и Эленъ. Она, конечно, находится подъ ферулою отца и, пожалуй, дѣйствовать иначе не можетъ. А въ его характеръ авторъ влилъ столько слабости воли, столько *тряпичности*, если смѣемъ такъ выразиться, сколько едвали можетъ вмѣстить въ себѣ человѣкъ, хотя сколько-нибудь не глупый, хотя и слабохарактерный. А вѣдь самъ авторъ считаетъ его человѣкомъ неглупымъ. Между тѣмъ этотъ не глупый человѣкъ оказывается игрушкою въ рукахъ другихъ и о своей судьбѣ ни разу серьезно не задумывается. Но послѣдуемъ за развязкою дѣла.

Во время проводовъ гостей Пьеръ долго сидѣлъ одинъ съ Эленъ въ маленькой гостиной. Одинхъ оставляли ихъ часто и прежде, но о любви онъ никогда ей не говорилъ и теперь не рѣшался. О ихъ женитьбѣ всѣ теперь говорили какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ, а между тѣмъ сами они ничего объ этомъ не сказали другъ другу, а все говорили только о постороннихъ предметахъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, князь Василій рѣшился дѣйствовать, и вотъ какъ онъ дѣйствуетъ.

Съ торжественнымъ лицомъ подошелъ онъ къ Пьеру, сидѣвшему рядомъ съ Эленъ.

—«Слава Богу!» сказалъ онъ. «Жена мнѣ все сказала!» Онъ обнялъ одною рукой Пьера, а другой — дочь. «Другъ мой, Леля! Я очень радъ.» Голосъ его задрожалъ. «Я любилъ твоего отца..... и она будетъ тебѣ хорошая жена... Богъ да благословитъ васъ.» И родные благословили и расцѣловали ихъ, а потомъ опять оставили одинхъ. Тогда только Пьеръ вспомнилъ, что нужно же хоть для приличія

сказать своей невѣстѣ о любви. «Я люблю васъ!» проговорилъ онъ, но слова эти прозвучали такъ бѣдно, что ему стало стыдно за себя.

Не правда ли, что все это не естественно и странно. Такія личности, какою здѣсь выставленъ Пьеръ, поражаютъ насъ не своею неловкостію, а натяжкою автора. Развѣ человѣкъ можетъ быть до такой степени автоматомъ? — Какъ бы то ни было, чрезъ полтора мѣсяца Пьера и Элснъ обвѣнчали, и молодые поселились въ Петербургѣ въ заново отдѣланномъ домѣ графовъ Безухихъ.

IX.

Счастливо устроивъ дочь, вѣчный хлопотунъ, князь Василій, сталъ теперь думать о судьбѣ сына. Онъ имѣлъ въ виду женить Анатоля на дочери князя Болконскаго, княжнѣ Марьѣ. Но старый князь относился съ должнымъ презрѣніемъ къ интриганту, и письмо о пріѣздѣ, написанное Василіемъ, подѣйствовало на него очень дурно. Онъ видимо былъ не въ духѣ, сердился на всѣхъ, такъ что жена князя Андрея не вышла къ обѣду подъ предлогомъ болѣзни, что̀ только увеличило дурное расположеніе его духа.

Князь Василій пріѣхалъ съ сыномъ Анатолемъ, столь извѣстнымъ своими похожденіями. «На всю жизнь свою онъ смотрѣлъ какъ на непрерывное увеселеніе, которое кто-то такой почему-то обязался устроить для него». Такъ теперь смотрѣлъ онъ и на свою поѣздку къ князю Болконскому. Онъ думалъ не о судьбѣ своей, а объ удовольствіи. Но на княжнѣ Марьѣ жениться было ему мало шансовъ, да и не хотѣлось: она была нехороша собой, и если онъ станетъ за нею ухаживать, то развѣ для потѣхи и въ угоду отцу.

Княжну Марью, при ея некрасивомъ лицѣ, все это очень волновало и конфузило; тѣмъ не менѣе надобно выдти къ обществу, уже собравшемуся у чайнаго стола. «Въ душѣ

ся было мучительное сомнѣніе. Возможна ли для нея радость любви, земной любви къ мужчинѣ? Самый помыслъ о такой любви она считала навожденіемъ и молила Бога въ душѣ отогнать отъ нея эти грѣшные помыслы. Такимъ образомъ, и Анатоль и княжна Марья и старикъ Болконскій — всѣ противъ брака, а только одинъ князь Василій пока неутомимо преслѣдуетъ свою цѣль. Посчастливится ли ему на этотъ разъ?

Когда княжна вышла къ обществу, стараго князя отца тамъ еще не было. Видъ красавца Анатоля поразилъ ее. Въ немъ мы съ перваго взгляда замѣчаемъ тѣже черты, что̀ и въ Эленъ. Не даромъ они дѣти одного отца. Тоже довольство собою, таже молчаливость. Но Эленъ была болѣе наивна, тогда какъ во взглядѣ Анатоля, особенно въ обращеніи съ женщинами, была нѣкоторая самоувѣренность, даже наглость. Зашелъ незначительный разговоръ о томъ, о семъ, а между тѣмъ Анатоль любовался — не княжною Марьею, а француженкою Бурьенъ и рѣшилъ, что послѣ этого и въ Лысыхъ Горахъ будетъ не скучно.

Вышелъ, наконецъ, и князь Николай Андреевичъ, крайне недовольный пріѣздомъ князя Василья съ сыномъ. Но злобу свою онъ выместилъ на дочери и при всѣхъ побранилъ ее за то, что она разодѣлась для гостей. Потомъ поговорилъ немножко съ Анатолемъ и увелъ князя Василія къ себѣ въ кабинетъ. Онъ объявилъ ему на его предложеніе, что онъ пожалуй самъ не прочь породниться, но все зависитъ отъ дочери. Анатоль между тѣмъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ съ княжной Марьей и нашелъ, что она очень дурна собою. А между тѣмъ въ умѣ пустой француженки Бурьенъ, жившей болѣе изъ благодѣянія въ домѣ князя Николая Андреевича, родилась мысль, что красавецъ Анатоль будетъ ухаживать за нею. Она говорила съ нимъ о Парижѣ, а въ тоже время въ головѣ ея складывалась романтическая исторія, какъ онъ увезетъ ее и женится на

ней. Поэтому она очень желала понравиться Анатолю. Она, видно, очень плохо знала князя Василья. Анатоль только любовался миловидною француженкой — не больше.

Всѣхъ больше недоволенъ былъ всѣми и всѣмъ старый князь Болконскій. Разстаться съ дочерью ему не хотѣлось. А вдругъ она расфрантилась — рада бросить отца! Анатоль же только и смотритъ на француженку! Видно, у дочери нѣтъ гордости, чтобы понять это. Надобно ей внушить. Анатоль, дѣйствительно, желалъ видѣться и поговорить съ m-lle Бурьенъ. Она поняла это и благопріятствовала его видамъ. Ей все мерещился романъ....

Старый князь рѣшился объясниться съ дочерью и, во что̀ бы то ни стало, отговорить ее отъ замужства съ повѣсою Анатолемъ. Утромъ на другой день онъ былъ съ нею особенно ласковъ, даже говорилъ ей *вы*, но въ тонѣ его слышалось раздраженіе. Когда онъ спросилъ ее, какъ она смотритъ на предложеніе, сдѣланное ей, то она отвѣчала, что желаетъ только исполнить его волю. Ей, очевидно, хотѣлось выдти изъ-подъ его зависимости, хотѣлось свободы. Но онъ намекнулъ ей, что если она выдетъ за Анатоля, то m-lle Бурьенъ будетъ женою, а она... Онъ не договорилъ, и просилъ княжну уйдти подумать; но она поняла его. Она и сама видѣла, идя назадъ къ отцу, какъ въ саду Анатоль что-то говорилъ шопотомъ съ француженкою и обнималъ ее. Возмутительная наглость. Она теперь уже вовсе не желала выходить за Анатоля, а потому безъ стѣсненій, при князѣ Васильѣ, отвѣчала на вопросъ отца, да или нѣтъ? прямо: «Мое желаніе, mon père, никогда не покидать васъ, никогда не раздѣлять своей жизни съ вашей.... Я не хочу выходить замужъ, сказала она рѣшительно, и даже не оставила князю Василью никакой надежды на перемѣну своего рѣшенія. «Я благодарю за честь, сказала она ему, но никогда не буду женою вашего сына» — Мое призваніе другое, думала про себя княжна Марья; мое призваніе — быть

счастливой другимъ счастьемъ, счастьемъ любви и самопожертвованія». Она хотѣла устроить судьбу m-lle Бурьенъ, которая влюбилась въ Анатоля. Княжна Марья — это дѣвушка, живущая исключительно сердцемъ Развѣ она не поняла, что́ такое Анатоль Курагинъ? Развѣ можетъ быть кто-нибудь счастливъ съ такимъ ничтожнымъ и пустымъ человѣкомъ?

IX.

Между тѣмъ на поприщѣ войны дѣло быстро двигалось къ знаменитой въ военныхъ лѣтописяхъ Аустерлицкой битвѣ. Подъ Ольмюцомъ два Императора назначили смотръ войскамъ, Россійскій и Австрійскій. Наканунѣ смотра собрались Николай Ростовъ, уже выздоровѣвшій отъ раны, Борисъ и еще одинъ офицеръ, Бергъ, и занялись разговоромъ про старое. При этомъ Ростовъ не упустилъ случая похвастаться Георгіевскимъ крестомъ и съ гордостью указывалъ на подвязанную руку. Но въ душѣ онъ сознавалъ, что онъ не такъ-то былъ храбръ при Шенграбенѣ. Онъ помнилъ, какъ онъ бросилъ пистолетъ и убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ встрѣтилъ, къ счастью, Русскихъ. Но когда его попросили разсказать о томъ, какъ и гдѣ онъ получилъ рану, то онъ не могъ разсказать такъ, какъ было дѣйствительно дѣло, а потому и прибѣгъ къ вымыслу. Хотя онъ былъ и правдивъ вообще, но какъ-то невольно увлекся стремленіемъ къ эффекту, къ ужасному. И потому онъ разсказалъ имъ и о томъ, какъ онъ врубался въ ряды непріятеля, и какъ падалъ въ изнеможеніи. «Ты не можешь представить себѣ, говорилъ онъ Борису, какое чувство бѣшенства испытываешь во время атаки.

Въ эту самую минуту вошелъ въ комнату князь Андрей, котораго зналъ и ждалъ Борисъ. Съ остальною компаніей онъ былъ незнакомъ. Армейскихъ гусаровъ онъ не любилъ,

а Ростовъ съ своей стороны не любилъ штабныхъ адъютантиковъ. Поэтому, когда князь, вѣроятно, слышавшій послѣднія слова Ростова, сказалъ, что про Шенграбенское дѣло много невѣроятныхъ разсказовъ, Ростовъ вспылилъ, произошла маленькая сцена. Онъ замѣтилъ адъютанту, что ихъ разсказы — разсказы тѣхъ, которые были въ самомъ огнѣ непріятеля, а не разсказы тѣхъ штабныхъ молодчиковъ, которые получаютъ награды, ничего не дѣлая. Князь Андрей принялъ это на свой счетъ, но онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ замѣтилъ только, что теперь, въ виду общаго врага, имъ не время заниматься личными оскорбленіями; если же Ростовъ желаетъ съ нимъ видѣться, то знаетъ, гдѣ найти его. Ростовъ былъ взбѣшенъ словами адъютантика, какъ онъ презрительно называлъ этихъ господъ, и, по уходѣ его, не зналъ, вызвать ему его на дуэль, или нѣтъ. Онъ въ то же время чувствовалъ, что съ этимъ человѣкомъ скорѣе, нежели съ кѣмъ-нибудь другимъ, онъ способенъ подружиться. Таково было впечатлѣніе, произведенное на него этою благородною и честною личностью.. .

Вслѣдъ за этимъ мы снова находимся на театрѣ войны, гдѣ, по случаю смотра, узнаемъ новую, по крайней мѣрѣ, неизвѣстную для насъ черту въ Ростовѣ — страстный поклонникъ императора Александра, даже былъ какъ бы влюбленъ въ него, онъ любовался имъ, восторгался имъ. Эта любовь и преданность къ государю, впрочемъ, не принадлежала ему только. Императора Александра любили всѣ, въ особенности въ войскѣ. Но у Ростова эта любовь къ своему монарху доходила до какого-то романтизма, что мы находимъ психологически весьма возможнымъ и понятнымъ. Самое приближеніе государя дѣйствовало на него магически. Онъ былъ счастливъ какъ любовникъ, дождавшійся ожиданнаго свиданія. Не смѣя оглядываться во фронтѣ и не оглядываясь, онъ чувствовалъ восторженнымъ чутьемъ его приближеніе. И онъ чувствовалъ это не по

одному звуку копытъ лошадей приближавшейся кавалькады, но онъ чувствовалъ это потому, что по мѣрѣ приближенія все свѣтлѣе, радостнѣе, и значительнѣе, и праздничнѣе дѣлалось вокругъ него.

За тѣмъ слѣдуетъ военный совѣтъ, на которомъ князь Андрей напрасно домогается высказать свои соображенія, а затѣмъ и Аустерлицъ....

Во время сраженія отличился князь Андрей: схвативъ знамя, онъ побѣжалъ съ нимъ впередъ, на перерѣзъ отступавшаго батальона, и увлекъ его опять за собою. Но битва, какъ извѣстно, была нами проиграна, и самъ князь Андрей былъ жестоко раненъ. Только восторженный присутствіемъ императора, Ростовъ не могъ примириться съ мыслію о пораженіи нашихъ.... Но и онъ наконецъ помирился.

Въ началѣ 1806-го года Николай Ростовъ получилъ отпускъ изъ Могилева и отправился въ Москву. На предпослѣдней станціи онъ встрѣтилъ своего стараго товарища Денисова, выпилъ съ нимъ три бутылки вина, и уговорилъ его заѣхать къ нему и погостить. Всю дорогу пьяный Денисовъ спалъ и очнулся только тогда, когда они подъѣхали уже къ самому дому. Прокофій, выѣздной лакей, первый встрѣтилъ Ростова.

«Батюшки, свѣты! Графъ молодой!»—Николай, не приказывая доложить о себѣ и совершенно позабывъ о Денисовѣ, побѣжалъ въ залъ и оттуда въ гостиную. Его встрѣтили дружные веселые поцѣлуи отца, Наташи, Сони и Поли. Наконецъ вышла сама графиня. Увидя сына, она бросилась къ нему на шею и заплакала. Между тѣмъ Денисовъ стоялъ никѣмъ не замѣченный въ концѣ комнаты и молча смотрѣлъ на эту сцену. Наконецъ, увидавъ, что старый графъ взглянулъ на него, онъ отрекомендовался. Старый графъ уже зналъ о Денисовѣ изъ письма Николая и поэтому очень обрадовался новому гостю. Наташа бросилась къ нему и съ крикомъ—«голубчикъ Денисовъ!» обняла его и поцѣловала.—Всѣ были рады и веселы; всѣ наперерывъ распрашивали гостей, которые не успѣвали отвѣчать. Такъ какъ было очень поздно, то Ростову и Денисову была предложена комната и они отправились спать. Дорога такъ замучила пріѣзжихъ, что они проспали почти до 10 часовъ.

Первый проснулся Денисовъ: «Гей Гишка, т'убку. Вставай, Ростовъ, пора,» закричалъ онъ охриплымъ голосомъ. Наташа уже давно встала и съ нетерпѣніемъ ждала ихъ въ сосѣдней комнатѣ. «Николинька, вставай! Ужъ 10-й часъ,» закричала она въ скважину двери своимъ тоненькимъ голоскомъ. Петя, схвативъ сабли гостей, вбѣжалъ къ нимъ въ комнату. Ростовъ надѣлъ халатъ и вышелъ изъ своей спальни. Его тотчасъ-же встрѣтила Наташа, распрашивала о разныхъ мелочахъ и весело хохотала. «Какъ ты будешь говорить съ Соней, ты или вы?» спросила она своего брата. «Незнаю, какъ случится,» отвѣчалъ послѣдній. «Говори ей вы, я тебѣ разскажу зачѣмъ это нужно,» сказала Наташа и начала говорить о томъ, какъ она дружна съ Соней, какъ она нарочно обожгла себѣ руку, чтобы доказать ей свою любовь, и какъ Соня призналась ей, т. е. Наташѣ, что она горячо любитъ Николая, но не желаетъ связывать его свободу, и несмотря на его обѣщаніе, данное ей передъ отъѣздомъ, она все-таки забываетъ все и т. д. «Не правда-ли, что это отлично, благородно,» съ увлеченіемъ повторяла Наташа. Ростовъ задумался. Затѣмъ Наташа начала говорить о себѣ, что она никогда не желаетъ выходить замужъ и вся цѣль ея заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться танцовщицей. Потомъ она спросила Николая, каковъ Денисовъ, и когда послѣдній отвѣчалъ, что Васька очень хорошій малый, Наташа сказала брату, чтобы онъ поскорѣе одѣвался и выходилъ вмѣстѣ съ гостемъ къ чаю. Одѣвшись, Николай вышелъ въ гостиную и здѣсь встрѣтился съ Соней; онъ не зналъ, какъ обратиться къ ней и сказалъ *вы—Соня*, поцѣловавъ ея руку. Но, взглянувъ другъ на друга, они оба поняли, что это *вы* значитъ *ты*, и что они могутъ цѣловаться по прежнему. Вѣра замѣтила, что она удивляется тому, что Соня встрѣтилась съ Николинькой на *вы*, какъ чужіе, что́ привело почти всѣхъ въ окончательное смущеніе. Наконецъ въ гостиную взошелъ Денисовъ въ но-

вомъ мундирѣ и на столько развязный и любезный съ дамами, на сколько Николай не ожидалъ отъ него.

Пріѣхавъ домой, Ростовъ былъ принятъ домашними, какъ совершенно большой, что́ очень ему льстило. Денегъ у отца было довольно, потому что имѣнія были перезаложены, и Николай скоро сдѣлался извѣстенъ въ Москвѣ, какъ франтъ и пріятный молодой человѣкъ. Онъ завелъ у себя рысака, и гордился тѣмъ, что знатоки удивлялись достоинствамъ его лошади. Чтоже касается до Сони, то онъ въ это пребываніе въ Москвѣ не только сошелся, но скорѣе отдалился отъ нея.—Онъ переживалъ ту пору молодости, когда человѣкъ не хочетъ связывать своей свободы и болѣе дорожитъ кутежами и клубами, нежели любовью.

Старый графъ Илья Андреевичъ въ началѣ марта былъ занятъ устройствомъ обѣда въ Англійскомъ клубѣ для князя Богратіона. Онъ поминутно давалъ Ѳеоктисту, главному повару Англійскаго клуба, приказанія о спаржѣ, огурцахъ, кушаньяхъ, и т. д. и хлопоталъ о томъ, чтобы столъ былъ убранъ цвѣтами, чтобы было побольше пѣсенниковъ и тому подобное. Князь Багратіонъ считался въ Москвѣ героемъ Австрійскаго похода. Общество такъ было увѣрено въ храбрости нашихъ войскъ, что извѣстіе объ Аустерлицкомъ пораженіи произвело въ Москвѣ странное впечатлѣніе. Всю вину сваливали на неспособныхъ полководцевъ, которымъ была ввѣрена русская армія. Про Кутузова говорили, что онъ ни что иное, какъ придворная вертушка и старый сатиръ, и что Государь поступилъ весьма оплошно, поручивъ ему такое важное дѣло. Багратіонъ человѣкъ совсѣмъ другаго рода. Съ его именемъ еще связывалось воспоминаніе о славныхъ подвигахъ Суворова во время Италіянской компаніи, и на него смотрѣли, какъ на единственнаго способнаго генерала. Князь Долгорукій утѣшалъ Москвичей въ неудачѣ нашего похода, словами:—«лѣпя, лѣпя и облѣпишься,» и прибавлялъ, что Французовъ нужно воз-

буждать къ храбрости громкими фразами, Нѣмцевъ отвлеченными разсужденіями, а русскихъ солдатъ, нужно только удерживать и почаще твердить имъ—«потише!» Поэтому несмотря на неудачу похода, въ Москвѣ любили говорить о блестящихъ примѣрахъ храбрости и самозабвенія, которыя оказали многіе въ этой компаніи.

3-го марта назначенъ былъ пріемъ князя Багратіона. Комнаты Англійскаго клуба были убраны и наполнены членами и старшинами, большей частью стариками. Молодые—гости были по преимуществу военные, какъ напр. Ростовъ, Долоховъ, снова сдѣлавшійся Семеновскимъ офицеромъ и Денисовъ. Вездѣ слышались разговоры объ Австрійской компаніи. Ростопчинъ разсказывалъ, что Русскіе были смяты бѣжавшими Австрійцами и должны были штыкомъ прокладывать себѣ дорогу между бѣглецами, а въ другомъ кружкѣ Нарышкинъ вспоминалъ о томъ, какъ Суворовъ кричалъ по пѣтушиному въ Вѣнскомъ придворномъ военномъ совѣтѣ.

Наконецъ взошелъ лакей и доложилъ съ испуганнымъ лицемъ графу Ильѣ Андреевичу— „пожаловали". Поднялась общая суматоха. Всѣ бросились впередъ, чтобы встрѣтить дорогаго гостя, и цѣлая толпа собралась около дверей. Наконецъ показался Багратіонъ. Онъ былъ въ новомъ мундирѣ, со всѣми русскими и иностранными орденами и съ погайкой черезъ плечо, въ томъ-же самомъ костюмѣ, въ какомъ Николай Ростовъ видѣлъ его наканунѣ Аустерлицкаго дня. Старшины выразили ему свою радость видѣть такого дорогаго гостя и повели въ гостиную. Здѣсь графъ Илья Андреевичъ поднесъ ему большое серебряное блюдо, на которомъ лежалъ свертокъ, написанныхъ, въ честь его, стиховъ. Багратіонъ, сконфузившись, съ какимъ-то испуганнымъ недоумѣніемъ, взялъ блюдо, не зная что̀ дѣлать. Но любезные старшины освободили его отъ этой обузы, вынувъ блюдо изъ его рукъ, а авторъ стиховъ началъ свое чтеніе:

«Славь тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолѣ.
Будь купно страшный вождь и добрый человѣкъ,
Рифей въ отечествѣ и Цесарь въ бранномъ полѣ.
Да, счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты, каковъ Багратіонъ,
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ Русскихъ болѣ...»

Но въ срединѣ этого чтенія показался въ дверяхъ лакей и доложилъ, что кушанье готово. Раздался польскій «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ!»—Багратіона повели въ столовую. Всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ: кто поважнѣе, тотъ поближе къ знаменитому гостю. Николай Ростовъ вмѣстѣ съ Долоховымъ и Денисовымъ сѣли напротивъ Пьера почти на самой серединѣ стола. Послѣ громадной стерляди начали провозглашать тосты. Графъ Илья Андреевичъ предложилъ тостъ за здоровье Императора, всѣ закричали—ура—и Багратіонъ кричалъ точно тѣмъ-же голосомъ, какимъ онъ кричалъ на Шенграбенскомъ полѣ. Затѣмъ начали пить за здоровье героя нашей послѣдней компаніи, князя Петра Ивановича Багратіона. Пѣвчіе пропѣли кантату соч. Павла Ивановича Кутузова·

«Тщетны Россамъ всѣ препоны,
Храбрость есть побѣдъ залогъ,
Есть у насъ Багратіоны,
Будутъ всѣ враги у ногъ...» и т. д·

Послѣ этого пилось множество шампанскаго за здоровье Нарышкина, Долгорукова, Беклешова и т. д., за здоровье старшинъ членовъ и между прочимъ былъ предложенъ отдѣльный тостъ за здоровье учредителя обѣда, графа Ильи Андреевича Ростова, что́ заставило послѣдняго окончательно расплакаться.

Мы уже говорили, что Пьеръ сидѣлъ напротивъ Долохова. Его мучили ходившіе по Москвѣ слухи объ отношеніяхъ

послѣдняго къ его женѣ. Пьеръ утромъ получилъ даже анонимное письмо, въ которомъ говорилось, что онъ ничего не видитъ сквозь свои очки, и что связь его жены съ Долоховымъ тайна лишь для него одного. Но несмотря на все это, Пьеръ рѣшительно отказывался вѣрить подобнымъ слухамъ и увѣдомленіямъ. Задумавшись, онъ даже не слыхалъ того, какъ снова былъ предложенъ тостъ за здоровье Государя. «Что-жъ вы? Развѣ не слышите: здоровье Государя Императора», крикнулъ ему Ростовъ. Безуховъ съ покорностью всталъ, выпилъ вино и обратился къ Николаю, говоря, что онъ его не узналъ. Но послѣднему было не до этого: онъ во все горло кричалъ—ура!—Долоховъ, желая подсмѣяться, сказалъ Пьеру: «За здоровье красивыхъ женщинъ, Петруша, и ихъ любовниковъ». Пьеръ промолчалъ, но когда человѣкъ, разнося кантаты Кутузова, положилъ одинъ экземпляръ на тарелку Пьера и Долоховъ вырвалъ его, Безуховъ не выдержалъ. «Вы, вы негодяй, я васъ вызываю,» сказалъ онъ и вышелъ изъ-за стола. Ростовъ согласился быть секундантомъ у Долохова, а Несвицкій у Пьера. Секунданты переговорили между собою объ условіяхъ дуэли, и Пьеръ тотчасъ-же уѣхалъ домой.

На другой день въ 8 часовъ утра Пьеръ уже былъ вмѣстѣ съ Несвицкимъ въ Сокольницкомъ лѣсѣ, гдѣ ожидали ихъ Долоховъ, Денисовъ и Ростовъ. Укоряющія мысли, одна за другой, приходили въ голову Безухова. «Чѣмъ виноватъ Долоховъ»? думалъ онъ. Развѣ онъ обязанъ беречь честь совершенно чуждаго ему человѣка. Во всемъ виновата только одна жена. Къ чему эта дуэль, это убійство?» И онъ съ спокойно-разсѣяннымъ видомъ глядѣлъ вокругъ себя, спрашивая, готово-ли?—Несвицкій хотѣлъ примирить обоихъ противниковъ и поэтому просилъ Пьера оставить это дѣло, говоря, что почти нѣтъ никакихъ достаточныхъ причинъ для дуэли.—«Ахъ да, ужасно глупо», отвѣтилъ Пьеръ, но все-таки не согласился помириться. Чтоже касается

Долохова, то послѣдній и слушать не хотѣлъ никакихъ уговоровъ.—Мѣсто для барьера было означено двумя воткнутыми саблями, разстояніе между которыми было не болѣе 10 шаговъ. Р...'азъ! два! т'и! прокричалъ Денисовъ и противники начали сходиться. Пьеръ никогда не стрѣлялъ изъ пистолета и поэтому передъ дуэлью просилъ Несвицкаго объяснить ему правила стрѣльбы. Когда Денисовъ произнесъ—три! Долоховъ медленно, не поднимая пистолета, пошелъ къ барьеру, а Пьеръ поспѣшилъ туда быстро и спотыкаясь на каждомъ шагу. Онъ вытянулъ свою правую руку, въ которой находился пистолетъ, какъ можно дальше, какъ бы боясь убить самого себя. Наконецъ онъ выстрѣлилъ. Сквозь дымъ слышны были только торопливые шаги Долохова и наконецъ показалась его фигура. Онъ былъ раненъ и, дошедши до барьера, упалъ въ снѣгъ. Пьеръ хотѣлъ броситься къ нему, но Долоховъ закричалъ: къ барьеру! Раздался выстрѣлъ и одновременный крикъ Долохова—мимо! Пьеръ отправился домой.

Ростовъ и Денисовъ положили раненаго въ сани и повезли. Дорóгой онъ очнулся и просилъ, слабымъ голосомъ, Николая съѣздить къ его матери и приготовить ее, къ этой новости. «Мать моя, мой ангелъ, мой обожаемый ангелъ не перенесетъ этого,» говорилъ онъ съ громкими рыданіями, которыя окончательно удивили Ростова и Денисова, не думавшими видѣть въ этомъ буянѣ такого нѣжнаго сына.

VI.

Возвратившись домой, Пьеръ началъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ, припоминая всѣ свои отношенія къ женѣ съ самаго дня свадьбы. Кто не правъ въ этой дуэли разсуждалъ онъ, я самъ. Я не правъ, потому что женился, не любя Еленъ. Зачѣмъ сказалъ я ей въ тотъ роковой вечеръ самое неискреннее «je vous aime». Сколько разъ,

впрочемъ, послѣ я гордился ея красотой, ея свѣтскимъ тактомъ, этимъ величавымъ спокойствіемъ, которое свойственно ей...А на дѣлѣ-то вышло, что она—развратная женщина и больше ничего.» Пьеръ приказалъ камердинеру укладываться, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Онъ рѣшился навсегда разстаться съ своей женою. На другой день, утромъ, къ нему вышла сама графиня въ бѣломъ атласномъ платьѣ и начала съ сердцемъ укорять его въ дуэли. Она уже знала все, что произошло наканунѣ. Что вы хотѣли выразить этимъ, говорила она ему. То, что вы дуракъ, то это всякій зналъ еще прежде. Вы повѣрили, что Долоховъ мой любовникъ и вы рѣшились убить человѣка, который лучше васъ во всѣхъ отношеніяхъ. Намъ лучше разстаться, замѣтилъ Пьеръ. Очень рада, отвѣчала Еленъ, только съ тѣмъ условіемъ, если вы дадите мнѣ состояніе. Пьеръ не выдержалъ. Я тебя убью, закричалъ онъ и, схвативъ со стола мраморную доску, съ бѣшенствомъ бросился къ женѣ. Послѣдняя взвизгнула и выбѣжала изъ комнаты. Вонъ! закричалъ ей вслѣдъ Безуховъ. Черезъ недѣлю онъ выдалъ ей довѣренность на управленіе половиной его имѣній, а самъ одинъ отправился въ Петербургъ.

Въ Лысыхъ горахъ было получено извѣстіе объ аустерлицкомъ пораженіи, и о судьбѣ князя Андрея самъ Кутузовъ писалъ старому Болконскому. «Вашъ сынъ, въ моихъ глазахъ, съ знаменемъ въ рукахъ, впереди полка палъ героемъ, достойнымъ своего отца и своего отечества. Къ общему сожалѣнію моему и всей арміи до сихъ поръ неизвѣстно,—живъ ли онъ иль нѣтъ. Себя и васъ надеждой льщу, что сынъ вашъ живъ, ибо въ противномъ случаѣ въ числѣ найденныхъ на полѣ сраженія офицеровъ, о коихъ списокъ мнѣ поданъ черезъ парламентеровъ, и онъ-бы поименованъ былъ.» Получивъ это письмо, старый князь сдѣлался угрюмѣе. Онъ напрямикъ объявилъ княжнѣ Марьѣ, что Кутузовъ пишетъ ему, что Андрей убитъ. Услыхавъ

это, княжна не упала въ обморокъ, но только поблѣднѣла и съ блестящими глазами сказала отцу: Mon père, не отвертывайтесь отъ меня, будемте плакать вмѣстѣ. Но тотъ не разслыхалъ ея словъ. "Мерзавцы, подлецы! кричалъ онъ. Губить армію, губить людей! За что? поди, поди скажи Лизѣ, что Андрей убитъ въ сраженіи, въ которомъ повели убивать Русскихъ лучшихъ людей и Русскую славу. «Княжна вышла изъ его комнатъ, но не знала, какъ увѣдомить княгиню о смерти ея мужа. Послѣдняя, впрочемъ, сейчасъ-же замѣтила грустное выраженіе лица у входившей княжны. Княжна Марья сказала, что она грустить о неизвѣстной участи брата, тѣмъ болѣе, что старый князь самъ очень безпокоится. Впрочемъ, еще ничего не извѣстно, прибавила она. Княжна рѣшилась ничего не говорить беременной женѣ своего брата и уговорила отца послѣдовать ея примѣру.

Утромъ 19 марта княгиня замѣтила, что время сдѣлаться матерью наступаетъ для нея. Она дала замѣтить это княжнѣ Марьѣ, которая позвала къ ней Марью Богдановну, акушерку изъ уѣзднаго города, которая уже другую недѣлю жила въ Лысыхъ горахъ. «Ничего, не безпокойтесь, увѣряла акушерка и безъ доктора все хорошо будетъ». Княжна Марья была у себя въ комнатѣ и молилась, боясь взойти къ княгинѣ. Нянька зажгла передъ угодникомъ« княжевы свѣчи вѣнчальныя» и утѣшала княжну, безпокойство которой увеличивалось все болѣе и болѣе. Во всемъ домѣ царствовала тишина и всѣ старались не безпокоить княгиню.

Старикъ Болконскій послалъ своего комердинера Тишку къ Марьѣ Богдановнѣ спросить: что? и Марья Богдановна приказала отвѣтить, что роды начались. Была ночь. Несмотря на мартъ мѣсяцъ, буря была страшная и снѣгъ падалъ хлопьями. Въ комнатѣ княжны Марьи сидѣла только она сама и нянька—Савишна. Послѣдняя въ сотый разъ повторяла, что покойница княгиня въ Кишиневѣ рожала

княжну Марью съ крестьянской бабой молдованкой и безъ всякаго нѣмца-доктора. Вдругъ вѣтеръ сильнымъ напоромъ растворилъ раму и погасилъ свѣчу. Княгиня Марья вздрогнула. Изъ открытаго окна послышался громъ подъѣзжающаго къ дому экипажа. Наконецъ экипажъ остановился у крыльца и въ передней раздался знакомый голосъ: Что батюшка? Почивать легли, отвѣчалъ голосъ дворецкаго Демьяна. Княжна Марья тотчасъ догадалась, что это былъ Князь Андрей. Она выбѣжала и бросилась къ нему на шею. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и акушеръ, съ которымъ молодой князь встрѣтился на послѣдней станціи.

Маленькая княгиня мучилась родами. Лицо ея блѣдное, но озаренное какою-то дѣтскою нѣжностью, какъ будто говорило: я люблю васъ всѣхъ, но за что-же я такъ страдаю? Она видѣла, что взошелъ князь Андрей, что онъ, обойдя около дивана, поцѣловалъ ее въ лобъ, но видѣла совершенно безсознательно, не понимая, что̀ происходитъ вокругъ нея. Муки повторялись съ ней ежеминутно, и Марья Богдановна упросила князя Андрея выйти. Послѣдній послушался и сѣлъ въ другой сосѣдней комнатѣ. По временамъ раздавались страдальческіе крики, которые окончательно потрясали князя Андрея. Онъ не могъ удержаться и рѣшился снова взойти къ женѣ; но его непустили, сказавъ, что нельзя. Вдругъ раздался страшный раздирательный крикъ, потомъ все смолкло и уже раздалось плаканье ребенка. Докторъ вышелъ блѣдный и, не говоря ни слова, въ смущеніи прошелъ мимо князя. Послѣдній бросился въ комнату жены. Она лежала мертвая, а въ углу пищало новое живое существо.

Дуэль Пьера съ Долоховымъ была умята стараніями графа Ростова, который боялся, чтобы она не повредила репутаціи его сына, бывшаго секундантомъ Долохова. Самъ раненый началъ поправляться и во время его выздоровленія, онъ и Ростовъ Николай окончательно сблизились между со-

бою. Мать Долохова, добрая старушка Марья Ивановна, всѣмъ серцемъ привязалась, къ молодому графу и въ разговорахъ съ нимъ высказывала всю любовь къ своему сыну. Она говорила, что ея сынъ одаренъ такимъ открытымъ и честнымъ сердцемъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ нынѣшній развращенный вѣкъ. Пьеръ, по словамъ ея, поступилъ очень неблагородно, вызвавъ его на дуэль, зная притомъ, что онъ единственный сынъ у своей матери. И за что-же? Ну кто-же въ наше время не имѣетъ интриги, говорила она. Самъ Долоховъ теперь разсказывалъ Ростову то, что прежде нельзя было отъ него и ожидать. Онъ говорилъ, что его напрасно считаютъ злымъ человѣкомъ, что онъ способенъ любить и цѣнить дружбу. Относительно женщинъ, онъ высказывалъ, что не находилъ еще ни одной, къ которой бы можно было пристраститься. Всѣ онѣ продажныя твари, говорилъ онъ. И какъ бы я былъ радъ встрѣтить такое существо, за которое можно бы было подать свою жизнь, твердилъ онъ Николаю.

Въ началѣ зимы снова вернулся Денисовъ и согласился погостить у Ростовыхъ. Эту зиму Николай Ростовъ провелъ самымъ счастливымъ образомъ. Къ нему часто пріѣзжали его молодые знакомые, и домъ его родителей наполнился веселостью и оживленіемъ. Долоховъ понравился всѣмъ въ домѣ Ростовыхъ, исключая одной Наташи, которая часто даже ссорилась изъ-за него съ братомъ. Она сказала Николаю, что Долоховъ влюбленъ въ Соню, что впрочемъ скоро и оказалось въ самомъ дѣлѣ. Онъ часто бывалъ у Ростовыхъ и не упускалъ случая посѣщать балъ, гдѣ онъ могъ встрѣтить Соню. Послѣдняя всегда краснѣла въ его присутствіи. На третій день рождества Николай, возвратившись домой съ визитовъ, въ которыхъ онъ провелъ цѣлое утро, встрѣтилъ у себя Долохова въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Несмотря на всѣ просьбы Николая, онъ не захотѣлъ остаться и уѣхалъ тотчасъ-же по-

слѣ обѣда. Николай отозвалъ Наташу и спросилъ ее о причинѣ такого страннаго настроенія Долохова. Она отвѣчала, что послѣдній сдѣлалъ предложеніе Сонѣ, но та отказала, сказавъ, что любитъ другаго. Ни просьбы графини, ни мольбы самого Долохова не могли поколебать ее. На Николая этотъ поступокъ Сони произвелъ пріятное впечатлѣніе. «Я такъ и ожидалъ? иначе-бы она не поступила,» замѣтилъ онъ.

У Іогеля давались самые веселые балы во всей Москвѣ. Матушка возила на нихъ своихъ дочерей, надѣясь найти имъ здѣсь хорошую партію, и слава Іогеля увеличилась во сто разъ, когда двѣ хорошенькихъ княжны Горчаковы вышли замужъ, познакомившись съ своими женихами на его балахъ. Графиня Ростова также часто бывала здѣсь съ своимъ семействомъ, и Наташа славилась своимъ умѣньемъ танцовать. Въ день предложенія Долохова, Ростовы вечеромъ пріѣхали на балъ вмѣстѣ съ Денисовымъ. Николай танцовалъ съ Соней, и затѣмъ попросилъ Наташу пригласить Денисова на польскую мазурку. Послѣдняя подошла къ Денисову и только послѣ многихъ просьбъ ей удалось получить его согласіе.—Николай догадывался, что его товарищъ по уши влюбился въ Наташу.

Дня черезъ три послѣ этого Ростовъ получилъ отъ Долохова записку такого содержанія: «Такъ какъ я въ домѣ у васъ бывать болѣе не намѣренъ, по извѣстнымъ тебѣ причинамъ, и ѣду въ армію, то нынче вечеромъ я даю моимъ пріятелямъ прощальную пирушку,—пріѣзжай въ англійскую гостинницу».—Ростовъ отправился и засталъ все общество за картами. Онъ тотчасъ-же замѣтилъ какую-то затаенную злобу въ глазахъ Долохова. Послѣдній предложилъ ему въ карты, но Ростовъ отказался. Наконецъ послѣ многихъ просьбъ, Николай поставилъ 5 рублей и проигралъ ихъ.

Если нѣтъ денегъ съ собою,—не безпокойся, я повѣрю замѣтилъ ему Долоховъ. Николай продолжалъ играть, но,

странное дѣло, счастіе постоянно было на сторонѣ Долохова. Въ какихъ нибудь полчаса Ростовъ проигралъ 800 рублей. Надѣясь отыграться, онъ поставилъ эти 800 рублей на одну карту и съ замираніемъ ожидалъ рѣшенія своей участи. На прошлой недѣли отецъ далъ ему 2000 рублей, прося быть экономнѣе и увѣряя, что до мая мѣсяца денегъ больше взять не откуда.—Карту взялъ Долоховъ и Ростовъ внѣ себя отъ досады рѣшился удалиться. На немъ проигрышу было уже 1600 рублей, между тѣмъ какъ всѣхъ денегъ у него было только 1200. Но какое-то особенное чувство заставило его снова взяться за карты. Онъ игралъ съ азартомъ игрока, совершенно позабывъ обо всемъ, его окружающемъ. Въ глазахъ Николая рябило. «Шестьсотъ рублей, тузъ, уголъ, девятка.... отыграться невозможно. Валетъ напе».... Эти и тому подобныя безсвязныя мысли вертѣлись въ его головѣ. Долоховъ оставался по прежнему холоденъ и ни мало не смущался горестью Ростова. Наконецъ запись дошла до 43 тысячъ. Долоховъ бросилъ карты и сказалъ, что болѣе играть онъ не намѣренъ. «Когда прикажете получить деньги, графъ», продолжалъ онъ, обращаясь къ Николаю. «Я не могу заплатить всего сразу, ты возьмешь вексель», отвѣчалъ послѣдній. Улыбка блеснула на губахъ Долохова». Послушай, Ростовъ, сказалъ онъ,— ты знаешь поговорку,—счастливъ въ любви, несчастливъ въ картахъ. Твоя кузина влюблена въ тебя. Я знаю.... Но Ростовъ не далъ ему докончить. «Моя кузина тутъ ни при чемъ и объ ней говорить нечего», закричалъ онъ. Такъ когда получить? возразилъ Долоховъ.—Завтра, отвѣчалъ Ростовъ и вышелъ изъ комнаты.

Николай пріѣхалъ домой уже поздно.—Мысль снова просить у отца денегъ страшно его безпокоила. Домашніе еще не спали. Соня, Наташа въ голубыхъ платьицахъ стояли у клавикордъ и слушали какъ Денисовъ пѣлъ свое стихотвореніе «Волшебница», которое онъ написалъ вѣроятно для Наташи.

Волшебница, скажи, какая сила
Влечетъ меня къ покинутымъ струнамъ;
Какой огонь ты въ сердце заронила,
Какой восторгъ разлился по перстамъ!

Но Николаю не было дѣла до Денисова; онъ прошелъ мимо веселящейся группы и только освѣдомился, дома-ли отецъ. Узнавъ, что старый графъ еще не пріѣзжалъ, онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.—Соня играла на клавикордахъ, а Наташа собиралась пѣть. Ростовъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. «Боже мой, я погибшій, я безчестный человѣкъ. Пулю въ лобъ, одно, что остается, а не пѣть, думалъ онъ, мрачно ходя по комнатѣ. Но прекрасное пѣніе сестры заставило его опомниться. Oh mio crudele affetto... пѣла Наташа, и Николай, слушая гармоническіе звуки, уже не думалъ ни о Долоховѣ, ни о проигрышѣ; какъ она это *si* возьметъ? — вотъ что теперь занимало его. Боже мой! Какъ хорошо! думалъ онъ. Въ жизни все вздоръ, а вотъ оно гдѣ настоящее-то. Въ это время пріѣхалъ старый графъ Илья Андреевичъ. Николай, сконфузившись, объявилъ отцу, что ему крайняя нужда въ деньгахъ. Вотъ какъ, весело возразилъ Илья Андреевичъ, я тебѣ говорилъ, что не достанетъ... а много-ли? Николай смѣшался еще болѣе. Очень много, отвѣчалъ онъ; я немного проигралъ, т. е. много даже, очень много, 43 тысячи. Услышавъ эти слова, старый графъ окончательно растерялся. Что-же дѣлать, съ кѣмъ это не случалось, продолжалъ сынъ, стараясь удержать развязный тонъ въ своемъ голосѣ, но не могъ окончить и съ рыданьями бросился цѣловать руки своего отца.

Въ это-же самое время Наташа вбѣжала къ матери и объявила ей, что Денисовъ сдѣлалъ ей предложеніе. Графиня не повѣрила и думала, что Наташа шутитъ, но когда послѣдняя стала увѣрять въ истинѣ своихъ словъ, мать оби-

дѣлась. Ежели правда, что Мосье Денисовъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то скажи ему, что онъ дуракъ, вотъ и все, сказала она дочери. Наташа вышла къ Денисову. «Василій Дмитричъ, сказала она ему, мнѣ васъ такъ жалко! Нѣтъ, но вы такой славный.... но не надо.... это.... а такъ я васъ всегда буду любить. Тутъ же взошла старая графиня и, поблагодаривъ Денисова за честь, прибавила, что ея дочь еще слишкомъ молода и поэтому ей еще рано думать о замужствѣ. Наташа заплакала. Ей самой не хотѣлось выйти за Денисова, но все-таки она жалѣла его въ эту минуту. Денисовъ на другой же день выѣхалъ изъ Москвы. Николай Ростовъ, задержанный еще не собранными деньгами, которыя онъ долженъ былъ уплатить Долохову, провелъ въ Москвѣ еще двѣ недѣли и уже въ концѣ ноября уѣхалъ догонять свой полкъ.

Мы уже говорили о томъ, что Пьеръ рѣшился окончательно разстаться съ женой и отправился въ Петербургъ. Въ Торжкѣ па станціи не было лошадей и поэтому онъ поневолѣ долженъ былъ подождать. Пьеръ приказалъ приготавливать себѣ кровать и дожидаясь легъ на кожаный диванъ, по прежнему размышляя объ своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Взошелъ смотритель и сталъ просить, чтобы графъ подождалъ только два часа, говоря, что къ тому времени онъ приготовитъ для него курьерскихъ. Пьеръ приказалъ слугѣ подать себѣ романъ M-me Suza, и началъ читать о добродѣтеляхъ Amélie de Monsfeld. — Въ это же время въ комнату взошелъ еще одинъ человѣкъ; Пьеръ тотчасъ-же догадался, что это былъ проѣзжій. Новый гость былъ старикъ съ нависшими сѣдыми бровями и съ особенно умнымъ выраженіемъ лица. У него на рукѣ былъ чугунный перстень съ Адамовой головой, что дало Пьеру сразу поводъ подумать, что это былъ масонъ. Напившись чаю, пріѣзжій

завелъ разговоръ съ Безуховымъ. Онъ сказалъ ему что знаетъ о несчастіи, съ нимъ случившемся и что желалъ бы помочь его горькой участи. На вопросъ Пьера онъ отвѣтилъ, что принадлежитъ къ братству свободныхъ каменьщиковъ. Отъ себя и отъ ихъ имени протягиваю вамъ братскую руку, сказалъ онъ. Пьеръ началъ отговариваться, замѣтивъ, что онъ даже не вѣритъ въ Бога. Масонъ улыбнулся и отвѣтилъ на слова Безухова: Вы не знаете Его, государь мой, вы не можете Его знать и оттого вы очень несчастны. Вы не знаете Его, а между тѣмъ Онъ здѣсь, Онъ во мнѣ, Онъ въ моихъ словахъ, Онъ въ тебѣ, и даже въ тѣхъ кощунствующихъ рѣчахъ, которыя ты произнесъ сейчасъ», сказалъ онъ строгимъ голосомъ. «Если бы Его не было, мы бы и неговорили о Немъ. Кого ты отрицаешь? Почему-же всякій чувствуетъ въ своей душѣ необходимость такого существа? Нѣтъ, Богъ есть, но понять его трудно. Ты думаешь что ты мудрецъ, если произнесъ такія кощунственныя слова, — нѣтъ, ты глупѣй ребенка, который, разсматривая часы и не понимая ихъ назначенія, сказалъ-бы, что онъ не вѣритъ въ существованіе часовыхъ дѣлъ мастера. — Пьеръ молча и съ волненіемъ слушалъ масона. Онъ, можетъ бы, не столько вѣрилъ его словамъ, сколько убѣдительному и увѣренному тону рѣчи. Какъ-бы то ни было, но онъ чувствовалъ въ себѣ какое-то обновленіе. Масонъ, между прочимъ, продолжалъ тѣмъ-же голосомъ: Высшая мудрость есть какъ бы чистѣйшая влага. Могу ли я, нечистый сосудъ, воспринять въ себѣ эту божественную влагу и судить о чистотѣ ея? Чтобы получить высшую мудрость, нужно сначала очистить себя, нужно просвѣтить свою душу свѣтомъ Божіимъ. Но взгляни-же на самого себя. Чего ты достигъ съ помощью своего ума? Доволенъ ты вполнѣ собою?» Пьеръ отвѣчалъ, что онъ ненавидитъ себя и всю свою жизнь. «Такъ измѣнись, продолжалъ масонъ. Вспомни, что ничего еще не сдѣлалъ хорошаго. Ты все получилъ отъ общества

и ничего не давалъ ему. Вы женились, государь мой, но вы не съумѣли и не постарались поддержать свою жену. Человѣкъ оскорбилъ васъ и вы рѣшились убить его. Чтоже мудренаго послѣ этого, если вы не знаете Бога». Слова масона производили на Пьера все болѣе и болѣе потрясающее дѣйствіе. Обдумывая свою жизнь, онъ вполнѣ соглашался съ своимъ собесѣдникомъ и очень огорчился, когда последній началъ собираться въ дальнѣйшій путь. «Я во всемъ согласенъ съ вами, сказалъ Пьеръ, прощаясь съ масономъ, но не думайте, что я дурной человѣкъ. Напротивъ, я отъ всей души желалъ-бы перемѣниться». Послѣ довольно долгаго молчанія масонъ замѣтилъ, что помощь дается только отъ Бога, что, если онъ хочетъ послѣдовать его совѣту, то братство можетъ подать ему нѣкоторыя средства для исправленія. При этомъ онъ вынулъ изъ своего бумажника листъ и, написавъ на немъ нѣсколько словъ, передалъ Пьеру, прося послѣдняго явиться съ этимъ листомъ къ графу Вилларскому. Послѣ этого они разстались. Проѣзжій былъ Осипъ Алексѣевичъ Баздѣевъ, извѣстный масонъ и мартинистъ еще Новиковскаго времени. Долго послѣ его отъѣзда Пьеръ, не ложась въ постель и не спрашивая лошадей, ходилъ по комнатѣ, обдумывая все то, что̀ сказалъ ему проѣзжій. Сомнѣнія покинули его. Онъ вѣрилъ въ возможность обновленія къ новой лучшей жизни...

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Безуховъ съ рвеніемъ принялся за чтеніе Ѳомы Кемпійскаго, книги весьма распространенной и уважаемой между масонами. Однажды вечеромъ, когда онъ велъ подобныя занятія, къ нему взошелъ графъ Вилларскій, котораго Пьеръ нѣсколько зналъ по обществу, и сказалъ ему, что одна, высокопоставленная въ ихъ братствѣ особа передала ему о желаніи Пьера поступить въ братство свободныхъ каменьщиковъ. Безуховъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно желаетъ этого. Скажите мнѣ, какъ честный человѣкъ, спросилъ Вилларскій, вѣри-

те-ли вы въ Бога? Пьеръ задумался. Да, да... я вѣрю въ Бога, сказалъ онъ. Графъ Вилларскій предложилъ ему свою карету и они отправились. Дорогою Пьеръ спросилъ, что ему нужно будетъ дѣлать. Говорить правду и больше ничего, отвѣчалъ Вилларскій.

Всю дорогу наши путники молчали. Наконецъ они въѣхали въ ворота огромнаго дома. Взойдя по темной лѣстницѣ въ прихожую, они сняли шубы и отправились далѣе. На столахъ въ залѣ Пьеръ замѣтилъ какія-то странныя одежды, о значеніи которыхъ онъ ничего не понималъ. — Вилларскій взялъ изъ шкафа платокъ, завязалъ имъ глаза Пьеру и, поцѣловавъ его, сказалъ: «Что бы съ вами ни случилось, вы должны съ мужествомъ переносить все, если вы твердо рѣшились вступить въ наше братство. Когда вы услышите стукъ въ двери, — развяжите себѣ глаза.» Сказавъ это, Вилларскій провелъ Пьера нѣсколько шаговъ и оставилъ одного.— Пьеръ стоялъ съ завязанными глазами, ожидая условнаго стука. Ему дѣлалось страшно, и онъ боялся выказать этотъ страхъ. Но надежда на обновленіе, на очищеніе подкрѣпляла его, и онъ радовался возможности перейти къ лучшей жизни. Наконецъ раздался сильный стукъ въ двери, и Пьеръ снялъ съ себя повязку. Оглядѣвшись кругомъ, онъ замѣтилъ лампаду, которая горѣла въ человѣческомъ черепѣ и груду костей, лежащихъ въ открытомъ гробу. На столѣ лежало Евангеліе. Дверь тихо отворилась, и въ комнату вошелъ какой-то человѣкъ. Онъ медленно подошелъ къ Пьеру и, положивъ на столъ руки въ кожанныхъ перчаткахъ, обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью: «Для чего вы пришли сюда? Для чего вы, невѣрующій въ истины свѣта, и не видящій свѣта, для чего вы пришли сюда, чего хотите вы отъ насъ?Премудрости, добродѣтели, просвѣщенья?» Пьеръ тотчасъ-же узналъ въ этомъ человѣкѣ своего знакомаго Смольянинова, но не захотѣлъ показать этого. «Я желаю обновленія» сказалъ Безуховъ,

и Смольяниновъ началъ объяснять ему цѣль ордена. «Наше братство, сказалъ онъ, основано, главнымъ образомъ, для того, чтобы сохранить и передать дальнѣйшимъ потомствамъ то таинство, отъ котораго, быть можетъ, зависитъ вся дальнѣйшая судьба человѣческаго рода. Но такъ какъ это таинство по своей чистотѣ и высокости не можетъ быть обрѣтено всякимъ, то нашъ орденъ имѣетъ еще вторую цѣль — приготовить членовъ къ воспринятію этой мудрости, очистивъ ихъ сердце и просвѣтивъ ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ даны. — Кромѣ того, мы желаемъ очистить и весь родъ человѣческій, предлагая ему въ нашихъ членахъ примѣръ благочестія и непорочности. Подумайте объ этомъ хорошенько и усвойте себѣ назначенье нашего ордена! «Сказавъ это, Смольяниновъ вышелъ. Пьеръ, обдумывая все сказанное, нашелъ, что послѣдняя цѣль братства, — очищеніе и исправленіе человѣческаго рода есть самая высшая, и превосходитъ своею объемлемостью и любовью двѣ прочія. Что же касается до таинства, которое сохраняла и передавала масонская ложа, то оно не производило на Пьера ничего, кромѣ нѣкотораго довольно пустаго любопытства. Черезъ полчаса снова вернулся Смольяниновъ и передалъ Безухому семь добродѣтелей, соотвѣтствующихъ семи ступенямъ храма Соломона, которыя долженъ былъ воспитывать въ себѣ каждый масонъ. Добродѣтели эти слѣдующія: 1) *скромность*, соблюденіе тайны ордена, 2) *повиновенье* высшимъ чинамъ ордена, 3) добронравіе, 4) любовь къ человѣчеству, 5) мужество, 6) щедрость и 7) любовь къ смерти, т. е. стремленіе довести себя до того, чтобы смерть казалась намъ не врагомъ, но другомъ, освобождающимъ душу отъ бѣдственной жизни и вводящимъ её въ мѣсто награды и успокоенія. — Оставивъ Безухова на нѣсколько времени для обдумыванья, Смольяниновъ снова возвратился и спросилъ, рѣшается-ли онъ подвергнуть себя тому, что отъ него потребуетъ братство. Пьеръ отвѣчалъ утвер-

дительно. Риторъ, продолжая свои поученія, высказалъ между прочимъ, что таинства свои братство передаетъ въ іероглифахъ, на что ясно намекаетъ всякому символически убранная «храмина», въ которой теперь находился Безуховъ. Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы Пьеръ отдалъ ему всѣ перстни, дорогія вещи и деньги, находящіяся при немъ, для упражненія въ щедрости. Для упражненія въ повиновеніи Безухову было приказано раздѣться. Онъ снялъ съ себя фракъ, жилетъ и сапогъ съ лѣвой ноги, на которую надѣлъ туфлю, предложенную масономъ. Въ знакъ *искренности*, Смольяниновъ попросилъ Пьера открыть главное пристрастіе, и Пьеръ отвѣтилъ, что онъ больше всего привязанъ къ женщинамъ. Затѣмъ Смольяниновъ снова завязалъ глаза Безухому и вышелъ, а мѣсто его занялъ уже Вилларскій; послѣдній повелъ его полураздѣтаго съ завязанными глазами по корридорамъ, приставивъ къ груди его обнаженную шпагу. Наконецъ они пришли въ ложу, гдѣ кто-то басистымъ голосомъ задалъ Пьеру нѣсколько вопросовъ. Затѣмъ снова вывели его, и во время ходьбы бесѣдовали съ нимъ о Богѣ-строителѣ міра, о священной дружбѣ и т. д. Пьеръ замѣтилъ, что его называютъ то *ищущимъ*, то страждущимъ, то требующимъ. Ему сказали, что онъ увидитъ малый свѣтъ и сняли повязку. Пьеръ дѣйствительно увидалъ комнату, освященную горящимъ спиртомъ, и нѣсколькихъ людей, которые стояли около него, приставивъ шпаги къ его груди. Одинъ изъ масоновъ, тоже съ шпагою въ рукѣ, стоялъ передъ Пьеромъ въ бѣлой окровавленной рубашкѣ. Затѣмъ ему снова завязали глаза и сказали, что онъ увидитъ большой свѣтъ, при чемъ зажгли свѣчи. Десять голосовъ сказали при этомъ: *sic transit gloria mundi*.

Пьеръ началъ внимательнѣе разсматривать все подлѣ себя. Вокругъ длиннаго чернаго стола сидѣло человѣкъ двѣнадцать въ странныхъ масонскихъ одѣяніяхъ. Между ними онъ узналъ одного Италіянца—аббата, котораго онъ видѣлъ

у Анны Павловны. На председательскомъ мѣстѣ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ съ крестомъ на шеѣ. Между этими людьми онъ увидалъ также одного Швейцарца, который жилъ прежде гувернеромъ у Курагиныхъ. Послѣ извѣстныхъ наставленій председателя, Пьера подвели къ алтарю и приказали ему повергнуться къ вратамъ храма. Затѣмъ на него надѣли бѣлый кожаный фартукъ и дали въ руки лопату и три пары перчатокъ. Великій мастеръ сказалъ ему, чтобы онъ старался не запятнать этого фартука, означающаго крѣпость и непорочность. Лопата дается ему для очищенія сердца. Что же касается до перчатокъ, то первыя мужскія не могутъ быть объяснены ему въ настоящее время; во вторыхъ, тоже мужскихъ, онъ долженъ являться въ масонскихъ собраніяхъ, а третьи женскія онъ подаритъ женщинѣ, которую онъ болѣе уважаетъ. «Симъ даромъ увѣрите вы въ непорочности сердца вашего ту, которую изберете вы себѣ въ достойную каменьщицу. Но соблюди, любезный братъ, да не украшаютъ перчатки сіи руку нечистыхъ», сказалъ Пьеру великій мастеръ. Затѣмъ одинъ изъ братьевъ началъ читать объясненіе всѣхъ фигуръ, какъ-то: луны, молотка, отвѣса, столба и т. п., вышитыхъ на коврѣ, къ которому подвели Пьера. Назначивъ мѣсто и показавъ всѣ знаки ложи, Безухову позволили сѣсть. Ему прочли весь длинный уставъ братства, изъ котораго Пьеръ запомнилъ очень немногое. —Пьеръ былъ слишкомъ умиленъ, чтобы отвѣчать на поздравленія. Онъ всѣхъ считалъ братьями и поэтому не рѣшался возобновлять знакомства съ нѣкоторыми извѣстными ему изъ присутствующихъ здѣсь лицъ. Въ концѣ засѣданія великій мастеръ предложилъ собрать милостыни. Пьеру хотѣлось пожертвовать всѣ бывшія съ нимъ деньги,но, боясь сдѣлать грѣхъ противъ смиренія, онъ подписалъ столько же, сколько другіе. — Возвратясь домой, онъ чувствовалъ себя вполнѣ измѣненнымъ и расположеннымъ къ другой лучшей жизни.

X.

Послѣ пріема въ ложу Пьеру стало извѣстно, что Государь Императоръ узналъ о дуэли, поэтому онъ задумалъ на время уѣхать изъ Петербурга въ свои южныя помѣстья; когда онъ обдумывалъ свой планъ путешествія, къ нему вошелъ тесть.

—«Мой другъ, что ты надѣлалъ въ Москвѣ? За что ты поссорился съ Лелей, mon cher? Ты въ заблужденіи, сказалъ князь Василій, входя въ комнату.—Я все узналъ, я могу тебѣ сказать вѣрно, что Элэнъ невинна предъ тобой, какъ Христосъ предъ жидами. — Пьеръ хотѣлъ отвѣчать, но онъ перебилъ его.—И зачѣмъ ты не обратился прямо и просто ко мнѣ, какъ къ другу? Я все знаю, я все понимаю, сказалъ онъ, ты велъ себя, какъ прилично человѣку, дорожащему своей честью; можетъ быть слишкомъ поспѣшно, но объ этомъ мы не будемъ судить. Одно ты помни, въ какомъ положеніи ты ставишь ее и меня въ глазахъ всего общества и даже двора, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.—Она живетъ въ Москвѣ, ты здѣсь. Помни, мой милый,—онъ потянулъ его внизъ за руку,—здѣсь одно недоразумѣнье; ты самъ, я думаю, чувствуешь. Напиши сейчасъ со мною письмо, и она пріѣдетъ сюда, все объяснится, а то я тебѣ скажу, ты очень легко можешь пострадать, мой милый.

Князь Василій внушительно взглянулъ на Пьера.—Мнѣ изъ хорошихъ источниковъ извѣстно, что вдовствующая Императрица принимаетъ живой интересъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Ты знаешь, она очень милостива къ Элэнъ.»

Долго не рѣшался отвѣтить тестю Пьеръ, наконецъ не выдержалъ замѣчаній князя Василія и съ бѣшенствомъ, напоминавшимъ его отца, вскочилъ со стула и, указавъ на дверь, требовалъ, чтобы князь Василій удалился, и князь Василій, не получивъ отвѣта, уѣхалъ.

«Чрезъ недѣлю Пьеръ, простившись съ новыми друзьями масонами и, оставивъ имъ большія суммы на милостыни, уѣхалъ въ свои имѣнія. Его новые братья дали ему письма въ Кіевъ и Одессу, къ тамошнимъ масонамъ, и обѣщали писать ему и руководить Пьера въ его новой дѣятельности».

«Дѣло Пьера съ Долоховымъ было замято, и несмотря на тогдашнюю строгость Государя въ отношеніи дуэлей, ни оба противника, ни ихъ секунданты не пострадали. Но исторія дуэли, подтвержденная разрывомъ Пьера съ женой, разгласилась въ обществѣ. Пьеръ, на котораго смотрѣли снисходительно, покровительственно, когда онъ былъ незаконнымъ сыномъ, котораго ласкали и прославляли, когда онъ былъ лучшимъ женихомъ Россійской имперіи, послѣ своей женитьбы, когда невѣстамъ и матерямъ нечего было ожидать отъ него, сильно потерялъ во мнѣніи общества, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ и не желалъ заискивать общественнаго благоволенія. Теперь его одного обвиняли въ происшедшемъ; говорили, что онъ безтолковый ревнивецъ, подверженный такимъ же припадкамъ кровожаднаго бѣшенства, какъ и его отецъ. И когда, послѣ отъѣзда Пьера, Элень вернулась въ Петербургъ, она была не только радушна, но съ оттѣнкомъ почтительности, относившейся къ ея несчастію, принята всѣми своими знакомыми. Когда разговоръ заходилъ о ея мужѣ, Элень принимала достойное выраженіе, которое она,—хотя и не понимая его значенія,—по свойственному ей такту усвоила себѣ. Выраженіе это говорило, что она рѣшилась, не жалуясь, переносить свое несчастіе, и что ея мужъ ей крестъ, посланный ей отъ Бога. Князь Василій откровеннѣе высказывалъ свое мнѣніе. Онъ пожималъ плечами, когда разговоръ заходилъ о Пьерѣ, и указывая на лобъ говорилъ:

— Un cerveau fêlé — je le disais toujours *).

— Я впередъ сказала, говорила Анна Павловна о Пьерѣ, я тогда же сейчасъ сказала, и прежде всѣхъ (она настаивала на своемъ первенствѣ), что это безумный, молодой человѣкъ, испорченный развратными идеями вѣка. Я тогда еще сказала это, когда они восхищались имъ и онъ только пріѣхалъ изъ-за границы, и помните, у меня какъ-то вечеромъ представлялъ изъ себя какого-то Мюрата. Чѣмъ же кончилось? Я тогда еще не желала этой свадьбы, и предсказала все, что случится».

У Анны Павловны по прежнему собирались на вечерахъ сливки Петербургскаго общества и по прежнему разсуждали о политикѣ, часто присутствовала на этихъ вечерахъ покинутая, но обворожительная Эленъ и Борисъ Друбецкой, который, благодаря своему характеру, быстро шелъ впередъ, военная карьера ему везла, онъ думалъ сдѣлаться человѣкомъ замѣчательнымъ, о семействѣ Ростовыхъ и дѣтской любви Наташи онъ неохотно воспоминалъ; онъ, надо замѣтить, бывалъ съ визитами только тамъ, гдѣ было полезно бывать для его службы. На одномъ изъ вечеровъ у Анны Павловны Эленъ, встрѣтивъ Бориса, пригласила его бывать у себя, и скоро Борисъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ графини Безуховой.

«Жизнь стараго князя Болконскаго, князя Андрея и княжны Марьи во многомъ измѣнилась съ 1805 года.

«Въ 1806 году старый князь былъ опредѣленъ однимъ изъ восьми главнокомандующихъ по ополченію, назначенныхъ по всей Россіи. Старый князь, не смотря на свою старческую слабость, особенно сдѣлавшуюся замѣтной въ тотъ періодъ времени, когда онъ считалъ своего сына убитымъ, не счелъ себя вправѣ отказаться отъ должности, въ которую онъ былъ опредѣленъ самимъ Государемъ, и эта

*) Полусумасшедшій — я всегда это говорилъ.

вновь открывшаяся ему дѣятельность возбудила и укрѣпила его. Онъ постоянно бывалъ въ разъѣздахъ по тремъ ввѣреннымъ ему губерніямъ; былъ до педантизма исполнителенъ въ своихъ обязанностяхъ, строгъ до жестокости съ своими подчиненными, и самъ доходилъ до малѣйшихъ подробностей дѣла. Княжна Марья перестала уже брать у своего отца математическіе уроки, и только по утрамъ, сопутствуемая кормилицей, съ маленькимъ княземъ Николаемъ (какъ звалъ его дѣдъ) входила въ кабинетъ отца, когда онъ былъ дома. Грудной князь Николай жилъ съ кормилицей и няней Савишной, на половинѣ покойной княгини, и княжна Марья большую часть дня проводила въ дѣтской, замѣняя, какъ она умѣла, мать маленькому племяннику. M-lle Bourienne тоже, какъ казалось, страстно любила мальчика, и княжна Марья, часто лишая себя, уступала своей подругѣ наслажденіе нянчить маленькаго *ангела* (какъ называла она племянника) и играть съ нимъ».

«У алтаря Лысогорской церкви была часовня надъ могилой маленькой княгини, и въ часовнѣ былъ поставленъ привезенный изъ Италіи мраморный памятникъ, изображавшій ангела, расправившаго крылья и готовящагося подняться на небо. У ангела была немного приподнята верхняя губа, какъ будто онъ сбирался улыбнуться, и однажды князь Андрей и княжна Марья, выходя изъ часовни, признались другъ другу, что странно, лицо этого ангела напоминало имъ лицо покойницы. Но что было еще страннѣй и чего князь Андрей не сказалъ сестрѣ, было то, что въ выраженіи, которое далъ случайно художникъ лицу ангела, князь Андрей читалъ тѣ же слова укоризны, которыя онъ прочелъ на лицѣ своей мертвой жены: «Ахъ, зачѣмъ вы это со мной сдѣлали?...»

«Вскорѣ послѣ возвращенія князя Андрея, старый князь отдѣлилъ сына и далъ ему Богучарово, большое имѣніе, находившееся въ 40 верстахъ отъ Лысыхъ Горъ. Частью

по причинѣ тяжелыхъ воспоминаній, связанныхъ съ Лысыми Горами, частію потому, что не всегда князь Андрей чувствовалъ себя въ силахъ переносить характеръ отца, князь Андрей воспользовался Богучаровымъ, строился тамъ и проводилъ большую часть времени».

«Князь Андрей, послѣ Аустерлицкой кампаніи, твердо рѣшился никогда не служить болѣе въ военной службѣ; и когда началась война, и всѣ должны были служить, онъ, чтобы отдѣлаться отъ дѣйствительной службы, принялъ должность подъ начальствомъ отца по сбору ополченія. Старый князь съ сыномъ какъ-бы перемѣнились ролями послѣ кампаніи 1805 года. Старый князь, возбужденный дѣятельностью, ожидалъ всего хорошаго отъ настоящей кампаніи; князь Андрей, напротивъ, не учавствуя въ войнѣ и въ тайнѣ души сожалѣя о томъ, видѣлъ одно дурное».

Въ это время у князя Андрея было горе, единственный его сынъ сильно заболѣлъ и былъ при смерти, но, благодаря материнскимъ заботамъ княжны Марьи, онъ выздоровѣлъ.

Пьеръ, пріѣхавъ въ Кіевъ, началъ совѣтываться съ управляющими, какъ бы облегчить крестьянъ. Сметливые прикащики, видя, что баринъ ихъ ничего не смыслитъ въ хозяйствѣ, только соглашались съ нимъ, а въ душѣ радовались, что лишняя тысяча имъ перепадетъ въ карманъ. Съ главнымъ управляющимъ онъ каждый день занимался, но толку на самомъ дѣлѣ выходило мало, хотя Пьеру казалось, что онъ своими преобразованіями облагодѣтельствовалъ крестьянъ.

«Весною 1807 года Пьеръ рѣшился ѣхать назадъ въ Петербургъ. По дорогѣ назадъ, онъ намѣревался объѣхать всѣ свои имѣнія и лично удостовѣриться въ томъ, что сдѣлано изъ того, что имъ предписано и въ какомъ, положеніи находится теперь тотъ народъ, который ввѣренъ ему Богомъ, и который онъ стремился облагодѣтельствовать».

Главноуправляющій распорядился, въ угоду барину, по-

стройкой во всѣхъ имѣніяхъ школъ, пріютовъ и больницъ и устроилъ для пріема графа встрѣчу крестьянами съ хлѣбомъ и солью, и даже образами.

«Южная весна, покойное, быстрое путешествіе въ вѣнской коляскѣ и уединеніе дороги радостно дѣйствовали на Пьера. Имѣнія, въ которыхъ онъ не бывалъ еще, были одно живописнѣе другаго; народъ вездѣ представлялся благоденствующимъ и трогательно-благодарнымъ за сдѣланныя ему благодѣянія. Вездѣ были встрѣчи, которыя, хотя и приводили въ смущеніе Пьера, въ глубинѣ же души его вызывали радостное чувство. Въ одномъ мѣстѣ мужики подносили ему хлѣбъ-соль и образъ Петра и Павла, и просили позволенія въ честь его ангела Петра и Павла, въ знакъ любви и благодарности за сдѣланныя имъ благодѣянія, воздвигнуть на свой счетъ новый придѣлъ въ церкви. Въ другомъ мѣстѣ его встрѣтили женщины съ грудными дѣтьми, благодаря его за избавленіе отъ тяжелыхъ работъ. Въ третьемъ имѣніи его встрѣчалъ священникъ съ крестомъ, окруженный дѣтьми, которыхъ онъ по милости графа обучалъ грамотѣ и религіи. Во всѣхъ имѣніяхъ Пьеръ видѣлъ своими глазами по одному плану воздвигавшіяся и воздвигнутыя уже каменныя зданія больницъ, школъ, богадѣленъ, которыя должны были быть, въ скоромъ времени, открыты. Вездѣ Пьеръ видѣлъ отчетъ управляющихъ о барщинскихъ работахъ, уменьшенныхъ противъ прежняго, и слышалъ за то трогательныя благодаренія депутацій крестьянъ въ синихъ кафтанахъ.

«Пьеръ только не зналъ того, что тамъ, гдѣ ему подносили хлѣбъ соль, и строили придѣлъ Петра и Павла, было торговое село и ярмарка въ Петровъ день, что придѣлъ уже строился давно богачами-мужиками села, тѣми, которые являлись къ нему, а что девять десятыхъ мужиковъ этого села были въ величайшемъ раззореніи. Онъ не зналъ, что вслѣдствіе того, что перестали по его приказу

посылать *ребятницъ*-женщинъ съ грудными дѣтьми на барщину, эти самыя ребятницы тѣмъ труднѣйшую работу несли на своей половинѣ. Онъ не зналъ, что священникъ, встрѣтившій его съ крестомъ, отягощалъ мужиковъ своими поборами, и что собранные къ нему ученики со слезами были отдаваемы ему, и за большія деньги были откупаемы родителями. Онъ не зналъ, что каменныя, по плану, зданія воздвигались своими рабочими и увеличивали барщину крестьянъ, уменьшенную только на бумагѣ. Онъ не зналъ, что тамъ, гдѣ управляющій указывалъ ему по книгѣ на уменьшеніе по его волѣ оброка на одну треть, была на половину прибавлена барщинская повинность. И потому Пьеръ былъ восхищенъ своимъ путешествіемъ по имѣньямъ, и вполнѣ возвратился къ тому филантропическому настроенію, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, и писалъ восторженныя письма своему наставнику-брату, какъ онъ называлъ великаго мастера.

—«Какъ легко, какъ мало усилія нужно, чтобы сдѣлать такъ много добра», думалъ Пьеръ, «какъ мало мы объ этомъ заботимся»!

«Онъ счастливъ былъ выказываемой ему благодарностью, но стыдился, принимая ее. Эта благодарность напоминала ему, на сколько онъ *еще больше* бы былъ въ состояніи сдѣлать для этихъ простыхъ, добрыхъ людей».

Въ самомъ счастливомъ настроеніи души возвращался изъ своего путешествія нашъ филантропъ графъ Безухій. Проѣздомъ въ Петербургъ Пьеръ исполнилъ свое давнишнее желаніе и заѣхалъ въ Богучарово къ князю Андрею и съ нимъ-то онъ подѣлился своею радостью, что онъ съумѣлъ облагодѣтельствовать крестьянъ. Но знавшій толкъ въ хозяйствѣ князь Андрей смекнулъ въ чемъ дѣло, открылъ глаза Пьеру, но Безухій понялъ только отчасти. Изъ Бугучарова Пьеръ съ княземъ Андреемъ поѣхали въ Лысыя горы. «Пьеръ теперь только, въ свой пріѣздъ въ Лысыя

горы, оцѣнилъ всю силу и прелесть своей дружбы съ княземъ Андреемъ. Эта прелесть выразилась не столько въ его отношеніяхъ съ нимъ самимъ, сколько въ отношеніяхъ со всѣми родными и домашними. Пьеръ съ старымъ съ суровымъ княземъ и съ кроткой и робкой княжной Марьей, не смотря на то, что онъ ихъ почти не зналъ, чувствовалъ себя сразу старымъ другомъ. Они всѣ уже любили его. Не только княжна Марья, подкупленная его кроткими отношеніями къ странницамъ, самымъ лучистымъ взглядомъ смотрѣла на него; но маленькій годовой князь Николай, какъ звалъ дѣдъ, улыбнулся Пьеру и пошелъ къ нему на руки. Михаилъ Ивановичъ, M-lle Bourienne съ радостными улыбками смотрѣли на него, когда онъ разговаривалъ съ старымъ княземъ.

«Онъ былъ съ нимъ оба дня его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ чрезвычайно ласковъ, и велѣлъ ему пріѣзжать къ себѣ.»

«Когда Пьеръ уѣхалъ и сошлись вмѣстѣ всѣ члены семьи, его стали судить, какъ это всегда бываетъ послѣ отъѣзда новаго человѣка, и какъ это рѣдко бываетъ, всѣ говорили про него одно хорошее.»

Ростовъ, возвратясь въ полкъ, чувствовалъ себя какъ дома, даже привольнѣй ему казалось: здѣсь не было Сони, съ которой нужно было объясниться, не было Долохова, который ему такъ много испортилъ крови — обыгравъ его. Денисовъ еще болѣе сошелся съ Николаемъ; въ одну изъ вылазокъ, подъ начальствомъ Платова, Денисовъ получилъ рану и слегъ въ госпиталь, онъ бы не рѣшился числиться больнымъ, еслибъ не произошло непріятнаго съ нимъ столкновенія въ провіантской коммисіи. Жалѣя своихъ солдатъ, которые частенько голодали, отъ неподвоза провіанта, Денисовъ отбилъ обозъ съ сухарями у нашихъ пѣхотинцевъ,

и вмѣсто того, чтобы уладить дѣло, онъ начальника провіантской коммисіи назвалъ воромъ и двухъ чиновниковъ исколотилъ. Боясь военнаго суда, и имѣя поводъ слечь, онъ, какъ мы сказали, отправился въ госпиталь. Ростовъ ѣздилъ въ Тильзитъ хлопотать за Денисова, онъ черезъ генерала подалъ просьбу Императору въ то самое время, когда Императоръ Александръ отправился для свиданія съ Наполеономъ.

После свиданія въ Эрфуртѣ двухъ властелиновъ міра, Александра I-го и Наполеона, близость отношеній обоихъ Императоровъ доходила даже до того, что въ высшемъ обществѣ говорили о возможности брака Наполеона съ одною изъ сестеръ Императора Александра. Въ 1809 году, когда Наполеонъ объявилъ войну Австріи, Русскій Императоръ двинулъ за границу корпусъ войскъ для содѣйствія бывшему врагу противъ своего бывшаго союзника. Всѣ эти политическія явленія интересовали въ высшей степени наше общество; но не менѣе того обращали на себя вниманіе и внутреннія преобразованія.

— Князь Андрей цѣлые два года прожилъ въ деревнѣ и тѣ нововведенія, которыя затѣялъ-было Пьеръ, и которыя такъ не удались послѣднему, были прекрасно исполнены Болконскимъ. Весною 1809 года князь Андрей поѣхалъ въ Рязанскія имѣнія своего сына, котораго онъ былъ опекуномъ. День былъ превосходный. Первые листья весело и ярко зеленѣли на деревьяхъ; на землѣ пробивалась свѣтлая и мягкая, какъ шолкъ, трава. Только одинъ дубъ, мимо котораго проѣхалъ князь Андрей, не хотѣлъ поддаться обоятельному вліянію весны. Онъ какъ будто говорилъ: «Весна, любовь и счастье! И какъ не надоѣстъ вамъ вѣрить всему этому обману. Посмотрите, я стою самъ по себѣ и мнѣ нѣтъ ни до кого и ни до чего дѣла». Да онъ правъ, онъ тысячу разъ правъ, подумалъ князь Андрей; пускай другіе, молодые вновь поддаются на этотъ обманъ, а мы знаемъ жизнь, наша жизнь кончена.

Пріѣхавъ въ свои Рязанскія имѣнія, Болконскій счелъ нужнымъ отправиться къ уѣздному предводителю, которымъ былъ Илья Андреевичъ Ростовъ. Графъ принялъ его очень радушно, и оставилъ ночевать. Во время дня князь Андрей нѣсколько разъ взглядывалъ на Наташу, веселость и беззаботность которой составляли совершенную противоположность меланхолическимъ мыслямъ Болконскаго.—Вечеромъ послѣдній долго не могъ уснуть. Его комната была въ среднемъ этажѣ и сверху надъ собой онъ услыхалъ женскіе голоса. Одинъ изъ нихъ, который тотчасъ-же узналъ князь Андрей, говорилъ: Я не могу спать, чтожъ мнѣ дѣлать? Затѣмъ оба голоса запѣли конецъ какой-то аріи, послѣ чего одинъ голосъ сказалъ: Ахъ, какая прелесть! Ну, теперь спать —Нѣтъ не хочу, отвѣчала другая, ты спи, а я не буду. Ты посмотри, что за луна!... Ахъ, какая прелесть! Ты поди сюда.... Слушая эти молодые голоса, князь Андрей снова исполнился надеждами на будущее и увѣренностью, что жизнь его еще не кончилась.

Князь Андрей рѣшительно скучалъ въ деревнѣ. Прежнія занятія не интересовали его и онъ по цѣлымъ часамъ ходилъ взадъ и впередъ въ своемъ кабинетѣ. Со всѣми домашними онъ сдѣлался сухъ, и эта сухость особенно выражалась въ его отношеніяхъ къ княжнѣ Марьѣ. Послѣдняя со всею силою любящей души привязалась къ своему племяннику и часто ссорилась изъ-за него съ братомъ. «Сегодня холодно, Николушкѣ нельзя нынче гулять, скажетъ княжна, а князь Андрей отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Если бы было тепло, то Николушка пошелъ-бы гулять въ одной рубашкѣ, но такъ какъ холодно, то онъ надѣнетъ теплую одежду, которая для этого и изобрѣтена.»

Скука заставила князя Андрея перемѣнить родъ жизни: онъ отправился въ Петербургъ въ Августѣ 1809 года. Это было время самыхъ блестящихъ внутреннихъ реформъ, время славы и дѣятельности Сперанскаго. Князь Андрей то-

же составилъ проэктъ нѣкотораго рода преобразованій, который онъ хотѣлъ представить Государю, но однако, явившись два раза при дворѣ и встрѣтивъ Государя не вполнѣ благосклоннымъ, онъ рѣшился отдать свою записку одному старому фельдмаршалу, другу отца. Черезъ нѣсколько дней князю Андрею объявили, что онъ долженъ явиться къ Аракчееву.—Болконскій отправился. Въ пріемной Аракчеева уже набралось довольно просителей. Покуда всѣ казались еще довольно спокойными. Одинъ генералъ, по видимому оскорбленный тѣмъ, что ему такъ долго приходится дожидаться, осмѣливался даже презрительно улыбаться надъ невѣжествомъ Аракчеева. Но, какъ только отворилась дверь, на всѣхъ лицахъ напечатлѣлось одно лишь начало— страхъ. Когда очередь дошла до князя Андрея, послѣдняго ввели въ небольшой, но опрятный кабинетъ. Аракчеевъ, человѣкъ съ коротко остриженными волосами съ каре-зелеными тупыми глазами и съ краснымъ висячимъ носомъ обернулся къ Болконскому и, не глядя на него, спросилъ: «Вы чего просите?» Князь Андрей отвѣчалъ, запинаясь, что онъ ничего не проситъ, но что онъ явился по волѣ Государя Императора узнать, какой ходъ приняла его записка. Аракчеевъ предложилъ князю Болконскому сѣсть и сказалъ, что его записку онъ читалъ, что предлагать новые военные законы не къ чему, когда неисполняются старые и подалъ князю Андрею бумагу, на которой было надписано: «неосновательно составлено, понеже какъ подражаніе списано съ французскаго военнаго устава и отъ воинскаго артикула безъ нужды отступающаго.» Ваша записка передана въ комитетъ о воинскомъ уставѣ, и мною представлено о зачисленіи вашего благородія членомъ, только безъ жалованья, прибавилъ Аракчеевъ, и князь Андрей, раскланявшись, вышелъ изъ кабинета.

Мы уже говорили, что время 1809 года было ознаменовано административною дѣятельностію Сперанскаго. Въ Пе-

тербургѣ ходили самые разнообразные слухи. Одни ругали Сперанскаго, другіе-же превозносили его до небесъ.— Все это очень интересовало князя Андрея, такъ что дѣло воинскаго устава начало переходить въ его головѣ на второстепенное мѣсто. Люди сочувствующіе преобразованіямъ радушно приняли князя, потому что улучшеніе быта его крестьянъ давало ему названіе либерала. Даже самые старики, оспаривающіе преобразованія, хватались за него, какъ за сына ихъ знаменитаго товарища. Наконецъ женщины были рады ему, какъ богатому и молодому жениху. Словомъ, Андрей скоро сдѣлался предметомъ разговора въ обществѣ.

На другой день послѣ свиданія съ Аракчеевымъ, князь Андрей отправился къ графу Кочубею. Послѣдній замѣтилъ, что ему необходимо будетъ обратиться къ Сперанскому. «Мы съ нимъ говорили про васъ, о вашихъ вольныхъ хлѣбопашцахъ», прибавилъ Кочубей. Одинъ старикъ подошелъ къ нимъ и сказалъ, что чрезвычайно неудобны всѣ новыя преобразованія. Кто будетъ начальникомъ палаты, когда всѣмъ придется держать экзаменъ? Развѣ наши старики могутъ идти на экзамены. Но ихъ разговоръ былъ перебитъ появленіемъ новаго лица. Это былъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Сперанскій былъ человѣкъ, котораго нельзя не узнать видѣвши хоть разъ въ жизнь. Нѣсколько впалые глаза его были полузакрыты. На лицѣ играла какая-то мягкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленная улыбка. Но главное, чтó бросалось въ глаза, это необыкновенная бѣлизна и нѣжность лица и рукъ.

Сперанскій подошелъ къ Кочубею и началъ извиняться передъ нимъ, что онъ не могъ пріѣхать ранѣе. Графъ Кочубей поспѣшилъ представить князя Андрея. Сперанскій особенно улыбнулся, услышавъ о пріемѣ Болконскаго Аракчеевымъ и сказалъ князю Андрею: «Директоромъ Коммис-

сіи военныхъ уставовъ мой хорошій пріятель — господинъ Магницкій, съ которымъ я могу васъ свести. Я увѣренъ, что вы найдете въ немъ сочувствіе и желаніе содѣйствовать всему разумному».—Поговоривъ нѣсколько съ прочими, Сперанскій снова обратился къ князю Андрею. — Онъ благодарилъ послѣдняго за сочувствіе къ реформамъ, за облегченіе быта его крестьянъ, и т. д. Особенно былъ онъ доволенъ тѣмъ, что встрѣтилъ въ князѣ Андреѣ перваго камергера, не оскорбляющагося новымъ указомъ о придворныхъ чинахъ. Князь Болконскій, стараясь показаться самостоятельнымъ, возразилъ, что онъ самъ не вполнѣ доволенъ новымъ указомъ и что раздѣляетъ мнѣніе Монтескье, заключающееся въ слѣдующемъ: «Основаніе монархіи честь,— это несомнѣнно; нѣкоторыя права и преимущества дворянства представляются средствами для поддержанія этого чувства». Сперанскій замѣтилъ, что честь, l'honneur, не можетъ поддерживаться вредными постановленіями, и что она заключается, или въ отрицательномъ понятіи не дѣлать разныхъ предосудительныхъ поступковъ, или въ извѣстномъ источникѣ соревнованія для полученія одобренія или наградъ.

Сказавъ еще нѣсколько словъ съ княземъ Андреемъ, Сперанскій пригласилъ его къ себѣ на среду и вышелъ, сдѣлавъ одинъ общій поклонъ.

Сперанскій какъ въ этотъ разъ, такъ и послѣ свиданія съ княземъ Андреемъ въ среду произвелъ на послѣдняго сильное впечатлѣніе. Можетъ быть, если бы онъ происходилъ изъ высокаго рода, былъ-бы аристократическаго воспитанія, князь Андрей скоро нашелъ бы въ немъ слабыя стороны. Но при теперешней обстановкѣ онъ казался Болконскому героемъ и геніальнымъ человѣкомъ, который бы съумѣлъ поспорить со всякими мудрецами. Что касается до Сперанскаго, то онъ усиливалъ это чувство въ князѣ

Андреѣ своимъ искреннимъ и радушнымъ обращеніемъ и тонкою лестью, которая состояла въ томъ, что *мы*, т. е. *я* да *вы*, можете понять глупость всѣхъ другихъ, и разумность и глубину нашихъ мыслей. Одно только не понравилось князю Андрею въ Сперанскомъ, это его зеркальный взглядъ и особенная разнообразность доводовъ, которые онъ приводилъ для доказательства своихъ положеній. Болѣе всего онъ любилъ пускаться въ области метафизики; что, впрочемъ, особенно привлекало къ нему князя Андрея. (Сперанскій приглашалъ Болконскаго въ Коммиссію составленія воинскаго устава и чрезъ недѣлю послѣдній уже сдѣлался членомъ этой Коммиссіи). Сперанскій приглашалъ Болконскаго участвовать въ составленіи Законовъ и дѣйствительно уже черезъ недѣлю послѣдній былъ начальникомъ отдѣленія Коммиссіи для составленія Законовъ.

II.

Мы уже говорили о томъ, какъ Пьеръ, сдѣлался членомъ массонскаго братства. Онъ со всѣмъ рвеніемъ предался новой жизни. Впрочемъ, это рвеніе болѣе всего выражалось въ пожертвованіяхъ и милостыняхъ, а что же касается до нравственной стороны братства, то онъ любилъ холостую компанію такъ же, какъ и прежде.

Смотря на прочихъ своихъ братьевъ по ордену, Пьеръ не могъ видѣть въ нихъ одинхъ массоновъ: это были люди, которые въ частной жизни добивались крестовъ и отличій на ряду съ непосвященными.

Всѣхъ братьевъ онъ раздѣлялъ на 4 разряда. Къ первому онъ относилъ тѣхъ, которые, принадлежа къ массонству, не принимали въ его дѣлахъ ровно никакого участія. Они занимались только таинствами науки ордена, разсуждали о трехъ началахъ вещей, сѣрѣ, меркуріи и соли, о значеніи квадрата и всѣхъ фигуръ храма Соломонова, и т. д. Къ этому разряду принадлежали старшіе братья, и въ

томъ числѣ Іосифъ Алексѣевичъ. — Ко второму разряду Пьеръ относилъ людей колеблющихся, еще не нашедшихъ пути къ масонству, но надѣющихся обрѣсти его. Къ этому разряду онъ относилъ и себя.—Къ третьему отдѣлу принадлежали тѣ братья, которые соблюдали только одни внѣшнія формы масонства, не вникая въ ихъ смыслъ и значеніе. Сюда относились Вилярскій и даже великій мастеръ главной ложи. Къ четвертому и послѣднему разряду Пьеръ относилъ братьевъ, особенно въ недавнее время поступившихъ въ орденъ съ единственною цѣлью сближенія съ богатыми и вліятельными людьми.

Въ 1809-мъ году Пьеръ вернулся изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ для переговоровъ съ высокопоставленными лицами и гдѣ онъ былъ возведенъ въ высшую степень. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ объявилъ своимъ братьямъ по ордену, что онъ имѣетъ кой-что передать имъ, вслѣдствіе чего и было назначено торжественное засѣданіе ложи втораго градуса. Пьеръ сказалъ, что слишкомъ недостаточно блюсти въ тиши ложи таинства масонства, нужно дѣйствовать и на общество. Должно очищать людей отъ пороковъ, суевѣрій и заблужденій; для этого необходимо дать добродѣтели перевѣсъ надъ порокомъ, стараться, чтобы честный человѣкъ всегда находилъ бы награду и уваженіе. Но что же дѣлать, если господствующій порядокъ вещей не допускаетъ этого? Нужно-ли покровительствовать революціямъ? Нѣтъ: напротивъ, нашъ орденъ всегда шелъ и идетъ вопреки этого. Мудрость не нуждается въ насиліи. Единственное средство, съ помощью котораго масонство могло-бы взять перевѣсъ—это составить общество людей преданныхъ и твердыхъ въ своихъ началахъ. Намъ, говорилъ Пьеръ, необходимо покровительствовать всякому уму и таланту. Тогда въ нашихъ рукахъ будетъ все.—Покровители безпорядка и грѣховности будутъ находиться въ нашей власти, сами того не замѣчая. Христіанство требуетъ торжества

добродѣтели. Прежде одно проповѣдываніе было на столько сильно, что могло помогать этой великой цѣли, но въ наши развращенныя времена необходимы другія средства. Мы не можемъ уничтожить своихъ страстей: остается только стремиться къ тому, чтобы направить эти страсти къ полезному и добродѣтельному». Эта рѣчь возбудила въ масонахъ самые разнообразные толки. Большинство, и въ томъ числѣ самъ великій мастеръ, стали упрекать Пьера въ склонности къ иллюминатству. Пьера поразило необыкновенное разнообразіе умовъ, и онъ понялъ, что никакая истина не можетъ представиться въ одинаковомъ свѣтѣ двумъ человѣкамъ. Засѣданіе было бурное. Великій мастеръ укорялъ Пьера въ томъ, что не одно стремленіе къ добродѣтели, но и увлеченіе борьбы вліяло на него въ спорѣ. — Безухому объявили, что его предложеніе не принимается.

Эти непріятные отзывы о рѣчи Пьера произвели на него самое тяжелое впечатлѣніе. Онъ цѣлыхъ три дня пролежалъ дома, никого не принимая и никуда не выѣзжая.—Въ одинъ изъ этихъ дней онъ получилъ изъ-за границы письмо отъ жены, въ которомъ послѣдняя увѣдомляла его, что на дняхъ воротится въ Россію. Около этого же самаго времени одинъ изъ масоновъ въ видѣ назиданія замѣтилъ ему, что его отношенія къ женѣ несправедливы и совѣтовалъ Пьеру снова сойтись съ нею.—Къ тому же теща умоляла Пьера пріѣхать хоть на нѣсколько минутъ для переговора о весьма важномъ дѣлѣ. Безуховъ, понималъ, что противъ него есть заговоръ, но подъ вліяніемъ тоски онъ нисколько не дорожилъ своею свободой и рѣшился помириться съ Элень. Но прежде этого примиренія онъ отправился въ Москву для свиданія съ Іосифомъ Алексѣевичемъ. Въ своемъ дневникѣ онъ описалъ такимъ образомъ. Я пріѣхалъ къ Іосифу Алексѣевичу и засталъ его лежащимъ на постели. Сдѣлавъ ему знакъ рыцарей Востока и Іерусалима, я сталъ подлѣ него, изложилъ ему тѣ свѣдѣнія, которыя я узналъ изъ перего-

воровъ съ заграничными масонами и прибавилъ, что моя рѣчь въ ложѣ не имѣла успѣха. Іосифъ Алексѣевичъ спросилъ меня, помню ли я въ чемъ состоитъ троякая цѣль масонства. Я отвѣчалъ, что она состоитъ: 1) въ сохраненіи и познаніи таинства, 2) въ очищеніи и исправленіи себя для воспринятія онаго и 3) въ исправленіи рода человѣческаго. Конечно вторая цѣль, заключающаяся въ очищеніи *себя самого* есть наивысшая, но она требуетъ величайшихъ трудовъ. Мы должны окончательно отрѣшиться отъ гордости и исполниться смиренія. Иллюминатство не есть чистое ученіе, потому что оно берется за очищеніе другихъ, оставляя въ сторонѣ себя. Іосифъ Алексѣевичъ совѣтовалъ мнѣ помириться съ женой, потому что только въ борьбѣ съ трудностями жизни я могу обновиться для воспринятія великаго таинства. Для того, чтобы удобнѣе мнѣ было заниматься самонаблюденіемъ, онъ далъ мнѣ эту тетрадь, куда приказалъ записывать всѣ мои мысли и поступки.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пьеръ помирился съ женою не показывалъ ей всей тягости и непріятности своихъ супружескихъ отношеній и «испытывалъ счастливое чувство обновленія», какъ онъ писалъ въ своемъ дневникѣ.

Элепъ во время своего пребыванія въ Эрфуртѣ имѣла тамъ огромный успѣхъ. Даже самъ Наполеонъ обратилъ на нее вниманіе въ театрѣ и отозвался объ ней, какъ объ очень красивой женщинѣ. Но Пьеру казалось непонятнымъ слѣдующее обстоятельство. Какимъ образомъ она успѣла прослыть въ свѣтѣ comme une femme charmante, aussi spirituelle que belle? Безуховъ зналъ, что она положительно глупа и ему казалось страннымъ, почему высшіе люди находили ее очень умною. А между тѣмъ это было дѣйствительно такъ и всѣ даже самыя пошлыя выходки приписывали геніальности. Пьеръ, считавшійся чудакомъ,

нисколько не портилъ своею персоною личность Елены и служилъ напротивъ ей самымъ выгоднымъ фономъ.

Въ салонѣ графини Безуховой самую видную роль игралъ Борисъ Друбецкой, который вскорѣ успѣлъ сдѣлаться самымъ приближеннымъ лицемъ къ прекрасной хозяйкѣ.

Эленъ называла его mon page, что впрочемъ не слишкомъ безпокоило Пьера. Послѣдній утѣшался тѣмъ, что онъ живетъ съ женою только для формы, что онъ не мужъ ей и старался скрывать всѣ подозрѣнія. Онъ продолжалъ записывать въ своемъ дневникѣ всѣ свои впечатлѣнія и поступки. Вообще онъ занимался внутреннимъ саморазвитіемъ. Его воображеніе было такъ настроено символизмомъ масонскаго ученія, что даже во снѣ онъ виталъ въ этомъ самомъ кругѣ.

Теперь снова обратимся къ Ростовымъ. Хотя Николай, служа въ какомъ-то глухомъ полку, издерживалъ довольно мало денегъ, но финансовыя обстоятельства Ростовыхъ нисколько не поправлялись. Старый графъ рѣшился переѣхать въ Петербургъ и добиться тамъ довольно выгодной должности. Въ Петербургѣ Ростовы жили такъ же открыто, какъ и въ Москвѣ. Къ нимъ на вечера съѣзжались самые многочисленные и разнообразные гости, изъ которыхъ самыми близкими сдѣлались Борисъ Друбецкой, Пьеръ и Бергъ. Послѣдній уже занималъ довольно видное мѣсто и видимо ухаживалъ за Вѣрой. Еще четыре года тому назадъ Бергъ встрѣтившись съ своимъ товарищемъ Нѣмцемъ въ театрѣ, сказалъ ему, указывая на Вѣру: **Das soll mein Weib werden.** Теперь сообразивъ положенія, какъ свое такъ и Ростовыхъ, онъ рѣшилъ, что можетъ приступить къ исполненію своего намѣренія. Онъ говорилъ своимъ друзьямъ, что женился потому, что его маменька и папенька обезпечены, самъ же получаетъ достаточное жалованье и за женою возьметъ кой-какія средства и доволоно хорошія связи. Но главное, говорилъ онъ, я люблю свою невѣсту потому, что у нэй

прекрасный и разсудительный характеръ. Ростовы съ удовольствіемъ приняли предложеніе Берга. Уже оставалось до свадьбы не болѣе мѣсяца, а относительно приданаго еще не было порѣшено. Бергъ рѣшился напомнить объ этомъ графу. Илья Андреевичъ сказалъ, что онъ даетъ вексель въ 80 тысячъ. Женихъ поцѣловалъ въ плечо будущаго тестя и сказалъ, что онъ желалъ бы получить наличными хоть 20 тысячъ. «Вексель тогда будетъ только въ 60 тысячъ» прибавилъ онъ. «Да, да, хорошо, скороговоркой заговорилъ графъ, только ужъ извини, дружокъ, 20 тысячъ само собою, а вексель кромѣ того на 80 тысячъ дамъ. Такъ-то, поцѣлуй меня».

Наташа теперь уже достигла 16-лѣтняго возраста, прошло 4 года съ тѣхъ поръ, какъ она не видалась съ Борисомъ. Хотя она и говорила матери и Сонѣ, что прежнія ихъ отношенія были не болѣе, какъ дѣтская забава, однако вопросъ о серьезности своихъ обѣщаній занималъ ее. Борисъ рѣшился прекратить свои прежнія отношенія къ Наташѣ. Онъ имѣлъ теперь видное мѣсто, пользовался хорошею ролью въ обществѣ, благодаря графинѣ Безуховой и женитьба на такой небогатой дѣвушкѣ, какъ Наташа была для него дѣломъ окончательно невыгоднымъ. Пріѣхавъ къ Ростовымъ, онъ хотѣлъ дать почувствовать Наташѣ, что всѣ ихъ прежнія отношенія окончены, но однако не съумѣлъ сдѣлать этого. Красота Наташи его поразила. Напрасно онъ съ каждымъ своимъ пріѣздомъ думалъ объясниться съ нею,—Наташа не позволяла ему вспоминать о прошломъ и веселилась съ нимъ по прежнему.

III.

Однажды, когда старая графиня уже ложилась на постель и дочитывая вечернюю молитву, говорила: «Неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ?»—въ спальню вбѣжала Наташа.

Она поцѣловала мать и заговорила съ нею о Борисѣ. «Мамаша, не правда ли, онъ очень милъ? сказала Наташа. Графиня строго замѣтила дочери, что ей всего 16 лѣтъ и не слѣдуетъ ей говорить о такихъ пустякахъ. «Ты знаешь, что тебѣ нельзя выдти за него замужъ», замѣтила графиня. Отчего? спросила было Наташа. «Оттого, что онъ молодъ, оттого, что онъ бѣденъ, оттого, что онъ родня, оттого, что ты и сама не любишь его», быстро отвѣтила мать. Она объявила Наташѣ, что будетъ просить Бориса не посѣщать такъ часто ихъ домъ, но однако дочь успѣла разсѣять серьезное настроеніе графини. Пришедши къ себѣ, Наташа легла на постель и стала думать о своей красотѣ. На другой день графиня переговорила съ Друбецкимъ, и послѣдній пересталъ бывать въ домѣ Ростовыхъ.

Накапунѣ новаго 1810 года назначенъ былъ балъ у одного Екатерининскаго вельможи. На этотъ балъ обѣщался быть Государь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ.

Въ вечеръ бала къ подъѣзду дома подъѣзжали многочисленныя кареты, изъ которыхъ выходили мужчины и дамы въ самыхъ разнообразныхъ и богатыхъ нарядахъ. Ростовы также собирались на балъ. Не смотря на то, что было уже около 10 часовъ вечера, Наташа занималась еще своимъ туалетомъ. Вмѣстѣ съ Ростовыми ѣхала на балъ Марья Игнатьевна Перонская, фрейлина руководящая Ростовыхъ въ высшемъ Петербургскомъ свѣтѣ.

Пріѣхавши на балъ Ростовы застали тамъ уже самое многочисленное общество. Тутъ были и Анатоль Курагинъ, и Еленъ, и Пьеръ, и князь Андрей Болконскій. Послѣдній былъ въ бѣломъ мундирѣ, что очень шло къ его чернымъ волосамъ. Наташа тотчасъ же узнала его.

Вдругъ все зашевелилось: вошелъ Государь. Онъ шелъ быстро, кланяясь по обѣ стороны. Музыка играла польскій: «Александръ, Елизавета, восхищаете вы насъ». Начались танцы. Впереди всѣхъ шелъ Государь держа за руку хо-

зяйку дома. За нимъ слѣдовали пары. Наташа готова была заплакать: «Неужели никто не обращаетъ на меня вниманія» думала она. Но однако Пьеръ вывелъ ее изъ скорбнаго положенія. Онъ подвелъ князя Андрея, который попросилъ ее на вальсъ. Танцуя съ нею Болконскій сказалъ, то онъ слышалъ ихъ разговоръ съ Сонею, въ лунную ночь въ Отрадномъ. Наташа покраснѣла. Она была такъ счастлива, что когда подошелъ графъ Илья Андреичъ, она едва не обняла его. На князя Андрея она произвела также самое пріятное впечатлѣніе. Ему понравилось особенно то, что на ней не лежалъ еще тотъ свѣтскій отпечатокъ, который онъ замѣчалъ на всѣхъ прочихъ дамахъ. Когда Наташа побѣжала черезъ залу, князь Андрей подумалъ: «Если она подойдетъ прежде всѣхъ къ своей кузинѣ, то будетъ моею женою»... Наташа дѣйствительно подошла къ Сонѣ. «Боже мой, какой вздоръ иногда приходитъ въ голову», почти вслухъ сказалъ князь Андрей.

На другой день утромъ, напившись чаю, Болконскій сѣлъ за работу. День былъ пасмурный и увеличивалъ и безъ того довольно сильную скуку князя Андрея. Онъ вспомнилъ о вчерашнемъ балѣ. «Ростова очень мила, что-то въ ней есть свѣжее, особенное, не петербургское, отличающее ее», подумалъ онъ.

Около 5 часовъ онъ отправился къ Сперанскому, у котораго долженъ былъ обѣдать en petit comité. Пріѣхавъ, онъ еще изъ передней услыхалъ голоса и смѣхъ. Въ столовой онъ нашелъ самого Сперанскаго и прочихъ гостей, между которыми былъ Магницкій. Хозяинъ любезно протянулъ руку князю Андрею и объявилъ ему, что обѣдъ назначенъ для шутокъ и веселости. «Пожалуйста ни слова объ дѣлѣ», прибавилъ онъ. За обѣдомъ дѣйствительно всѣ на перерывъ другъ передъ другомъ разсказывали смѣшные анекдоты и хохотали. Звонче всѣхъ раздавался отчетливый смѣхъ Сперанскаго. Но князю Андрею было скучно. Ему

казалось, что въ ихъ шуткахъ не достаетъ главнаго, той соли, которая есть душа веселости. Вскорѣ послѣ обѣда, выслушавъ декламацію французскихъ стиховъ Магницкаго, Болконскій распростился и уѣхалъ. Разочарованіе въ Сперанскомъ и въ работѣ, которую онъ принялъ на себя, начало его безпокоить и онъ съ большимъ удовольствіемъ принялся перебирать въ памяти самые ничтожнѣйшія впечатлѣнія изъ своей жизни въ деревнѣ.

На другой день, дѣлая визиты знакомымъ, князь Андрей заѣхалъ и къ Ростовымъ. Ему очень хотѣлось взглянуть на Наташу дома. Онъ засталъ ее въ простенькомъ домашнемъ платьѣ, и въ этомъ нарядѣ она показалась ему лучше, нежели на балѣ.—Радушіе хозяевъ какимъ-то особенно-пріятнымъ образомъ подѣйствовали на Болконскаго. «Да, это добрые, славные люди», думалъ онъ. «Но все таки они не понимаютъ, что за сокровище у нихъ эта Наташа». Послѣ обѣда онъ попросилъ Наташу спѣть и она сѣла за клавикорды. Ея прелестный голосъ до того растрогалъ князя Андрея, что послѣдній едва не заплакалъ.

Домой онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и долго не могъ заснуть. Ему и въ голову не приходило того, что онъ, можетъ быть, влюбленъ въ Наташу,—онъ думалъ только о себѣ самомъ: «Изъ чего я бьюсь, изъ чего я хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ, когда жизнь, вся жизнь со всѣми ея радостями открыта мнѣ?»...

IV.

Въ одно утро полковникъ Бергъ явился къ Пьеру и сказалъ ему, что сейчасъ только онъ былъ у графини Безуховой, но былъ очень несчастливъ въ своей просьбѣ. «Можетъ быть, вы, графъ, будете милостивѣе», прибавилъ онъ. Пьеръ спросилъ, что ему угодно, и Бергъ объявилъ ему, что онъ устроился на новой квартирѣ и желалъ бы сдѣлать

вечеръ своимъ знакомымъ, при чемъ просилъ Пьера пріѣхать къ нему на этотъ вечеръ. Безуховъ согласился. «Только пожалуйста не поздно, графъ, такъ безъ десяти минутъ восемь, замѣтилъ Бергъ и уѣхалъ.

Пьеръ пріѣхалъ на вечеръ безъ четверти въ восемь и засталъ молодыхъ супруговъ уже совсѣмъ готовыми къ принятію гостей. Бергъ разговаривалъ съ своею женой о томъ, что «всегда можно и должно имѣть знакомства людей, которые выше себя, потому что тогда только есть пріятность отъ знакомства».

По пріѣздѣ Безухова супруги начали другъ передъ другомъ занимать его разговорами, — Вѣра — о посольствѣ, а Бергъ о войнѣ съ Австріею. Вскорѣ пріѣхали прочіе гости, Борисъ, Ростовы, князь Андрей и наконецъ самъ генералъ — начальникъ Берга. Вечеръ сдѣлался обыкновеннымъ.

Князь Андрей подошелъ къ Наташѣ и заговорилъ съ нею. Лицо ея, до сихъ поръ грустное, вдругъ озарилось улыбкой, такой пріятной, что Пьеръ, глядя на нее, подумалъ: «Что это съ нею сдѣлалось?» Когда князь Андрей подошелъ къ Безухому, то послѣдній замѣтилъ такое же молодое выраженіе и въ лицѣ своего друга. Вѣра тотчасъ же поняла, что между княземъ Андреемъ и Наташей существуетъ какая-то симпатія. Она разговорилась съ Болконскимъ о Наташѣ и спросила его, знаетъ-ли онъ о прежней дѣтской любви Бориса къ послѣдней. Князь Андрей почти и не выслушалъ ея словъ, схватилъ Пьера за руку, хотѣлъ ему передать что-то, но потомъ, какъ бы раздумавъ, оставилъ его и сѣлъ подлѣ Наташи. Безуховъ замѣтилъ, что князь Болконскій спросилъ у ней что-то, и она покраснѣла.

Частое посѣщеніе княземъ Андреемъ графовъ Ростовыхъ не прошло безслѣдно — Болконскій влюбился въ Наташу и сдѣлалъ ей предложеніе. Родные Наташи и она сама съ удовольствіемъ приняли предложеніе князя Андрея, но старикъ Болконскій, къ которому ѣздилъ князь Андрей испро-

сить позволенья на женитьбу — рѣшительно не позволилъ ранѣе года совершиться свадьбѣ, и послалъ князя Андрея для поправленія его слабаго здоровья на годъ за границу. Князь Андрей, прощаясь съ семействомъ своей невѣсты, просилъ Наташу и Соню, въ случаѣ чего либо особенно важнаго, обращаться исключительно къ его другу, Пьеру Безухому, у котораго золотое сердце.

На частыя письма изъ дома, съ просьбой провѣдать стариковъ, Николай наконецъ рѣшился взять отпускъ и поѣхалъ въ Отрадное. Первымъ дѣломъ Николая было провѣрить управляющаго Митиньку, довѣренное лицо старика Ростова, но не зная хозяйства, Николай изругалъ и даже поколотилъ управляющаго и volens nolens отказался отъ хозяйства, а предпочелъ заняться охотой. Въ одну изъ охотъ съ нимъ поѣхали Наташа и Петя; въ этотъ разъ охота удалась какъ нельзя лучше, затравлено было: матерой волкъ, лисица и заяцъ. Подъ конецъ охоты Ростовы заѣхали къ дальнему своему родственнику, который угостилъ ихъ прекрасной игрой на гитарѣ.

Дѣла по имѣньямъ графовъ Ростовыхъ все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ. Хотя старый графъ оставилъ должность предводителя дворянства, тѣмъ не менѣе расходы уменьшались немного: была привычка жить роскошно, отъ которой было трудно отстать. Старуха Ростова находила одно средство поправить разстроенныя дѣла, женивъ Николая на богатой невѣстѣ, и она дѣйствительно нашла ему таковую въ лицѣ Жюли Курагиной, мать которой была не прочь отъ сватовства Николая.

А между тѣмъ приближались святки, но кромѣ церемонныхъ визитовъ и поздравленій было скучно въ семействѣ

Ростовыхъ. Въ одинъ день изъ святочныхъ вечеровъ ряженые дворовые пришли повеселить Ростовыхъ; молодежь увлеклась примѣромъ и нарядившись отправились къ сосѣдямъ, Соня наряжена была черкесомъ и въ этомъ костюмѣ была замѣчательно хороша. Пріѣхавшіе ряженые въ семейства Мелюковой веселились до упада, Николай болѣе всего обращалъ вниманіе на Соню и любовался ее красотой, удивляясь самому себѣ, какъ онъ прежде не замѣтилъ такой красоты въ Сонѣ. Послѣ танцевъ черезъ часъ всѣ костюмы измялись и разстроились. Пробочные усы и брови размазались по вспотѣвшимъ, разогрѣвшимся и веселымъ лицамъ. Пелагея Даниловна (Мелюкова) стала узнавать ряженыхъ, восхищалась тѣмъ, какъ хорошо были сдѣланы костюмы, какъ шли они особенно хорошо къ барышнямъ, и благодарила всѣхъ за то, что такъ повеселили ее. Гостей позвали ужинать въ гостиную, а въ залѣ распорядились угощеніемъ дворовыхъ.

— Нѣтъ въ банѣ гадать, вотъ это страшно! говорила за ужиномъ старая дѣвушка, жившая у Мелюковыхъ.

— Отчего же? спросила старшая дочь Мелюковыхъ.

— Да не пойдете, тутъ надо храбрость....

— Я пойду, сказала Соня.

— Раскажите, какъ это было съ барышней? сказала вторая Мелюкова.

— Да вотъ такъ-то, пошла одна барышня, сказала старая дѣвушка, взяла пѣтуха, два прибора—какъ слѣдуетъ, сѣла. Посидѣла, только слышитъ вдругъ, ѣдетъ.... съ колокольцами, съ бубенцами подъѣхали сани; слышитъ идетъ. Входитъ совсѣмъ въ образѣ человѣческомъ, какъ есть офицеръ, пришелъ и сѣлъ съ ней за приборъ.

— А! А!...закричала Наташа, съ ужасомъ выкатывая глаза.

— Да какже онъ такъ и говоритъ?

— Да, какъ человѣкъ, все какъ должно быть, и сталъ, и сталъ уговаривать, а ей бы надо занять его разговоромъ

до пѣтуховъ; а она заробѣла,—только заробѣла и закрылась руками. Онъ ее и подхватилъ. Хорошо, что тутъ дѣвушки прибѣжали.

— Ну, что пугать ихъ! сказала Пелагея Даниловна.

— Мамаша, вѣдь вы сами гадали.... сказала дочь.

— А какъ это въ амбарѣ гадаютъ? сказала Соня.

Да вотъ хоть бы теперь, пойдутъ къ амбару, да и слушаютъ. Что услышите: заколачиваетъ, стучитъ — дурно, а пересыпаетъ хлѣбъ — это къ добру, и то бываетъ....

— Мама, разскажите, что съ вами было въ амбарѣ?

Пелагея Даниловна улыбнулась.

— Да что, я ужъ забыла.... сказала она.—Вѣдь вы никто не пойдете?

— Нѣтъ, я пойду; Пелагея Даниловна, пустите меня, я пойду, сказала Соня.

— Ну, чтожъ, коли не боишься.

— Луиза Ивановна, можно мнѣ? спросила Соня.

Играли ли въ колечко, въ веревочку или въ рубликъ, разговаривали ли какъ теперь, Николай не отходилъ отъ Сони, и совсѣмъ новыми глазами смотрѣлъ на нее. Ему казалось, что онъ нынче только въ первый разъ, благодаря этимъ пробочнымъ усамъ, вполнѣ узналъ ее. Соня дѣйствительно этотъ вечеръ была весела, оживлена и хороша, какою никогда еще не видала ее Наташа.

«Такъ вотъ она какая, а я то дуракъ!» думалъ онъ, глядя на ее блестящіе глаза и счастливую, восторженную, изъ подъ усовъ дѣлающую ямочки на щекахъ, улыбку, которой онъ не видалъ прежде.

— Я ничего не боюсь, сказала Соня. Можно сейчасъ? Она встала.

Сонѣ разсказали гдѣ амбаръ, какъ ей молча стоять и слушать, и подали ей шубку. Она накинула ее себѣ на голову и взглянула на Николая.

«Что за прелесть эта дѣвочка!» подумалъ онъ. «И объ чемъ я думалъ до сихъ поръ!»

«Соня вышла въ коррндоръ, чтобы идти въ амбаръ. Николай поспѣшно пошелъ на парадное крыльцо, говоря, что ему жарко. Дѣйствительно, въ домѣ было душно отъ столпившагося народа.

«На дворѣ былъ тотъ же неподвижный холодъ, тотъ же мѣсяцъ, только было еще свѣтлѣе. Свѣтъ былъ такъ силенъ и звѣздъ на снѣгѣ было такъ много, что нанебо не хотѣлось смотрѣть, и настоящихъ звѣздъ было незамѣтно. На небѣ было черно и скучно, на землѣ было весело.

«Дуракъ я, дуракъ! Чего ждалъ до сихъ поръ?» подумалъ Николай и, сбѣжавъ на крыльцо, онъ обошелъ уголъ дома по той тропинкѣ, которая вела къ заднему крыльцу. Онъ зналъ, что здѣсь пойдетъ Соня. На половинѣ дороги стояли сложенныя сажени дровъ, на нихъ былъ снѣгъ, отъ нихъ падала тѣнь; черезъ нихъ и съ боку ихъ, переплетаясь, падали тѣни старыхъ, голыхъ липъ на снѣгъ и дорожку. Дорожка вела къ амбару. Рубленая стѣна амбара и крыша, покрытая снѣгомъ, какъ высѣченная изъ какого-то драгоцѣннаго камня, блестѣли въ мѣсячномъ свѣтѣ. Въ саду треснуло дерево, и опять все совершенно затихло. Грудь, казалось, дышала не воздухомъ, а какой-то вѣчно молодой силой и радостью.

«Съ дѣвичьяго крыльца застучали ноги по ступенькамъ, скрипнуло звонко на послѣдней, на которую нанесенъ былъ снѣгъ, и голосъ старой дѣвушки сказалъ:

— Прямо, прямо, вотъ по дорожкѣ, барышня. Только не оглядываться!

— Я не боюсь, отвѣчалъ голосъ Сони, и по дорожкѣ, по направленію къ Николаю завизжали, засвистѣли въ тоненькихъ башмачкахъ ножки Сони.

«Соня шла закутавшись въ шубку. Она была уже въ

двухъ шагахъ, когда увидала его; она увидала его тоже не такимъ, какимъ она знала и какого всегда немножко боялась. Онъ былъ въ женскомъ платьѣ, со спутанными волосами и со счастливой и новой для Сони улыбкой. Соня быстро подбѣжала къ нему.

«Совсѣмъ другая, и все таже», думалъ Николай, глядя на ее лицо, все освѣщенное луннымъ свѣтомъ. Онъ продѣлъ руки подъ шубку, прикрывавшую ея голову, обнялъ, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ въ губы, надъ которыми были усы и отъ которыхъ пахло жженой пробкой. Соня въ самую середину губъ поцѣловала его и, выпроставъ маленькія руки, съ обѣихъ сторонъ взяла его за щеки.

— Соня!... Nicolas!... только сказали они. Они подбѣжали къ амбару и вернулись назадъ каждый съ своего крыльца.»

«Вскорѣ послѣ святокъ Николай объявилъ матери о своей любви къ Сонѣ и о твердомъ рѣшеніи жениться на ней. Графиня давно замѣчавшая то, что̀ происходило между Соней и Николаемъ и ожидавшая этого объясненія, молча выслушала его слова и сказала сыну, что онъ можетъ жениться на комъ хочетъ; но что ни она, ни отецъ не дадутъ ему благословенія на такой бракъ». Но благодаря вмѣшательству Наташи Николай успѣлъ взять обѣщаніе съ матери, что Соню преслѣдовать не будутъ, а самъ ѣхалъ въ полкъ, чтобы устроить тамъ свои дѣла и вышедши въ отставку жениться на Сонѣ. «Послѣ отъѣзда Николая въ домѣ Ростовыхъ стало грустнѣе чѣмъ когда нибудь. Графиня отъ душевнаго разстройства сдѣлалась больна.

«Соня была печальна и отъ разлуки съ Николаемъ и еще болѣе отъ того враждебнаго тона, съ которымъ не могла не обращаться съ ней графиня. Графъ болѣе чѣмъ когда нибудь былъ озабоченъ дурнымъ положеніемъ дѣлъ, требовавшихъ какихъ нибудь рѣшительныхъ мѣръ. Необхо-

димо было продать московскій домъ и подмосковную, а для продажи дома нужно было ѣхать въ Москву. Но здоровье графини заставляло со дня на день откладывать отъѣздъ.

«Наташа, легко и даже весело переносившая первое время разлуки съ своимъ женихомъ, теперь съ каждымъ днемъ становилась взволнованнѣе и нетерпѣливѣе. Мысль о томъ, что такъ даромъ, ни для кого пропадаетъ еще лучшее время, которое бы она употребила на любовь къ нему — неотступно мучило ее. Письма его большею частью сердили ее. Ей оскорбительно было думать, что тогда какъ она живетъ мыслью о немъ, онъ живетъ настоящею жизнью, видитъ новыя мѣста, новыхъ людей, которые для него интересны. Чѣмъ занимательнѣе были его письма, тѣмъ ей было досаднѣе. Ея же письма къ нему не только, недоставляли ей утѣшенія, но представлялись скучной и фальшивой обязанностью. Она не умѣла писать, потому что не могла постигнуть возможности выразить въ письмѣ правдиво хоть одну тысячную долю того, что она привыкла выражать голосомъ, улыбкой и взглядомъ. Она писала ему классически—однообразно сухія письма, которымъ сама не приписывала никакого значенія и въ которыхъ, по брульонамъ, графиня поправляла ей орфографическія ошибки.

«Здоровье графини все не поправлялось; но откладывать поѣздку въ Москву уже не было возможности. Нужно было дѣлать приданое, нужно было продать домъ, и притомъ князя Андрея ждали сперва въ Москву, гдѣ эту зиму жилъ князь Николай Андреевичъ, и Наташа было увѣрина, что онъ уже пріѣхалъ.

«Графиня осталась въ деревнѣ, а графъ взялъ съ собою Соню и Наташу, въ концѣ января поѣхалъ въ Москву».

———

V.

Хотя Пьеръ всею душою вѣровалъ во всѣ тѣ истины, которыя ему нѣкогда проповѣдывалъ его наставникъ и благодѣтель, Іосифъ Алексѣевичъ,—хоть онъ искренно желалъ исправиться, даже усовершенствовать себя, но всѣ эти стремленія къ чему-то высшему стали вдругъ тяготить его. Онъ не выдержалъ, опять по прежнему сталъ посѣщать клубъ, бывать въ холостыхъ компаніяхъ и много пить, такъ что на что ужъ жена его, и та нашла, что онъ ее компрометируетъ.. Наконецъ онъ ухалъ въ Москву, гдѣ у него былъ свой домъ. Какъ только онъ прибылъ въ Москву, увидалъ тамошнее общество и сталъ участвовать въ тамошнихъ увеселеніяхъ, онъ себя почувствовалъ вполнѣ въ своей тарелкѣ. Общество древней столицы русской любило Пьера за его простоту и добродушіе. Онъ былъ баринъ-добрякъ стараго покроя, со стариками былъ самъ старикъ, съ молодежью веселился и шутилъ какъ сверстникъ. Даже молодыя дамы и барышни любили его, потому что онъ былъ одинаково любезенъ со всѣми.

Теперь прежніе порывы къ чему-то высшему, небудничному въ немъ стихли. Онъ уже не желалъ никакихъ преобразованій. А то ли было семь лѣтъ тому назадъ! Впрочемъ иногда ему казалось, что онъ только на время оставилъ мысль о лучшей жизни, что и теперь въ немъ есть задатки лучшаго, не такъ какъ въ другихъ людяхъ, ведущихъ одинаковый съ нимъ образъ жизни, которыхъ онъ презиралъ прежде. «Я, думалъ онъ, — и теперь все недоволенъ, все мнѣ хочется сдѣлать что-то для человѣчества.» На него уже теперь не находили, какъ прежде, такія минуты, когда онъ чувствовалъ отвращеніе къ жизни; прежній недугъ еще продолжался впрочемъ, но глубоко спрятался внутрь. Иногда въ немъ копошились разные вопросы, напр. о цѣли жизни, о смыслѣ ея явленій и пр.,

но, не желая попусту мучить себя, такъ какъ опытъ показалъ ему, что отвѣтовъ на эти вопросы не найдешь, онъ брался за книгу, или ѣхалъ въ клубъ, или къ кому нибудь изъ знакомыхъ—болтать разный вздоръ. Сверхъ того всюду въ жизни онъ видѣлъ одну только ложь, обманъ, лицемѣріе—и всякій разъ невольно изумлялся, какъ только мысль объ этомъ приходила ему въ голову, хоть она приходила въ голову, можетъ быть, въ сотый разъ. Куда жъ дѣваться отъ этой ужасной мысли? думалъ Пьеръ. Хоть бы окунуться въ какую нибудь дѣятельность, хоть бы забыться, да и то нельзя. «Всякая область труда въ глазахъ его «соединялись со зломъ и обманомъ. Чѣмъ бы онъ ни про«бовалъ быть, за что бы онъ ни брался —зло и ложь отта«кивали его и загораживали ему всѣ пути дѣятельности. «А между тѣмъ надо было жить, надо было быть заняту. «Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ нераз«рѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ «впечатлѣніямъ, чтобы только забыть ихъ».

А между тѣмъ жажда дѣятельности была. Онъ много читалъ, читалъ ночью до забытья, много болталъ въ гостяхъ и въ клубѣ, кутилъ, ухаживалъ за женщинами и старался гнать отъ себя всѣ тяжелые вопросы жизни, подъ тѣмъ предлогомъ, что теперь некогда ихъ рѣшать. «Я послѣ обдумаю все это!» обманывалъ онъ самъ себя. Однимъ словомъ, онъ прятался отъ томящаго анализа, какъ отъ какой бѣды.

Въ началѣ зимы Москва встрѣтила еще новыхъ гостей, князя Николая Андреевича Болконскаго съ дочерью. Этотъ человѣкъ, оригинальный по своему уму, необычайный патріотъ, вскорѣ сдѣлался центромъ многихъ тогдашнихъ кружковъ. Надобно сказать, что князь въ послѣднее время очень постарѣлъ. Особенно измѣняла ему память—даже близкихъ по времени событій. Однако всѣ—и домашніе, и гости—по прежнему, почтительно и съ любопытствомъ слушали его

сочувственные разсказы о минувшемъ, или рѣзкія сужденія о настоящемъ. Да, гостямъ было пріятно въ этомъ старинномъ, гостепріимномъ домѣ, но каково было домашнимъ? Княжнѣ Марьѣ было тяжело и, скучно въ Москвѣ. Обычныхъ ея посѣтителей, нищихъ и богомольцевъ, съ которыми она такъ часто бесѣдовала въ Лысыхъ Горахъ, здѣсь не было, въ свѣтъ она не выѣзжала, потому что отецъ не отпускалъ ее безъ себя, а самъ не выѣзжалъ по болѣзни. Замужъ выдти она уже не надѣялась, да и отецъ не желалъ этого, потому что она была нехороша собою, новыхъ друзей у нея не было, а старые, дѣвица Bourienne и Жюли Курагина, что-то перемѣнились съ нею. Съ Жюли она часто видалась, но та была занята не тѣмъ, жениха себѣ искала, и потому съ нею была теперь не то, что прежде. Однимъ словомъ, не съ кѣмъ было княжнѣ Марьѣ подѣлиться своимъ горемъ, а горя въ послѣднее время накопилось много. Между прочимъ, ей надо было учить племянника, Николушку, сына князя, но ученье шло плохо. Изъ пустяковъ она за урокомъ всегда противъ своей воли разгорячится, выдетъ изъ себя, поставитъ его въ уголъ, а потомъ сама вмѣстѣ съ нимъ расплачется, такъ что самой стыдно.

А тутъ на бѣду отецъ что-то сталъ подозрительно близокъ съ m-lle Bourienne. Если онъ и не хотѣлъ жениться на ней, то своею любезностью къ нелюбимой его дочерью француженкѣ только дразнилъ княжну Марью. Она даже не разъ плакала, находила, что хитрая Bourienne подлаживается подъ князя и еще больше возненавидѣла ее. Князь съ своей стороны всячески ласкалъ интригантку и часто бранилъ за нее дочь. «Проси у нея прощенья!» однажды закричалъ князь, находившій, что его любимица оскорблена княжною Марьею, и та принуждена была просить прощенья. Но все таки она любила отца, не питала къ нему непріязненнаго чувства, старалась даже лелѣять его старость, боялась искушенія—

осуждать его. «Онъ старъ и слабъ, а я смѣю осуждать «его!» думала она съ отвращеніемъ къ самой себѣ.

VI.

Въ 1811 г. въ Москвѣ жилъ французскій докторъ Метивье, высокій, красивый, любезный. Его всѣ считали за великаго знатока своего дѣла, и во многихъ домахъ онъ былъ свой человѣкъ. Даже князь Николай Андреевичъ принималъ его, разумѣется по совѣту m-lle Bourienne. Утромъ, въ день имянинъ стараго князя, когда велѣно было принимать только избранныхъ, для Метивье открылись даже двери кабинета, въ которомъ князь почти никого не принималъ. Но князь все утро былъ сильно не въ духѣ, и сорвалъ зло на Метивье. Неизвѣстно изъ-за чего зашелъ у нихъ споръ съ княземъ, только послѣдній сильно разгорячился и прогналъ отъ себя доктора, обозвавъ его шпіономъ и рабомъ Бонапарта. Потомъ гнѣвъ князя обрушился на дочь, за то, что къ нему пустили шпіона; — онъ до того расходился, что велѣлъ даже дочери искать себѣ мѣсто, потому что не можетъ съ нею жить. Потомъ, видимо чувствуя, что говоритъ вздоръ, онъ прибавилъ, смягчившись: «И хоть бы какой нибудь дуракъ взялъ ее за мужъ!» и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Въ два часа пріѣхали къ обѣду избранныя шесть персонъ: графъ Растопчинъ, московскій губернаторъ, князь Лопухинъ съ племянникомъ, генералъ Чатровъ, старый товарищъ князя, а изъ молодыхъ Пьеръ и Борисъ Друбецкой. Послѣдній еще только недавно представленъ былъ князю, но такъ понравился ему, что изъ холостежи онъ только его одного и принималъ.

Николай Андреевичъ вышелъ къ гостямъ съ серьезнымъ видомъ, молча. Говорилъ больше всѣхъ графъ Растопчинъ: онъ разсказывалъ о послѣднихъ новостяхъ, городскихъ и

политическихъ. Прочіе гости мало участвовали въ разговорѣ. Самъ хозяинъ только слушалъ, изрѣдка кивая головою. За обѣдомъ заговорили о захватѣ Наполеономъ владѣній герцога Ольденбургскаго и о послѣдней русской нотѣ, враждебной Наполеону и разосланной ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. По этому случаю графъ Растопчинъ укорялъ европейскихъ государей за ихъ уступчивость. «Одинъ нашъ государь, прибавилъ онъ, протестовалъ противъ захвата владѣній герцога Ольденбургскаго. И то...» Далѣе продолжать было бы слишкомъ смѣло. Своего государя осуждать боялись, но тѣмъ не менѣе всѣ желали, чтобы съ Наполеономъ и говорили, и дѣйствовали поэнергичнѣе, посуровѣе. А къ томужъ и французскіе посланники, вмѣшался генералъ Чатровъ, ведутъ себѣ очень надменно. Когда Его Величество обратилъ вниманіе посланника на генеральскую дивизію и церемоніальный маршъ, посланникъ не обратилъ никакого вниманія и осмѣлился сказать, что мы-де во Франціи на такіе пустяки не смотримъ. При этомъ случаѣ князь сообщилъ объ опалѣ, какой онъ подвергъ шпіона Метивье, и сердито взглянулъ на дочь. Она ясно видѣла, что онъ не забылъ своего гнѣва и только при гостяхъ молчитъ.

Послѣ обѣда старый князь оживился, началъ говорить о предстоявшей войнѣ съ Бонапартомъ. Рѣшено было, что съ Французами трудно воевать, надобно больше обороняться въ собственныхъ границахъ. Графъ Растопчинъ, человѣкъ истинно русскій и патріотъ, при этомъ напалъ на страсть Русскихъ ко всему французскому, доходящую чуть не до обожанія, особенно среди молодежи. «Эхъ, поглядишь на нашу молодежь, князь, говорилъ онъ, взялъ бы старую дубинку Петра Великаго изъ кунсткамеры, да по-русски бы обломалъ бока, вся бы дурь соскочила!» Князь сочувствовалъ этому: «онъ съ улыбкою на лицѣ смотрѣлъ на Растопчина и одобрительно покачивалъ головой». На

прощанья съ гостями, онъ сказалъ ему: «прощай, голубчикъ,—гусли! всегда заслушаюсь его!»

Во все время обѣда на княжну Марью никто и вниманія не обратилъ, чему она даже была рада отчасти. Она боялась одного, чтобы гости не замѣтили, что между ею и отцомъ произошло что-то особенное, и вовсе не замѣчала тѣхъ любезностей, которыя оказывалъ ей Друбецкой. Послѣ обѣда къ ней подошелъ Пьеръ, сѣлъ съ нею рядомъ въ гостиной и сталъ безъ обиняковъ спрашивать про Друбецкаго, не имѣетъ ли онъ, по ея замѣчанію, особыхъ видовъ на нее. При этомъ графъ Безухій сообщилъ, что Борисъ Друбецкой такъ же любезенъ и съ Жюли Курагиной, къ которой онъ очень внимателенъ. Его особая манера ухаживать за какою либо дѣвицею состоитъ въ томъ, что при ней онъ становится очень меланхоличенъ. Княжнѣ Марьѣ хотѣлось кому нибудь повѣрить свое горе; отчего же и не Пьеру? Вѣдь онъ такъ добръ и благороденъ, онъ можетъ даже подать совѣтъ. Пьеръ, съ своей стороны, безъ церемоній спросилъ ее, пошла ли бы она замужъ за Бориса. Но княжна Марья вмѣсто прямаго отвѣта сказала, что бываютъ такія минуты, когда дѣвушка готова пойдти за всякаго, потому что чувствуешь, что для отца не можешь ничего сдѣлать кромѣ горя. Въ такомъ случаѣ надобно уйти, а куда уйти?—Пьера озаботило горе княжны, но она только сдѣлала намекъ, а не высказала вполнѣ и для перемѣны предмета заговорила о Ростовыхъ. Дѣло въ томъ, что князь Андрей задумалъ жениться на Наташѣ Ростовой и былъ помолвленъ, но свадьба была отложена на нѣсколько времени, а теперь до срока оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Всѣ знали, что старый князь смотритъ непріязненно на этотъ союзъ, и княжна Марья съ боязнью ожидала развязки. Княжна не любила Наташу, но желала слышать о ней отъ Пьера *всю правду*, какъ она сказала ему, Пьеру слышалось недоброжелательство въ

самомъ тонѣ ея рѣчи, но онъ желалъ лучше дѣйствительно сказать про нее такъ, какъ онъ ее находилъ, нежели солгать, и потому отвѣтилъ княжнѣ, что Наташа обворожительна; но отчего она такою ему кажется, Пьеръ не могъ этого сказать. Мари была очень недовольна отзывомъ Пьера, такъ какъ она въ самомъ дѣлѣ не любила эту особу; впрочемъ она изъявила желаніе сблизиться со своей будущей невѣсткой и даже заставить стараго князя полюбить ее.

Посмотримъ теперь, что̀ дѣлалъ и намѣренъ былъ дѣлать Борисъ. Спачала онъ хотѣлъ жениться въ Петербургѣ, а когда это не удалось, онъ съ тѣми же видами уѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ онъ, дѣйствительно, колебался между двумя богатыми невѣстами—Жюли Курагиной и княжной Марьей. Послѣдняя была, какъ мы знаемъ, не красива, но очень нравилась ему, а между тѣмъ что-то такое ему мѣшало ухаживать за нею. На именинахъ отца она какъ-то была странно необщительна съ нимъ, разсѣянна, а если отвѣчала ему, то всегда невпопадъ. Жюли была гораздо любезнѣе княжны Марьи, хотя не молода, 27-ми лѣтъ, и тоже не красива. Но такъ какъ она была богата, то у нея и собиралось большое общество. Домъ Курагиныхъ былъ въ это время самымъ гостепріимнымъ домомъ въ Москвѣ. У нихъ каждый день собиралось много гостей, особенно мужчинъ, и сидѣли до 3-го часу ночи. Жюли съ своей стороны считала своимъ долгомъ посѣщать всѣ балы, гулянья и театры, и одѣвалась всегда по послѣдней модѣ. Но она играла роль разочарованной барышни, невѣрящей ни въ какія чувства, ни въ какое счастье, и находила, что счастье возможно только *тамъ*. Но эта меланхолія и разочарованность, чисто напускная, не мѣшали ей веселиться. Все-таки она особенно любила бесѣдовать съ тѣми, кто, по крайней мѣрѣ съ виду, сочувствовалъ ея слезливому настроенію, напр. съ Борисомъ. Съ нимъ она была очень любезна, такъ какъ и онъ былъ разочарованъ. Онъ

писалъ ей въ альбомъ французскіе стихи въ меланхолическомъ топѣ. Здѣсь были и гробъ, и смерть—все; усладительная грусть звалась на помощь несчастью. То было время сантиментальности, и наши мечтатели съ восторгомъ читали Бѣдную Лизу. А чадолюбивая Анна Михайловна, мать Бориса, справлялась о состояніи невѣсты, а такъ какъ состояніе оказалось порядочное, то она рѣшилась устроить союзъ двухъ любящихся существъ.

Жюли была не прочь выдти за Бориса и нетерпѣливо ждала, что онъ предложитъ ей руку и сердце, но Борисъ медлилъ; невѣста была не хороша собою, стара, а между тѣмъ на лицѣ ея такъ ясно написано было желаніе сдѣлаться супругою, что ея обожателю становилось противно. Жюли эта медленность раздражала, а между тѣмъ ходили слухи, что и князь Василій шлетъ своего сына Анатоля въ Москву ухаживать за Жюли. Не желая остаться въ дуракахъ, Борисъ рѣшился сдѣлать предложеніе. Жюли, какъ только замѣтила это намѣреніе по тону Бориса рѣчи и по обращенію съ нею, устремила на него взоръ полный мольбы и нетерпѣливаго ожиданія, и вотъ какое признаніе услышала она отъ него: «Вы знаете мои чувства къ вамъ!» Этимъ было сказано все; Борисъ впрочемъ прибавилъ къ этому обычныя фразы, какія всегда говорятся въ подобныхъ случаяхъ, что «онъ любитъ ее и никогда ни одну женщину не любилъ болѣе ея!» Жюли торжествовала. Она хотѣла привлечь къ себѣ жениха не красотою, которой у нея не было и это для нея была не тайна, а своимъ богатствомъ, и вполнѣ достигла этой цѣли. Вмѣстѣ съ помолвкой женихъ и невѣста перешли отъ идеальныхъ стремленій къ невѣдомому и туманному *туда*—къ заботамъ объ интересахъ болѣе существенныхъ—объ устройствѣ своей будущей судьбы.

VII.

Ростовы, т. е. графъ Илья Андреевичъ съ дочерью и племянницею, пріѣхали въ Москву въ концѣ января, оставя дома больную графиню, такъ какъ дожидаться ея выздоровленія не было времени. Нужно было все приготовить къ свадьбѣ, продать подмосковную и представить старому князю невѣсту его сына, пока онъ въ столицѣ. Но они остановились не въ своемъ домѣ, а у Марьи Дмитріевны Ахросимовой, воспользовавшись прежнимъ ея гостепріимнымъ предложеніемъ, такъ какъ домъ ихъ не былъ готовъ.

Марья Дмитріевна, женщина нрава простаго и прямаго, вела жизнь простую, притомъ не лишенную смысла. Утромъ она хозяйничала дома, потомъ, если праздникъ, бывала у обѣдни; а оттуда отправлялась въ остроги и тюрьмы по дѣламъ, извѣстнымъ только ей одной. Она не прочь была помочь ближнему, и по буднямъ у нея ежедневно бывали просители. Послѣ обѣда любила играть въ бостонъ, на ночь ей читали новыя книги и газеты. Выѣзжала въ гости она рѣдко,—и то развѣ къ городскимъ тузамъ.

Ростовы пріѣхали поздно вечеромъ, но хозяйка еще не спала. Она встрѣтила гостей съ своимъ обычнымъ серьезнымъ видомъ, но очень ласково, какъ любящая мать, что̀ доказывалось, между прочимъ, ея усердными хлопотами о томъ, какъ поудобнѣе устроить помѣщеніе для пріѣзжихъ. Марья Дмитріевна по своему вошла въ интересы каждаго. Наташѣ она объявила, что ей непремѣнно надобно съѣздить къ старому князю Болконскому, но только и сказала, какъ бы боясь быть нескромною при очень еще молоденькой Сонѣ. Потомъ пошли толки о приданомъ и вообще о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, въ чемъ Марья Дмитріевна обѣщала свою помощь. На другой день она, дѣйствительно, поѣхала съ дѣвицами хлопотать и, помолившись у Иверской, заѣхала въ магазинъ Оберъ-Шальмс, гдѣ и заказала довольно дешево почти все приданое.

Вернувшись домой, она осталась одна съ Наташей—поговорить о ея будущей судьбѣ, хвалила ее за выборъ жениха, уговаривала не бояться стараго князя, который не желалъ этого брака, и по возможности стараться заслужить его любовь, потому что безъ этого будетъ худо. «Надо мирно, любовно, говорила она.... Ты добренько и умненько обойдись. Вотъ все и хорошо будетъ». Наташа ничего на это не сказала, но не потому, чтобы она стыдилась, а ей какъ-то неловко было, когда посторонніе люди, хотя и съ доброю цѣлью, вмѣшивались въ ея сердечныя отношенія къ князю Андрею. Но Марья Дмитріевна не унималась и продолжала хвалить и стараго князя, и княжну Марью, и кончила совѣтомъ — завтра ѣхать къ Болконскимъ.

На слѣдующій день Наташа, дѣйствительно, поѣхала съ отцомъ къ старому князю. Она была очень весела и ѣхала съ полною увѣренностью и желаніемъ внушить любовь своей будущей роднѣ, которой она рѣшилась даже угождать изъ любви къ князю Андрею.

Вотъ они подъѣхали къ мрачному дому, вошли въ сѣни. Графъ въ передней какъ бы сробѣлъ: такъ всѣ боялись князя Николая Андреевича. Лакеи засуетились, забѣгали, начали шептаться, наконецъ объявили, что старый князь принять не можетъ, а не угодно ли пожаловать къ княжнѣ. Гостей встрѣтила весьма учтиво m-lle Bourienne и провела къ княжнѣ. Княжна Марья приняла ихъ какъ-то робко, хотя и старалась быть непринужденною. На первый взглядъ она сочла Наташу пустенькой барышней, вообще отнеслась къ ней несовсѣмъ сердечно. Дѣло въ томъ, что молодая Ростова была хороша собой, а княжна — нѣтъ, — къ тому же послѣднюю тревожило то обстоятельство, что когда отецъ ея узналъ о пріѣздѣ Ростовыхъ, онъ закричалъ, что онъ ихъ не приметъ, пусть идутъ къ княжнѣ. Поэтому она и опасалась какой нибудь выходки со стороны стараго князя.

Оставивъ дочь знакомиться ближе съ своей будущей род-

ственницей, графъ уѣхалъ къ одной знакомой, откуда хотѣлъ заѣхать за Наташей часа черезъ два. Онъ сдѣлалъ это просто для того, чтобъ не стѣснять молодыхъ дѣвицъ своимъ присутствіемъ, притомъ не хотѣлъ встрѣчаться съ отцемъ княжны Марьи. Наташѣ было стыдно за отца, что онъ празднуетъ трусу, но она не дала замѣтить этого. А въ тоже время онъ не достигъ и другой своей цѣли. M-lle Bourienne ни на минуту не хотѣла оставить новыхъ подругъ. Княжнѣ Марьѣ было это непріятно. Наташа тоже была недовольна, но только не этимъ, а сухимъ тономъ княжны. Вообще разговоръ вдругъ сдѣлался натянутымъ, неловкимъ. Вдругъ послышались шаги, дверь отворилась— и вошелъ князь въ бѣломъ колпакѣ и халатѣ. Онъ началъ раскланиваться, притворно извиняясь передъ молодой графиней въ небрежности своего костюма, и увѣрялъ, что онъ не зналъ о такомъ пріятномъ посѣщеніи, а зашелъ запросто къ дочери. Княжна Марья сконфузилась, замѣчая ложный тонъ отца, Наташа тоже смутилась. За то Bourienne коварно и сладко улыбалась. Послѣ неоднократныхъ извиненій князь ушелъ, а Bourienne пустилась распространяться про его нездоровье. Но это не поправило дѣла. Теперь княжна Марья и Наташа еще недоброжелательнѣе смотрѣли другъ на друга, какъ бы виня одна другую въ такой непріятной сценѣ. Молодая гостья очень обрадовалась возвращенію отца и поскорѣе хотѣла уѣхать. Она не могла простить княжнѣ Марьѣ того, что она во все время даже и не упомянула о князѣ Андреѣ, а самой ей было неловко заговорить о немъ. Княжна съ своей стороны не рѣшалась поднять этого вопроса: она сама не знала, почему ей было тяжело даже думать объ этомъ бракѣ. Она какъ будто одна, нераздѣльно хотѣла любить брата и быть имъ любимой и недружелюбно смотрѣла на соперниковъ и соперницъ. Только уже на прощаньи она взяла Наташу за руку и сказала ей со вздохомъ: «милая Наташа, знайте, что я рада тому, что

братъ нашелъ счастье.....» Но вышло это какъ-то фальшиво, такъ что молодая графиня догадалась, въ чемъ дѣло, и замѣтила холодно, что «теперь неудобно говорить объ этомъ.»

Воротясь домой, Наташа расплакалась. Ей обидно было, что будущая родня ея такая нелюбезная, безсердечная. Напрасно Соня утѣшала ее. Но Марья Дмитріевна, хотя и знала все, однако ничего не обнаружила и все время за обѣдомъ шутила и была весела.

Весь день Наташа была безутѣшна, и ее съ трудомъ могли уговорить ѣхать на оперу, билетъ на которую взяла добрая хозяйка—больше для нея. Когда она одѣлась и, стоя въ залѣ передъ зеркаломъ, увидѣла въ немъ свое красивое личико, ей стало еще грустнѣе, но въ тоже время и любовь къ князю Андрею съ новою силою пробудилась въ ея сердцѣ. Будь онъ тутъ, она теперь не сробѣла бы, а попросту, свободно обняла бы его, а до отца и до сестры ей никакаго дѣла нѣтъ. Ахъ, зачѣмъ онъ не здѣсь! Нѣтъ силъ его дождаться! Вотъ подруга ея Соня—та другая; та любитъ своего Николиньку какою-то тихою любовью и терпѣливо дожидается его. Попавъ въ заколдованный кругъ любовныхъ мечаній, Наташа забыла о дѣйствительности. Она и не замѣтила, какъ они сѣли въ карету и очутились сначала въ корридорахъ театра, а потомъ въ ложѣ. Она давно уже не испытывала того чувства, которое волновало ее, когда она замѣтила, что сотни глазъ смотрятъ на нее. Многіе знали ее и ея отца, знали, что она помолвлена, знали и жениха ея, и съ любопытствомъ смотрѣли на красивую невѣсту. Въ этотъ вечеръ она сіяла особенною красотою, благодаря внутреннему волненію. Недалеко въ ложѣ Наташа увидала Жюли Курагину, сидѣвшую рядомъ съ матерью. Изъ-за нихъ выставлялась красивая голова Бориса Друбецкаго, который что-то шепталъ на ухо своей невѣстѣ, поглядывая на Ростовыхъ. Сзади въ той же ложѣ сидѣла нарядная и

счастливая Анна Михайловна. Въ душѣ Наташи пробудилась зависть къ чужому счастью и довольству. А ее-то какъ утромъ приняли будущіе родные! Но лучше не думать объ этомъ, а заняться разсматриваніемъ лицъ знакомыхъ и незнакомыхъ.

Въ партерѣ она увидала Долохова, бывшаго обожателя своей сестры, про него по Москвѣ разсказывали, что онъ былъ на Кавказѣ, бѣжалъ оттуда, былъ въ Персіи министромъ у какого-то владѣтеля, убилъ брата шаха и т. д. Всѣ московскія барыни были безъ ума отъ него. Больно онъ въ моду вошелъ своими любопытными похожденіями.

Въ это время въ сосѣдній бенуаръ вошла красивая дама, роскошно одѣтая, и невольно обратила на себя вниманіе Наташи. Когда дама оглянулась въ ея сторону и поклонилась графу Ростову, послѣдній узналъ въ ней жену Пьера. Графъ, разумѣется, вступилъ съ нею въ разговоръ, спрашивалъ про мужа, а дочь любовалась чудною красотою Элень.—Но вотъ началась пьеса; всѣ смолкли и обратили вниманіе на сцену. Наташа послѣдовала общему примѣру.

Все, что происходило и пѣлось на сценѣ, всѣ эти аріи и дуэты, нерѣдко сопровождаемыя рукоплесканіями зрителей и поклонами пѣвцевъ и пѣвицъ, все это послѣ деревни произвело на Наташу какое-то особое, странное впечатлѣніе, особенно при томъ серьезномъ настроеніи, которое овладѣло ею. Она была какъ бы въ чаду, не понимала хода пьесы, не слыхала музыки, а только съ удивленіемъ смотрѣла на декораціи и на разряженныхъ актеровъ, и все это ей казалось фальшью и мишурою, недостойною ни малѣйшаго вниманія. Однако всѣ смотрѣли на сцену, слушали и восхищались — притворно, какъ думала Наташа. Она находилась въ какомъ-то опьяненіи, и странныя мысли безо всякой связи и послѣдовательности шли ей въ голову. Ей даже почему то захотѣлось сошкольничать,

напр. зацѣпить вѣеромъ старичка, сидѣвшаго неподалеку отъ нея въ ложѣ, перегнуться къ женѣ Пьера и пощекотать ее.

Но вотъ на сценѣ все на минуту смолкло, заскрипѣла дверь партера со стороны графской ложи и послышались твердые мужскіе шаги. Это былъ Анатоль Курагинъ, братъ Эленъ. Сестра пріятно улыбнулась ему, между тѣмъ какъ онъ, въ адъютантскомъ мундирѣ, подходилъ къ ложѣ графини Безухой. Наташа разъ видѣлась съ нимъ на одномъ балу въ Петербургѣ и узнала его. Онъ шелъ медленно, не торопясь, какъ бы любуясь своею походкою. Подойдя къ ложѣ сестры, онъ наклонился къ ней и что то шепнулъ, вопросительно указывая на Наташу, потомъ прошепталъ, чуть шевеля губами: «очень мила!» прошелъ дальше и сѣлъ небрежно рядомъ съ Долоховымъ.

По окончаніи перваго дѣйствія весь партеръ поднялся, и зрители стали ходить туда и сюда. Борисъ, какъ старый знакомый, вошелъ въ ложу Ростовыхъ, скромно принялъ ихъ поздравленія, попросилъ Кузинъ къ себѣ на свадьбу отъ имени будущей жены и ушелъ. Наташа когда то любила Бориса, но теперь этого чувства уже въ ней не было; она весело улыбалась ему, какъ старому знакомому. Въ партерѣ въ это время Курагинъ что-то говорилъ съ Долоховымъ и то и дѣло глядѣлъ на ложу Ростовыхъ. Наташа видѣла это и чувствовала, что они говорили про нее; это пріятно щекотало ея самолюбіе.

Въ антрактѣ между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ въ партерѣ появился Пьеръ, котораго Наташа давно не видала, и прошелъ въ первые ряды. И съ нимъ Анатоль заговорилъ тоже, вѣроятно, про Ростовыхъ, потому что теперь они оба смотрѣли на ложу Ростовыхъ. Пьеру пріятно было видѣть Наташу, съ которою онъ былъ очень друженъ. Впрочемъ съ кѣмъ не былъ друженъ этотъ добрый, ласковый человѣкъ? Въ тоже самое время въ ложѣ Эленъ

послышался мужской голосъ. Обернувшись туда, Наташа встрѣтила веселый взглядъ Анатоля и нашла, что братъ Эленъ просто красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Началось второе дѣйствіе; Анатоль ушелъ изъ ложи сестры въ партеръ, но, казалось, не хотѣлъ ни слышать, ни видѣть того, что̀ происходило на сценѣ. Все его вниманіе поглощено было молодою Ростовой. Онъ все время, почти не сводя глазъ, любовался ею, и Наташѣ было весьма пріятно, что этотъ красивый молодой человѣкъ такъ обворожен ею. Она и подумать не могла, чтобы на умѣ у него было что нибудь недоброе. Но вотъ второе дѣйствіе кончилось, Эленъ обернулась къ ложѣ Ростовыхъ, перчаткой поманила къ себѣ стараго графа и просила его познакомить ее съ барышнями. «Весь городъ про нихъ кричитъ, сказала она, а я ихъ не знаю». Наташа раскланялась графинѣ съ какимъ-то сладостнымъ смущеніемъ. Она даже покраснѣла отъ внутренняго радостнаго чувства, услыхавъ столь лестную похвалу себѣ изъ устъ этой пышной красавицы. Она была въ полномъ смыслѣ слова свѣтская женщина и умѣла въ разговорѣ сказать каждому любезность. Она очень хорошо знала, что Наташа влюблена въ Андрея Болконскаго, и потому, заговоривъ о семьѣ стараго князя, сдѣлала особаго рода удареніе на имени Андрея. Въ заключеніе она попросила у графа Ростова позволенія, для большей короткости знакомства, перейти одной изъ барышенъ въ ея ложу и пробыть тамъ до конца спектакля. Наташа поняла, что дѣло идетъ главнымъ образомъ о ней, потому что съ подругой ея, Соней, графиня Безухая не успѣла почти ни слова сказать. Началось третье дѣйствіе, въ которомъ отличался въ танцахъ Дюпоръ, любимецъ тогдашней публики, получавшій въ годъ отъ дирекціи 60.000 рублей за свое искусство. На этотъ разъ, подъ вліяніемъ новыхъ пріятныхъ знакомствъ, Наташѣ уже ничто происходившее на сценѣ

не казалось страннымъ. Она всѣмъ была довольна, все находила въ порядкѣ вещей. По окончаніи третьяго дѣйствія Эленъ спросила, разумѣется, по французски: «Не правда ли, что Дюпоръ восхитителенъ?»

«О, да!» отвѣчала Наташа. Вслѣдъ за тѣмъ дверь ихъ ложи отворилась, и вошелъ братъ Эленъ, красавецъ Анатоль, котораго свѣтская Эленъ ловко представила своей новой подругѣ. Наташа съ своей стороны почла долгомъ любезно поклониться и улыбнуться ему. Онъ отвѣчалъ и на слова сестры, и на улыбку Наташи вѣжливымъ поклономъ и сказалъ, садясь подлѣ нея, что давно желалъ имѣть это удовольствіе, видѣвъ ее разъ только на балу въ Петербургѣ. Замѣчательно, что въ дамскомъ обществѣ недалекій, хотя и красивый Курагинъ какъ будто умнѣлъ, былъ гораздо развязнѣе. Такое замѣчаніе дѣлаетъ про него авторъ романа. Мы съ своей стороны думаемъ, что если это и такъ, то во всякомъ случаѣ тутъ вовсе нѣтъ ничего лестнаго для дамскаго общества тогдашняго времени. Пустой и лишній почти въ кругу болѣе образованныхъ мужчинъ, Курагинъ, разумѣется, не могъ перемѣниться къ лучшему и въ дамскомъ обществѣ, а наоборотъ — это послѣднее общество больше было по плечу ему. Говорить пустыя любезности и комплименты дамамъ несравненно легче, чѣмъ вести сколько нибудь дѣльный разговоръ.

Наташа была съ своей стороны очарована имъ, но она почему-то стала бояться его взгляда. Она чувствовала, что между ею и этимъ красивымъ адъютантомъ какъ-то вдругъ, неожиданно произошло невольное и страшное для нея сближеніе, Она и сама не знала, какъ это такъ случилось, и напрасно искала разрѣшенія во взорахъ отца и Элепъ. Послѣдніе не знали ея мыслей и чувствъ и заняты были совершенно посторонними предметами, да если бы и знали, то едвали могли бы оказать ей помощь, а между тѣмъ Анатоль по прежнему сидѣлъ подлѣ нея, и каждый

разъ, когда она оборачивалась къ нему, она встрѣчала веселый взглядъ его, пристально устремленный на нее. Онъ былъ по прежнему смѣлъ и развязенъ, пустился даже въ комплименты. Когда она спросила его, какъ ему нравится Москва, онъ отвѣчалъ съ улыбкою:—«Сначала мнѣ мало нравилась, потому что—что̀ дѣлаетъ городъ пріятнымъ, это хорошенькія женщины, не правда ли? Ну а теперь очень нравится», сказалъ онъ, значительно глядя на нее, потомъ продолжалъ въ томъ же тонѣ: «Поѣдете на карусель, графиня? Поѣзжайте!» Съ этими словами онъ протянулъ руку къ ея букету и прибавилъ, понизивъ голосъ, по французски: «Вы будете самая хорошенькая. Поѣзжайте, милая графиня, и въ залогъ дайте мнѣ этотъ цвѣтокъ.» Сказано это было такъ тихо, что Наташа ничего не слыхала, но по тону и по взгляду говорившаго догадалась, что было въ его словахъ что-то неприличное, нечистое. Она тотчасъ отвернулась, но въ туже минуту въ ней шевельнулась мысль, какъ бы этимъ не сконфузить, не обидѣть его. Вѣдь можно и ошибиться въ догадкѣ: легко возможно, что онъ дурныхъ помысловъ не имѣлъ. Она невольно оглянулась и была даже рада примириться сама съ собою, встрѣтивъ его ласковый и добродушный взглядъ. На улыбку его она отвѣтила столь же привѣтливою улыбкою, и въ тоже мгновеніе снова съ ужасомъ подумала о той роковой близости, которая возникла между ею и имъ. Къ счастію Анатоль, какъ бы догадавшись о ея смущеніи, произведенномъ его близкимъ сосѣдствомъ, ушелъ изъ сестриной ложи въ концѣ слѣдующаго дѣйствія; но ни это, ни возвращеніе Наташи въ отцовскую ложу не могли уже спасти ее отъ того опасно-чарующаго вліянія, которое съумѣлъ произвести на нее пустой, вѣтренный, но необыкновенно красивый и любезный братъ Эленъ. Мысль объ этомъ новомъ обожателѣ, заронившемъ роковую искру въ ея сердце, до того овладѣла ею, что она забыла и о князѣ

Андреѣ, и о сестрѣ его. Всѣ эти лица отошли въ какую-то туманную, невѣдомую даль. Надъ ея душою взошло новое блестящее свѣтило, которое лучами своими затмило все: и прошедшее, и настоящее. Послѣдняго дѣйствія она почти не замѣтила, потому что взоры ея были направлены въ ту сторону, гдѣ находился онъ, все вниманіе ея было занято имъ. На подъѣздѣ, по окончаніи спектакля, когда подали карету Ростовыхъ, Анатоль подошелъ къ нимъ и сталъ помогать имъ садиться, а когда подсаживалъ Наташу, то пожалъ ей руку выше локтя. Это сильно взволновало бѣдную дѣвушку, такъ что она посмотрѣла на него съ необычайнымъ смущеніемъ. Но ему ли, пустѣйшему изъ ловеласовъ, замѣтить это смущеніе и понять его? Онъ весело и нѣжно взглянулъ на нее и откланялся.

Читатель, надѣемся, искренно пожалѣетъ вмѣстѣ съ нами о бѣдняжкѣ Наташѣ, которая, по своей неопытности и женской слабости, поддалась ухаживаньямъ такого пустаго юноши, какимъ былъ Анатоль Курагинъ. Ухаживанье было его любимымъ занятіемъ, его спеціальностью, и не родило въ немъ никакихъ нравственныхъ вопросовъ. Онъ ухаживалъ изъ пустаго самолюбія, изъ жажды новизны, приключеній и при этомъ легкомысленно хвастался своими побѣдами въ кругу молодежи, столь же пустой и глупой, какъ и онъ. Высшей, болѣе серьезной цѣли онъ, вѣроятно, не имѣлъ и на этотъ разъ. А между тѣмъ его глупыя любезности и бездушная красота вызвали цѣлую бурю въ душѣ слабенькой, хотя и умненькой Наташи. Дома она ясно обдумала все, что́ произошло въ театрѣ, въ ужасѣ убѣжала отъ чаю и долго сидѣла у себя въ комнатѣ въ страшномъ волненіи. «Боже мой! Я погибла! говорила она себѣ. Какъ я могла допустить до этого?» Сказать свое горе подругѣ Сонѣ она не могла: та или не поняла бы ея, или, понявъ, пришла бы въ ужасъ и ничего не разрѣшила бы ей, ничѣмъ бы не облегчила ея страданій. Ей одно

только ясно стало, что въ ней идетъ внутренняя борьба между чувствомъ любви къ князю Андрею и какимъ-то новымъ, страннымъ, пока еще не совсѣмъ понятнымъ ей чувствомъ, которому она не могла и не смѣла дать опредѣленнаго имени, а противиться тоже была не въ силахъ. Ее мучило тайное сознаніе, что вся непорочность любви ея къ князю Андрею погибла, смѣшавшись съ чувствами инаго, чуждаго порядка. При этомъ она снова невольно припоминала Анатоля и весь разговоръ съ нимъ и напрасно старалась успокоить себя тою мыслію, что пока еще она не сказала и не сдѣлала ничего дурнаго, а впередъ Анатоля постарается не видать и все забудется. Она еще, бѣдняжка, не знала, чего стоитъ человѣку иногда эта душевная борьба и до какихъ она иногда доводитъ послѣдствій.

Здѣсь мы должны замѣтить, что авторъ разсматриваемаго нами романа съ необычайнымъ мастерствомъ анализировалъ душевное состояніе одной изъ своихъ героинь. Такого глубокаго анализа любовныхъ мукъ мы давно не встрѣчали въ нашей литературѣ и думаемъ, что разсказанное нами вкратцѣ мѣсто изъ «Войны и Мира» не уступитъ лучшимъ сценамъ въ томъ же родѣ въ романахъ гг. Гончарова и Тургенева.

VIII.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ и посмотримъ, какимъ образомъ Анатоль очутился въ Москвѣ изъ Петербурга и почему отецъ его, человѣкъ заботливый о дѣтяхъ, желавшій составить имъ карьеру, былъ сильно недоволенъ Анатолемъ. Молодой Курагинъ кутилъ въ Петербургѣ, какъ говорится, взапуски, проматывалъ много денегъ и дѣлалъ долги, которые отецъ долженъ былъ платить. Думая исправить его, онъ заплатилъ опять его долги и рѣшился проводить его

въ Москву, выхлопоталъ ему должность адъютанта у московскаго главнокомандующаго и желалъ, чтобы онъ составилъ себѣ хорошую партію въ древней столицѣ, указавъ ему на княжну Марью и на Жюли Курагину. Пріѣхавъ въ Москву, Анатоль остановился у Пьера, съ которымъ былъ и теперь близокъ, хотя и не такъ какъ прежде. Пьеръ рѣдко предавался кутежамъ съ одного памятнаго ему роковаго вечера, надѣлавшаго столько скандала, а Анатоль остался прежней забубенной головушкой, кутилъ цѣлыя ночи на пролетъ. Другая страсть его были женщины, за которыми онъ ухаживалъ неотвязно и имѣлъ, какъ разсказывали, нѣсколько интригъ съ московскими барынями. Но съ барышнями, а особенно съ знатными и богатыми, онъ сближаться боялся; ключъ этой тайны заключался въ томъ, что онъ два года тому назадъ долженъ былъ по неволѣ жениться на дочери одного небогатаго польскаго помѣщика, когда онъ стоялъ съ своимъ полкомъ въ Польшѣ. Про это знали только самые близкіе его друзья. Замужнихъ же ему бояться было нечего: за ними то онъ и ухаживалъ, посѣщая всѣ балы и вечера. А чтобъ свободнѣе ему было ухаживать и вообще не желая стѣснять себя ничѣмъ, онъ высылалъ тестю деньги, по условію, чѣмъ и купилъ себѣ право считаться холостякомъ. Анатоль, если хотите, былъ человѣкъ не дурной, добродушный, даже добрый: онъ готовъ былъ помочь всякому, кто нуждался. Но умственный, а слѣдовательно и нравственный горизонтъ его былъ крайне узокъ, такъ что онъ не могъ строго взвѣсить своихъ поступковъ и не могъ найдти въ своемъ поведеніи ничего дурнаго. Ему казалось, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, такъ созданъ и такъ поставленъ въ свѣтѣ, что ему больше ничего не предстоитъ дѣлать, какъ кутить и волочиться. Авторъ «Войны и Мира» правду говоритъ, что «у кутилъ, у этихъ мужскихъ магдалинъ, есть тайное чувство сознанія невинности, такое же, какъ и у магдалинъ-женщинъ,

основанное на той же надеждѣ прощенія..... Ей все простится, потому что она много любила, и ему все простится, потому что онъ много веселился.» Вотъ ихъ девизъ.

Изъ друзей своихъ Анатоль больше всего близокъ былъ съ Долоховымъ, котораго онъ уважалъ за умъ и удальство. Долохову нужны были—имя и связи молодаго Курагина для особыхъ цѣлей: онъ былъ отъявленный игрокъ и хотѣлъ съ помощью Анатоля привлечь въ свою компанію богатую молодежь. Анатоль не замѣчалъ того, что былъ игрушкою чужой воли, а Долохову, кромѣ корыстныхъ видовъ, доставляло большое наслажденіе по своему желанію играть волею другаго лица.

Наташа обворожила Курагина такъ, что онъ былъ отъ нея въ восторгѣ, хотя восторгъ этотъ, какъ и слѣдовало того ожидать, былъ чисто чувственный. Онъ расхваливалъ Долохову ея лицо, плечи, руки и рѣшился приволокнуться за нею. Но на этотъ разъ въ немъ, дѣйствительно, пробудилось что-то въ родѣ страсти, такъ что онъ рискнулъ измѣнить своему коренному правилу не ухаживать за богатыми невѣстами. Свое желаніе не шутя пріударить за молодой Ростовой онъ и сообщилъ своему закадычному другу. Тотъ предостерегалъ его, какъ бы опять не попасться въ такія же тиски, въ какія онъ попался въ Польшѣ. Но что значило для Анатоля какое угодно предостереженіе? Развѣ онъ могъ о чемъ нибудь серьезно думать? Онъ напрямикъ объявилъ, что обожаетъ маленькихъ дѣвочекъ: «сейчасъ потеряется», говорилъ онъ. Ему нравилась эта легкость побѣды, эта безотвѣтность жертвы. Будь онъ поумнѣе, онъ иначе посмотрѣлъ бы на это. Да гдѣ же взять ума то? Онъ на все смотрѣлъ шутя: когда собесѣдникъ замѣтилъ ему, что онъ разъ уже попался, то Курагинъ сказалъ съ добродушнымъ смѣхомъ: «Ну, ужъ два раза нельзя!»

Наташа, такъ некстати познакомившаяся съ Анатолемъ, не такъ легко переносила впечатлѣніе, произведенное на

нее Анатолемъ. Она была сама не своя. На другой день послѣ театра Марья Дмитріевна все время что-то такое говорила съ старымъ графомъ. «Вѣроятно, все про князя», догадывалась Наташа, и это волновало ее. Съ другой стороны она съ минуты на минуту ждала князя Андрея, безъ котораго теперь ей почему-то стало больно. Она уже не чаяла никогда дождаться его, потому что, казалось ей, это такое счастье, котораго она не стóитъ. Раньше его пріѣзда, она была увѣрена, съ нею случится что нибудь нехорошее. И мысли ея переносились къ княжнѣ Марьѣ, къ отцу ея, потомъ она вспоминала о прошломъ спектаклѣ и объ Анатолѣ, и опять она старалась припомнить все до малѣйшихъ подробностей, рѣшая мучительный вопросъ, по прежнему ли она непорочная любимица и невѣста князя Андрея, или уже не смѣетъ назвать себя этими столь лестными именами? Что, если послѣднее? Эти мысли тревожили Наташу, но она никому не высказывалась. Могла бы она, конечно, повѣрить свое горе доброй, любящей матери, да на бѣду ея въ Москвѣ не было: она осталась, какъ мы знаемъ, больная въ деревнѣ.

Въ воскресенье Марья Дмитріевна было у обѣдни у Успенья на Могильцахъ, въ своемъ приходѣ. Она говорила, что не любитъ модныхъ церквей и что молиться Богу вездѣ все равно. Праздники Марья Дмитріевна любила проводить какъ слѣдуетъ: къ воскресенью напримѣръ все въ домѣ мылось и чистилось, а въ самое воскресенье всѣ, не исключая и прислуги, шли въ церковь. Для праздниковъ готовилось особое кушанье и для людей, всѣ наряжались. Самое лицо Марьи Дмитріевны, обыкновенно простое, на этотъ разъ принимало торжественное выраженіе.

Послѣ обѣдни Марья Дмитріевна отправилась къ старику Болконскому, а къ Наташѣ модистка принесла новыя платья. Только было барышня занялась примѣриваніемъ обновокъ, какъ услыхала въ гостиной голосъ отца и другой, женскій, отъ

котораго она смутилась. Гостья—то была Эленъ—не стала дожидаться выхода Наташи, а прямо вошла въ ея комнату. Наташа, еще не привыкшая къ свѣтскимъ обычаямъ, сначала было сконфузилась. Но графиня Безухая такъ любезно и просто просила графа привезти къ ней своихъ красавицъ, такъ какъ у ней — кстати — сегодня вечеромъ будетъ небольшое общество и будетъ читать стихи актриса, m-lle Georges. Графиня такъ наивно восхищалась красотой Наташи, такъ любезно похвалила ея платье, что Наташа развеселилась и забыла все. Но не забудемъ, что Эленъ была вовсе не умна и столь же легкомысленна въ своихъ взглядахъ на жизнь, чтобы не сказать болѣе, какъ и братъ ея. Уѣзжая, она отозвала въ сторону свою новую подругу, передъ которой разъигрывала роль покровительницы, и сказала ей: «Вчера братъ обѣдалъ у меня — мы помирали со смѣху — ничего не ѣстъ и вздыхаетъ по васъ, моя прелесть. Онъ безъ ума, ну просто безъ ума отъ васъ, моя милая.... Непремѣнно пріѣзжайте!» Все это было сказано полушутя, вовсе безъ дурнаго умысла, но очень дурно подѣйствовало на Наташу. Изъ словъ Эленъ она вывела, что она знаетъ ея положеніе и ведетъ себя такъ,—что и Пьеръ, этотъ честный, искренній Пьеръ, котораго она такъ уважала, смѣялся надъ этимъ! Но эта мысль слегка лишь мелькнула въ умѣ Наташи и испарилась. Къ обѣду воротилась хозяйка, серьезная и молчаливая, чѣмъ то недовольная: вѣрно, съ княземъ у нея былъ крупный разговоръ. Но она говорила, что все хорошо, что она послѣ все сообщитъ. А когда ей разсказали о томъ, что у нихъ была Эленъ, даже приглашала на вечеръ, то она была недовольна, впрочемъ сказала Наташѣ, что ей надобно ѣхать къ графинѣ, если ужъ она обѣщала.

Вечеромъ старый графъ поѣхалъ съ дѣвицами къ Эленъ, у которой они нашли большое, почти незнакомое имъ общество. Ростовъ былъ непріятно пораженъ, замѣтивъ, что все

это люди не отличающіеся скромностью нравовъ. Онъ рѣшился немножко побыть, сдѣлать честь хозяйкѣ и уѣхать. Анатоль первый встрѣтилъ Наташу и повелъ ее къ сестрѣ. Эленъ приняла ее съ восторгомъ, по ея словамъ, не знала, какъ на нее налюбоваться. Отецъ все время зорко слѣдилъ за дочерью, и когда всѣ начали усаживаться въ залѣ на ряды разставленныхъ стульевъ, чтобы слушать декламацію m-lle Georges, то графъ сѣлъ рядомъ съ дочерью, чтобы не дать занять этого мѣста Анатолю, въ которомъ онъ замѣтилъ подобное поползновеніе.

M-lle Georges, скорчивъ важную мину, продекламировала какіе то французскіе стихи, нѣсколько нескромнаго содержанія: въ нихъ говорилось о ея преступной любви къ своему сыну. Декламація была чисто въ духѣ французской ложно классической школы, натянутая, искуственная. — Когда актриса прочла стихи, со всѣхъ сторонъ раздались восторженныя похвалы. Но все происходившее и на этотъ разъ было непонятно для Наташи; она даже ничего не слыхала; она снова находилась въ томъ странномъ мірѣ, гдѣ грань между добромъ и зломъ была такъ неопредѣленна, что переступить ее было очень легко. Она вся была въ какомъ-то тревожномъ, трепетномъ ожиданіи, зная, что сзади ея сидитъ Анатоль.

Послѣ перваго монолога всѣ встали благодарить m-lle Georges, и отецъ Наташи былъ увлеченъ общимъ потокомъ—всталъ и пошелъ за толпою. Этимъ случаемъ поспѣшилъ воспользоваться Анатоль, чтобы сказать его дочери нѣсколько любезныхъ пошлостей. Услышавъ слова ея, что m-lle Georges *очень хороша*, сказанныя отцу еще до его ухода, Анатоль подхватилъ ихъ и сказалъ: «Я не нахожу этого, глядя на васъ.... Вы прелестны.... съ той минуты, какъ я увидалъ васъ, я не переставалъ..!! Но въ эту минуту графъ воротился и увелъ дочь за собою, вѣроятно, замѣтивъ дерзость молодаго Курагина. Онъ хотѣлъ даже уѣхать, но

стался снисходя усиленнымъ упрашиваньямъ Эленъ, которая говорила, что этимъ онъ рѣшительно испортитъ ея вечеръ. Здѣсь опять таки разумѣлась Наташа, а самъ графъ, разумѣется, служилъ въ данномъ случаѣ не больше какъ вспомогательнымъ колесомъ, пускаемымъ чужою рукою: его оставляли потому, что дочери нельзя остаться одной. Если бы графъ Ростовъ былъ подогадливѣе, то онъ смекнулъ бы, что все это клонится къ тому, чтобы сблизить его дочь съ Анатолемъ.

Все общество, собравшееся у графини Безуховой, отправилось въ залу; начались танцы. Братъ хозяйки только почти и танцовалъ что съ Наташей. Во время вальса онъ сказалъ ей, что она обворожительна, что онъ любитъ ее, то и дѣло жалъ ей руку. Она долго ничего не говорила ему, наконецъ высказалась. Она просила его не говорить ей такихъ вещей, какія онъ себѣ позволялъ, потому что она обручена и любитъ другаго. Но Анатоль былъ не изъ такихъ, которые бы смущались подобными рѣчами. Онъ смотрѣлъ на нее съ какой-то самоувѣренной нѣжностью и напрямикъ обьявилъ, что ему до этого и дѣла нѣтъ никакого, что онъ безумно влюбленъ въ нее и вовсе не его вина, что Наташа обладаетъ такими прелестями, противъ которыхъ устоять нѣтъ никакой возможности. Послѣ этого у молодой графини окончательно закружилась голова. Она не понимала, гдѣ она и что дѣлаетъ, и танцовала безъ умолку. Было уже поздно; отецъ желалъ уѣхать, но она сама попросила его остаться. Когда она ходила въ уборную оправить платье, то Эленъ съумѣла устроить такъ, что Анатоль встрѣтилъ ее въ маленькой диванной, гдѣ они и остались вдвоемъ. Взявъ ее за руку, онъ снова признался ей въ страстной любви, и она помнила, что чьи-то горячіи губы прикоснулись къ ея губамъ. Потомъ въ комнатѣ послышался шорохъ платья, прошла Эленъ, на которую Наташа, смущенная, вся трепещущая, оглянулась съ испугомъ и направилась къ двери.—

«Одно слово, только одно, ради Бога», говорилъ Анатоль. Она остановилась, желая услышать это слово, но не услыхала его. Къ нимъ подошла Элень, вмѣстѣ съ которою Наташа и вышла въ гостиную. Ужина Ростовы не стали дожидаться и уѣхали домой.

Бѣдная, еще болѣе жалкая Наташа! Прежняя мучительная борьба не утихла, а поднялась съ новой силой, даже склонилась въ роковую сторону. Ей ясно стало, что она любила Анатоля, хотя не больше, чѣмъ князя Андрея, но любила и отвѣчала на его улыбку улыбкою. «Сердце сердцу вѣсть подаетъ, думала она, и если я полюбила его съ первой минуты, то изъ этого выходитъ, что онъ добръ, благороденъ и прекрасенъ, и его нельзя не полюбить.» Но тутъ она невольно задавала себѣ новый, страшный, неразрѣшимый вопросъ: «Что мнѣ дѣлать, когда я люблю другаго?» Наташа всю ночь почти не сомкнула глазъ, мучилась этимъ грознымъ вопросомъ.

Утромъ Наташа, не смотря на душевную тревогу, терзавшую ее, хотѣла казаться совершенно спокойною. Послѣ завтрака Марья Дмитріевна, любившая именно въ это время дѣлать всѣ важныя дѣла, подозвала къ себѣ Наташу и отца ея и сообщила имъ результатъ вчерашняго посѣщенія, а потомъ дала совѣтъ и относительно будущаго. Князь, изволите ли видѣть, вздумалъ кричать на нее, да и она не промахъ! И она таки ему напѣла. По ея мнѣнію, пока надобно, поустроившись съ дѣлами, ѣхать въ Отрадное (имѣніе графа) и дожидаться тамъ пріѣзда князя Андрея. Наташѣ такой совѣтъ былъ не по душѣ — извѣстно почему, съ сожалѣніемъ должны мы сказать, — такъ что она на совѣтъ Ахросимовой отозвалась невольнымъ восклицаніемъ: — «ахъ, нѣтъ!»

— «Нѣтъ, ѣхать, сказала Марья Дмитріевна, и тамъ ждать,» потому что если женихъ пріѣдетъ когда невѣста въ Москвѣ, то непремѣнно выдетъ ссора, а одинъ онъ лучше

все устроитъ. Съ этимъ согласился и старикъ графъ, прибавивъ отъ себя, что въ крайнемъ случаѣ, если старый князь не согласится, противъ его воли можно будетъ устроить свадьбу только въ Отрадномъ. Итакъ, рѣшено было ѣхать въ Отрадное. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марья Дмитріевна передала Наташѣ письмо отъ княжны Марьи. Посмотримъ, что̀ было въ этомъ письмѣ. Новая подруга извинялась за недоразумѣніе, происшедшее между ними, просила ее вѣрить ея родственной любви къ ней. Просила также не быть взыскательною къ отцу, человѣку старому и больному, который впрочемъ добръ и не можетъ не любить той, съ которой сынъ его будетъ счастливъ. Въ заключеніе княжна просила Наташу назначить время, когда бы имъ можно было видѣться и поговорить.

Въ отвѣтъ на это письмо Наташа не могла придумать ни одного слова послѣ всего того, что̀ произошло вчера. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, отказать князю Андрею, а нагло лгать она не рѣшалась. Она чувствовала, что любитъ князя Андрея, но и Анатоля тоже, а выбрать кого либо изъ нихъ одного она не рѣшалась. Она могла бы быть счастлива съ ними съ обоими, но ктожъ не знаетъ, что всякая любовь требуетъ исключительности? Съ кѣмъ же изъ нихъ разстаться и достанетъ ли силъ разстаться?

Въ то время, какъ Наташа мучилась надъ разрѣшеніемъ этого страшнаго для нея вопроса, вошла горничная и съ таинственнымъ видомъ подала ей письмо, принесенное, по ея словамъ, однимъ человѣкомъ. Читатель, вѣроятно, догадался, что это было письмо отъ Анатоля. Да, это письмо сочинилъ для Анатоля Долоховъ, неизмѣнный наперсникъ его тайнъ. Содержаніе его заключалось въ томъ, что Анатоль страстно ее любитъ и не можетъ безъ нея жить. Ему извѣстно, что выдти за мужъ она за него не рѣшилась бы, извѣстно также почему, но если она согласна соединить свою судьбу съ его судьбою, то ихъ общее счастіе можно устроить. Онъ

увезетъ ее отъ родныхъ. Письмо это такъ заняло Наташу, что она перечитывала его по нѣскольку разъ. Подруга ея Соня была вечеромъ въ гостяхъ и вернулась домой поздно. Войдя въ комнату Наташи, она удивилась, увидя, что она спитъ на диванѣ одѣвшись. Посланіе Анатоля лежало распечатанное на столѣ. Соня взяла его и стала читать, по временамъ взглядывая на спящую кузину, но лицо послѣдней было спокойно и счастливо. Прочитавъ письмо, Соня поблѣднѣла, задрожала и залилась слезами. Ей досадно было за Наташу, что она могла полюбить такого негодяя. Но, можетъ быть, думала дѣвушка, она его и не любитъ. Можетъ быть, она распечатала это письмо, не зная отъ кого оно, по дѣтски утѣшала себя Соня. Но утѣшеніе это вскорѣ было разрушено самою Наташею, которая, проснувшись и узнавъ, что ея подруга прочла посланіе отъ Анатоля, объяснила напрямикъ, въ чемъ дѣло. Соня не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ и во всѣ глаза глядѣла на Кузину,—такъ все это для нея было неожиданно и странно. Какъ могла Наташа разлюбить Болконскаго, промѣнять его на Анатоля, и все это въ какіе нибудь три дня! Наташа возразила на это, что до сихъ поръ она не знала, что̀ такое любовь: вѣдь она дѣлаетъ женщину рабою любимаго человѣка, такъ что послѣдняя теряетъ всякую волю. Она уговорила Соню никому не разсказывать про эту интригу, иначе клялась возненавидѣть ее, какъ лиходѣйку, и такъ разжалобила чувствительную дѣвушку своимъ положеніемъ, что та расплакалась и просила, по крайней мѣрѣ, разсказать ей, какъ все это случилось, отчего Анатоль не ѣздитъ къ нимъ, не сдѣлаетъ предложенія, какъ сдѣлалъ князь Андрей. Нѣтъ-ли какихъ-либо *тайныхъ причинъ* на все это? Наташу сначала поразило это замѣчаніе своею основательностію, потомъ она стала увѣрять Соню въ томъ, что Анатолю нельзя не вѣрить, что хоть онъ и дѣлаетъ все тайкомъ, но онъ честный человѣкъ и ей безъ него

жить нельзя. Напрасно Соня убѣждала Наташу вспомнить объ отцѣ, о братѣ; послѣдняя напрямикъ объявила, что въ такомъ случаѣ она никого не любитъ, кромѣ Анатоля, и никто не смѣетъ въ немъ сомнѣваться. Въ заключеніе она прогнала Соню, и та убѣжала отъ нея въ слезахъ.

Въ состояніи любовнаго раздраженія, въ которомъ теперь была Наташа, ей легко было написать отвѣтъ на письмо княжны Марьи, надъ которымъ она мучилась цѣлое утро. Она объяснила, что князь Андрей, уѣзжая, далъ ей полную свободу, — поэтому теперь она проситъ считать все конченнымъ, такъ какъ она больше не можетъ любить его.

Графъ отправился съ покупщикомъ въ свою подмосковную. Въ тотъ же самый день Марья Дмитріевна поѣхала съ дѣвицами къ Курагинымъ на званый обѣдъ. До обѣда Наташа говорила что-то съ Анатолемъ, и этотъ разговоръ произвелъ въ ней замѣтное волненіе. Дома Наташа передала подругѣ въ короткихъ словахъ содержаніе своего разговора съ Курагинымъ. Анатоль разспрашивалъ ее объ обѣщаніи, данномъ Болконскому, и былъ очень радъ, когда узналъ, что Наташа имѣетъ право взять свое слово назадъ. Тонъ рѣчи ея былъ нѣжный, какъ бы заискивающій, но Соню мало это тѣшило. Она больше обращала вниманіе на смыслъ. «Чѣмъ размягченнѣе и искательнѣе было выраженіе лица Наташи, говоритъ графъ Толстой, тѣмъ серьезнѣе и строже было лицо Сони.» Кузина никакъ не хотѣла ни понять, ни допустить предполагавшейся возможности отказа князю Андрею, боялась за Наташу, что она погубитъ себя. Но та объявила, что никому до этого дѣла нѣтъ, что за такія слова она ненавидитъ ее—и вышла изъ комнаты. Она съ ней больше не говорила, но съ этой минуты любящая и осторожная Соня стала за нею наблюдать. Она замѣтила, что наканунѣ пріѣзда графа изъ деревни Наташа цѣлое утро сидѣла у

окна въ гостиной, будто чего ждала, и дѣлала какіе-то жесты какому-то ѣхавшему военному, сильно смахивавшему на Анатоля. Она стала еще зорче слѣдить за нею, видѣла, что къ вечеру она стала что-то особенно разсѣянна и задумчива, отвѣчаетъ не впопадъ, не помнитъ, что́ говоритъ, смѣется безъ толку. Ей удалось подслушать у Наташиной двери, какъ горничная передавала ей письмо. Сообразивъ все это, она пришла къ заключенію, что кузина ея вечеромъ затѣваетъ что-то опасное. Ужъ не бѣжать ли съ Анатолемъ? Пожалуй: она плакала, прощаясь съ графомъ. Что же дѣлать? Отца нѣтъ. Анатолю писать напрасно. Написать Пьеру, къ которому князь Андрей совѣтовалъ обращаться въ послѣднее время? Да не поздно ли? Можетъ быть, Наташа уже отказала Болконскому? Марьѣ Дмитріевнѣ сказать страшно. А надобно спасти кузину.—И съ этими мыслями она остановилась въ темномъ корридорѣ.

Опасенія Сони были не напрасны. Анатоль, дѣйствительно, рѣшился похитить Наташу, и планъ этого похищенія былъ обдуманъ Долоховымъ, къ которому въ это время переселился Анатоль. Онъ предполагался къ исполненію въ тотъ самый день, когда Соня стала въ корридорѣ. Наташа должна была выдти къ Курагину на заднее крыльцо, недалеко отъ котораго будетъ стоять тройка. Наташа поѣдетъ верстъ за 60 отъ Москвы, въ село Каменку, гдѣ разстриженный попъ обвѣнчаетъ ихъ съ Анатолемъ, а оттуда молодые уѣдутъ за границу; и паспорты, и деньги для этой поѣздки у Анатоля были готовы.

Посмотримъ теперь, какъ ведетъ и держитъ себя Анатоль въ эту рѣшительную для него минуту жизни. Да ничего особеннаго. Онъ все такъ же самоувѣренъ и легкомысленъ. Всѣмъ за него распоряжался Долоховъ, которому какъ видно, доставляетъ большое удовольствіе устроивать судьбу человѣка близкаго. Но, какъ человѣкъ неглупый, онъ уговариваетъ Анатоля—бросить все это, пока еще есть

время. «Дѣло опасное, говоритъ онъ, и, если разобрать, глупое. Ну, ты и увезешь, хорошо. Развѣ это такъ оставятъ? Узнается дѣло, что ты женатъ. Вѣдь тебя подъ уголовный судъ подведутъ....» Кажется, чего резоннѣе. Но на Анатоля резоны теперь не могли дѣйствовать. Во всемъ этомъ похожденіи онъ видѣлъ только—молодечество, торжество среди опасностей, а о послѣдствіяхъ нисколько не думалъ. Напрасно Долоховъ представлялъ ему денежный вопросъ: если деньги выдутъ, тогда что? — «Я не знаю что, отвѣчалъ Анатолій.... Ну, что глупости говорить! Пора!»

Дѣйствительно, все было готово, лошади поданы.

Вошелъ лихой ямщикъ Балага, помощникъ, а нѣкоторымъ образомъ и участникъ во всѣхъ ихъ барскихъ проказахъ и кутежахъ. Онъ любилъ искренно этихъ двухъ господъ за удальство и самъ былъ удалый мужикъ. Ему не разъ случалось, скача во всю прыть лошадиную по Москвѣ, задавить прохожаго, но онъ мчался какъ вихрь — и все сходило съ рукъ. Господа тоже любили его, платили щедро, угощали и всегда, когда онъ приходилъ, подавали ему руку и сажали, какъ почетнаго гостя. На этотъ разъ Балага объявилъ, что онъ пріѣхалъ *на звѣрьяхъ*, какъ приказано, и поѣдетъ во всю лошадиную мочь.

Анатоль ѣхалъ, какъ мы знаемъ, за границу, но пока онъ не разставался ни съ кѣмъ изъ присутствовавшихъ (кромѣ Долохова, тутъ было еще двое свидѣтелей). Все-таки онъ, для большаго эффекта, считалъ нужнымъ проститься съ товарищами своей молодости, однимъ словомъ сыграть трогательную и торжественную сцену. При этомъ всѣ, не исключая и ямщика, выпили по стакану, и Анатоль разбилъ свой стаканъ объ землю. Наконецъ всѣ собрались въ дорогу; Долоховъ взялъ у своей любимицы-цыганки и собольій салопъ для Наташи, разумно предполагая, что тамъ въ торопяхъ некому будетъ позаботиться объ этомъ. Нако-

нецъ сѣли всѣ на двѣ молодецкихъ тройки и понеслись внизъ по Никитскому бульвару, оттуда по Арбату, проѣхали два раза по Подновинскому, воротились и остановились у перекрестка Старой Конюшенной. Подходя къ воротамъ дома Ахросимовой, Долоховъ свиснулъ, получилъ въ отвѣтъ тоже свистъ,. и вслѣдъ за тѣмъ выбѣжала горничная. Она просила потихоньку войти въ ворота: барышня сейчасъ выдетъ. Анатоль вошелъ въ ворота, вбѣжалъ на крыльцо—и остановился, какъ громомъ пораженный. Вмѣсто барышни, онъ наткнулся на гигантскаго лакея Ахросимовой, который басомъ пригласилъ его къ барынѣ, загораживая въ тоже время дорогу отъ дверей. А дворникъ въ эго время запиралъ ворота, но Долоховъ помѣшалъ ему это сдѣлать звалъ, онъ Анатоля назадъ, крича: «Измѣна, измѣна!» Анатоля, очевидно, хотѣли задержать, узнавъ о его замыслѣ. Онъ едва могъ отбиться отъ лакея, непускавшаго его ни взадъ, ни впередъ, выбѣжалъ на улицу и уѣхалъ. Но какъ же, однако, все это случилось? спроситъ читатель, судя по характеру боязливой, робкой Сони, нельзя предполагать, чтобы она рѣшилась, быть откровенною передъ Марьей Дмитріевной. Она и не рѣшилась, а стояла заплаканная въ коррндорѣ. Увидавъ ее тамъ, проницательная Марья Дмитріевна пустилась, разумѣется разспрашивать, въ чемъ дѣло, и заставила во-всемъ признаться. Послѣ этого ей удалось перехватить записку Наташи къ Анатолю, изъ которой она узнала въ подробности всѣ нечистыя затѣи молодаго Курагина. Тогда она безъ церемоніи заперла Наташу на ключъ, а людей, которые войдутъ въ ворота, приказала задержать и привести къ себѣ. Мы видѣли, что послѣднее не удалось. Марья Дмитріевна была очень недовольна этимъ, но оставила это безъ вниманія. Вопросъ о Наташѣ былъ серьезнѣе.

Въ 12-мъ часу ночи она отправилась въ ея комнату. Какъ ни была сердита Ахросимова на свою гостью за та-

кую продѣлку, которая, къ счастью, не удалась, но, обдумавъ все, она рѣшилась устроить дѣло такъ, чтобы старый графъ ничего не зналъ. Наташа лежала на диванѣ и рыдала, закрывъ лицо руками. Соня вошла въ ея комнату вмѣстѣ съ хозяйкой. Марья Дмитріевна подняла ея лицо и ужаснулась: «глаза ея были блестящи и сухи, губы поджаты, щеки опустились.» Она, бѣдняжка, мучительно страдала. Неглупая хозяйка поняла это, невольно сжалилась и сначала окликнула Наташу, но та не откликалась. Она объявила Наташѣ, что она не станетъ и говорить ей про ея поступокъ, потому что она сама знаетъ ему цѣну. Но Наташа отвѣтила, что жениху она отказала и, въ какомъ-то странномъ изступленіи, стала бранить тѣхъ, кто помѣшалъ ея похищенію, ея счастью съ Анатолемъ, который лучше всѣхъ ихъ. «Уйдите, уйдите, вы всѣ меня ненавидите, презираете!» закричала она и снова упала на диванъ. Марья Дмитріевна просила ее успокоиться, забыть все, чтобъ ничего никто не зналъ. Наташа ничего не отвѣчала. Она уже не плакала, а вся дрожала. Ее заботливо уложили спать, накрыли потеплѣе, и сама добрая хозяйка принесла ей липоваго цвѣту. Бѣдная дѣвушка притворилась спящею, но не спала цѣлую ночь, а лежала въ какомъ-то состояніи онѣмѣнія, открывъ глаза.

На другой день пріѣхалъ графъ—веселый, довольный тѣмъ, что теперь устроилъ всѣ свои дѣла. Марья Дмитріевна сообщила ему про Наташу, что она было сильно захворала, такъ что доктора призывали, но что теперь ей стало гораздо лучше. Наташа все утро сидѣла въ какомъ-то жару и нетерпѣливо смотрѣла въ окно на проѣзжающихъ. Она чего-то ждала—вѣроятно, вѣсточки отъ Анатоля. Ко всему остальному она стала холодна и безчувственна. Наташа была зла на все и даже не поднялась, когда отецъ вошелъ къ ней. На разспросы его она отвѣчала сухо, что она больна, а когда онъ спросилъ ее, почему она такая

убитая, не случилось ли чего съ женихомъ, она отвѣчала, что все благополучно. Напрасно и хозяйка и Соня старались разъувѣрить стараго графа, что худаго ничего не было; какъ ни мало былъ онъ проницателенъ, но, по унынію дочери и по смущенному виду Марьи Дмитріевны и Сони, догадался, что въ его отсутствіе произошло что-то особенное. Но онъ старался прогнать отъ себя зловѣщія мысли и дурныя предположенія о своей дочери, самъ сталъ увѣрять себя, что ничего не случилось и былъ спокоенъ. Его печалило только одно, что съ больною Наташею нельзя ѣхать въ деревню, какъ бы ему хотѣлось, а надобно дожидаться ея выздоровленія.

Между тѣмъ Марья Дмитріевна рѣшилась посовѣтоваться съ Пьеромъ о дѣлѣ Наташи. Онъ въ это время ѣздилъ въ Тверь ко вдовѣ своего бывшаго благодѣтеля, Іосифа Алексѣевича, и только что ступилъ на порогъ своего дома, какъ ему подали письмо отъ Марьи Дмитріевны, въ которомъ она звала его къ себѣ по весьма важному дѣлу, касающемуся Наташи. Надобно замѣтить, что Пьеру съ нѣкотораго времени стало казаться, что онъ имѣетъ къ этой дѣвицѣ чувство—не одной простой дружбы. А такъ какъ она была невѣста его пріятеля, то онъ, самъ человѣкъ женатый, для большаго успокоенія себя рѣшился ея избѣгать. А судьба какъ нарочно устроивала все наперекоръ ему. Дѣлать нечего, надобно ѣхать однако. И Пьеръ поѣхалъ къ Ахросимовой. Дорогой на Тверскомъ бульварѣ кто-то окликнулъ его. Это былъ Анатоль, по прежнему веселый и беззаботный, какъ будто ничего не случилось. Пьеръ даже позавидовалъ этому всегдашнему веселью: можетъ быть, онъ не такъ бы былъ завистливъ, еслибъ раньше зналъ то, что́ узнаетъ сейчасъ. Пріѣхавъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ, онъ къ удивленію встрѣтился съ Наташею, своею пріятельницею, но та злобно отвернулась отъ него, а сама хозяйка, подъ условіемъ хранить тайну, сообщила Пьеру

всѣ подробности печальнаго и вмѣстѣ позорнаго происшествія, случившагося съ Наташею, и указала на виновника его. Изумленію Пьера не было границъ. Онъ не могъ понять, какъ Наташа могла промѣнять умнаго и благороднаго Андрея на пошлаго дурака и повѣсу—Анатоля. Опять разочарованіе! Еще лишняя печаль—и о князѣ Андреѣ, обманутомъ въ своихъ благородныхъ мечтахъ, и о Наташѣ, которую онъ прежде считалъ такою чистою, такою непорочною и которая вдругъ такъ низко упала! Онъ не зналъ души Наташи, а разсуждалъ такимъ образомъ, припоминая, какъ она нѣсколько минутъ тому назадъ гордо и холодно прошла мимо него по залѣ. Марья Дмитріевна думала было заставить Анатоля жениться на Наташѣ, но и то оказалось невозможнымъ: онъ уже былъ женатъ, какъ сообщилъ Пьеръ. Но и этимъ можно воспользоваться: сказать это Наташѣ, пусть она полюбуется предметомъ своей страсти съ нравственной стороны. Она вѣдь пока еще любила его какъ картинку. Обругавъ какъ слѣдуетъ Анатоля, Марья Дмитріевна приступила къ главному вопросу, для котораго вызвала Пьера. Если это дѣло узнаетъ графъ, или Болконскій, котораго ждали со дня на день, они непремѣнно вызовутъ Анатоля на дуэль и тогда скандалъ неизбѣженъ, а теперь пока ничего никто не знаетъ, и все обойдется. Главное, надобно удалить изъ Москвы Анатоля, и устроить это непремѣнно долженъ Пьеръ, какъ его родственникъ, имѣющій на него вліяніе.

Въ залѣ Пьеръ встрѣтилъ графа. Послѣдній былъ разстроенъ: онъ утромъ узналъ отъ дочери, что она отказала князю Андрею. Соня тоже была сильно разстроена. Она передала Пьеру порученіе Наташи—навѣстить ее. Въ ея же комнатѣ была и Марья Дмитріевна. Она уже успѣла объявить Наташѣ, что Анатоль женатъ, а такъ какъ она не вѣрила этому, то Пьеръ, честный Пьеръ, долженъ былъ разсѣять ея сомнѣнія. Когда онъ вошелъ къ Наташѣ, она

бросила на него строгій вопросительный взглядъ, отъ котораго Пьера покоробило. Онъ понялъ, что она въ этомъ случаѣ жертва, которую онъ долженъ доканать. Пьеръ съ смущеніемъ, нехотя, но долженъ былъ дать ей честное слово, что Анатоль женатъ,—и, послѣ этого, по просьбѣ Наташи Ростовой, всѣ удалились изъ ея комнаты.

Отъ Ахросимовой Пьеръ поѣхалъ отыскивать Анатоля, объѣздилъ всѣ мѣста, гдѣ только могъ быть этотъ повѣса, и наконецъ поѣхалъ въ клубъ. Тамъ онъ съ огорченіемъ узналъ, что слухи о похищеніи Курагиной уже ходятъ по городу. Но Пьеръ постарался увѣрить всѣхъ, кого встрѣчалъ изъ знакомыхъ, что это вздоръ, и, не дождавшись Анотоля и тамъ, поѣхалъ домой. Въ этотъ день одна мысль о шуринѣ такъ измучила бѣднаго Пьера, что онъ забылъ и объ обѣдѣ. Лакей доложилъ ему, что Анатоль Васильевичъ у графини, т. е. у сестры своей. Онъ совѣщался съ нею о томъ, какъ бы устроить свиданіе съ Ростовой. Жена подошла было къ Пьеру съ ласковыми словами, желая расположить его къ провинившемуся Анатолю. Но Пьеръ осадилъ ее горькимъ упрекомъ: «Гдѣ вы, тамъ развратъ, зло». Онъ уже зналъ, какое сильное участіе принимала въ этомъ дѣлѣ его любезная супруга и, не тратя съ нею больше словъ, повелъ Анатоля въ свой кабинетъ и началъ его допрашивать. Сначала Анатоль хотѣлъ поупрямиться, но Пьеръ взбѣсился, схватилъ его за воротникъ, назвалъ мерзавцемъ и такъ напугалъ, что тотъ растерялся. Пользуясь этимъ, Пьеръ отобралъ у него письма Наташи и взялъ съ него честное слово какъ можно скорѣе уѣхать изъ Москвы и никому объ этой гадкой исторіи ни слова. Онъ даже далъ ему денегъ на дорогу. На другой же день молодой Курагинъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Послѣ этого Пьеръ поспѣшилъ сообщить Марьѣ Дмитріевнѣ объ удаленіи Анатоля и тутъ же узналъ съ ужасомъ, что Наташа больна, что, узнавъ о женидьбѣ Анатоля, она достала тихонько мышьяку и приняла его, однако такъ испу-

галась этого, что сейчасъ же объявила Сонѣ, и славу Богу! Теперь она внѣ опасности, потому что приняты всѣ нужныя мѣры, только слаба очень. Послали въ деревню за графинею. Пьеръ видѣлъ и растеряннаго графа, и Соню въ слезахъ.

Въ этотъ день графъ Безухій обѣдалъ въ клубѣ, гдѣ ему снова пришлось играть печальную роль. Слыша ото всѣхъ слухи о похищеніи Ростовой, онъ счелъ своимъ долгомъ увѣрять каждаго, что это вздоръ. и возстановить ея репутацію. При извѣстной намъ правдивости его натуры лгать ему было тяжело и гадко, да дѣлать было нечего.

Пьеръ боялся какъ огня возвращенія князя Андрея. А это-то именно и случилось. Князь прислалъ ему записку съ просьбою навѣстить его. Пьеръ боялся встрѣтить князя такимъ же убитымъ, какъ и его невѣста, и, къ удивленію, услыхалъ изъ гостиной, какъ князь Андрей очень весело разсказывалъ въ кабинетѣ о какой-то Петербургской интригѣ. Княжна Марья встрѣтила Пьера и печально указала жестомъ на дверь кабинета. Этимъ она давала понять, что Андрею все извѣстно, что она сочувствуетъ его горю, но Пьеръ очень хорошо зналъ, что это ложь, что она рада этой разстройкѣ. Князь Андрей весьма измѣнился, поздоровѣлъ, но между бровей явилась поперечная морщина. Въ ту минуту, какъ входилъ Пьеръ, молодой князь спорилъ съ отцемъ на счетъ Сперанскаго, энергически размахивая руками и стараясь этимъ какъ бы подкрѣпить свои доводы, клонившіеся къ защитѣ почтеннаго графа. Онъ остановился, увидавъ Пьера. Тутъ же былъ и князь Мещерскій. При немъ молодой Болконскій могъ перекинуться съ Пьеромъ лишь нѣсколькими незначащими словами, а по отъѣздѣ котораго они пошли въ кабинетъ. Князь Андрей отнесся зло, горько-насмѣшливо къ отказу Ростовой и къ причинамъ его, пожалѣлъ, что она очень больна и отдалъ Пьеру для передачи по принадлежности ея бумаги и пор-

третъ съ пожеланіемъ ей всего лучшаго; ему видимо было обидно и досадно на себя, что онъ такъ жестоко ошибся въ ней. Онъ строго осудилъ ее поступокъ, чуть не назвалъ ее падшею женщиною, притомъ изъ ряда такихъ, которымъ *не прощаютъ*. За обѣдомъ всѣ на видъ были довольны и веселы, говорили о постороннихъ вещахъ и ни слова о Ростовой, какъ будто она перестала существовать. Пьеру навсе это было очень досадно.

Когда Пьеръ поѣхалъ къ Ростовымъ передать порученіе князя Андрея, Наташа пожелала его видѣть, даже одѣлась и вышла въ гостиную. При встрѣчѣ съ нимъ она какъ-то растерялась, стушевалась нравственно, и Пьеру такъ стало жаль ея, что въ душѣ его смолкли всѣ непріятныя чувства къ ней. Она просила Пьера вымолить ей прощеніе у князя Андрея, на руку котораго впрочемъ, теперь она уже не посягаетъ, а только оплакиваетъ свой гадкій поступокъ. Пьеръ обѣщалъ все сдѣлать, желалъ только знать, неужели она когда либо любила.... Онъ не рѣшался назвать Анатоля. Она поняла это, и ей такъ стало горько, что она заплакала. Чувствительный Пьеръ тоже замѣтилъ, что у него на глазахъ проступили слезы.

«Не будемъ больше говорить, мой другъ, сказалъ Пьеръ, я все скажу ему (Андрею), но объ одномъ прошу васъ— считайте меня своимъ другомъ, и ежели вамъ нужна помощь, совѣтъ, просто нужно будетъ излить душу свою кому нибудь—не теперь, а когда у васъ ясно будетъ на душѣ, вспомните обо мнѣ»—Онъ взялъ и поцѣловалъ ея руку. Я счастливъ буду, ежели въ состояніи буду,...» Пьеръ смутился, равно какъ и Наташа, послѣдняя тѣмъ болѣе, что, по ея собственному мнѣнію, она вовсе недостойна такого человѣческаго обращенія. Но Пьеръ высказалъ все свое уваженіе къ ней и объявилъ, что будь онъ красивъ и свободенъ, онъ на колѣняхъ просилъ бы руки ея: такъ онъ ее цѣнитъ. Наташа заплакала слезами благодарности

и умиленія и вышла. Пьеръ тоже одѣлся и выбѣжалъ на улицу.

Послѣ такого страстнаго, восторженнаго разговора съ любимой дѣвушкой (да проститъ намъ Пьеръ эту нескромность!) онъ не рѣшился ѣхать ни въ клубъ, ни въ гости; всѣ люди казались ему мелки и ничтожны послѣ Наташи. Онъ отправился домой. Было морозно, и небо ярко сіяло миріадами звѣздъ. Только на этомъ сіяющемъ небѣ могъ онъ теперь успокоить свои взоры послѣ ничтожества всего земнаго. На этомъ же небѣ увидѣлъ онъ яркую комету 1812 года съ бѣлымъ, поднятымъ кверху хвостомъ. Тогда всѣ думали, что эта комета предвѣщаетъ бѣдствіе. Иначе думалъ Пьеръ и смотрѣлъ на нее со слезами благодарности на глазахъ. Въ ней онъ видѣлъ предвѣстницу новой, лучшей жизни, и пріѣхалъ домой съ сіяющимъ лицомъ.

I.

«Съ конца 1811 года началось усиленное вооруженіе и сосредоточеніе силъ западной Европы, и въ 1812 году силы эти—милліоны людей (считая тѣхъ, которые перевозили и кормили армію), двинулись съ Запада на Востокъ; къ границамъ Россіи, къ которымъ точно также съ 1811 года стягивались силы Россіи». Съ первой половины Іюня начинается ужасная война, но оставимъ поля сраженій, и прослѣдимъ, что дѣлаютъ наши знакомцы пьеръ, Князь Андрей и другіе: «Послѣ свиданья своего въ Москвѣ съ Пьеромъ, Князь Андрей уѣхавъ въ Петербургъ подѣламъ, какъ онъ сказавъ своимъ роднымъ, но въ сущности для того, чтобы встрѣтить тамъ князя Анатоля Курагина, котораго онъ считалъ необходимымъ встрѣтить. Курагина, о которомъ онъ освѣдамился, пріѣхавъ въ Петербургъ, уже тамъ небыло. Пьерь далъ знать своему шурину, что князь Андрей ѣдитъ за нимъ. Анатоль Курагинъ тотчасъ получивъ назначеніе отъ военнаго министра и уѣхавъ въ Молдавскую армію. Въ это же время въ Петербургѣ князь Андрей встрѣтилъ Кутузова, своего прежняго, всегда расположеннаго къ нему, генерала, и Кутузовъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Молдавскую армію, куда старый генералъ назначался главнокомандующимъ. Князь Андрей, получивъ назначеніе состоять при главной квартирѣ, уѣхавъ въ Турцію.

«Князь Андрей считалъ не удобнымъ писать къ Курагину и вызывать его. Не подавъ новаго повода къ дуэли, князь Андрей считалъ вызовъ съ своей стороны компрометирующимъ графиню Ростову, и потому онъ искалъ личной встрѣчи съ Курагинымъ, въ которой онъ намѣренъ былъ найти

новый поводъ къ дуэли. Но въ Турецкой арміи ему также неудалось встрѣтить Курагина, который вскорѣ послѣ пріѣзда князя Андрея въ Турецкую армію вернулся въ Россію». Занимаясь усердно дѣлами службы ему стало жить легче, ибо некогда было думать объ измѣнѣ невѣсты.

«Въ 1812-мъ году, когда до Букарешта (гдѣ два мѣсяца жилъ Кутузовъ, проводя дни и ночи у своей Валашки) дошла вѣсть о войнѣ съ Наполеономъ, князь Андрей попросилъ у Кутузова перевода въ западную армію. Кутузовъ, которому уже надоѣлъ Болконскій своею дѣятельностью, служившій ему упрекомъ въ праздности, Кутузовъ весьма охотно отпустилъ его и далъ ему порученіе къ Барклаю-де-Толли.

По дорогѣ въ Армію князь Андрей заѣхалъ домой къ отцу въ Лысыя Горы. Дома онъ къ удивленію своему замѣтилъ, что его домашніе раздѣлились на два противоположные лагеря, къ первому принадлежали: старый князь, M-le Bourienne и архитекторъ, а ко второму—княжна Марья, Николушка (сынъ князя Андрея), Десаль и всѣ няньки и мамки. «Во время его пребыванія въ Лысыхъ Горахъ, всѣ домашніе обѣдали вмѣстѣ, но всѣмъ было неловко, и князь Андрей чувствовалъ, что онъ гость, для котораго дѣлаютъ исключеніе, что онъ стѣсняетъ всѣхъ своимъ присутствіемъ. Во время перваго дня обѣда князь Андрей, невольно чувствуя это, былъ молчаливъ, и старый князь, замѣтивъ неестественность его состоянія, тоже угрюмо замолчалъ и сейчасъ послѣ обѣда ушелъ къ себѣ. Когда ввечеру князь Андрей пришелъ къ нему и стараясь разшевилить его сталъ разсказывать ему о компаніи молодаго графа Каменскаго, старый князь неожиданно началъ разговоръ съ нимъ о княжнѣ Марьѣ, осуждая ее за суевѣріе, за ея нелюбовь къ M-elle Bourienne которая по его словамъ, была одна истинно предана ему.

«Старый князь говорилъ, что ежели онъ боленъ, то только отъ княжны Марьи; что она нарочно мучаетъ и раздрожаетъ

его; что она баловствомъ и глупыми рѣчами портитъ маленькаго князя Николая. Старый князь зналъ очень хорошо, что онъ мучаетъ свою дочь, что жизнь ея очень тяжела, но зналъ тоже, что онъ не можетъ не мучить ея и что она заслуживаетъ этого. «Почему же князь Андрей, который видитъ это, мнѣ ничего не говоритъ про сестру? думалъ старый князь. Что же онъ думаетъ, что я злодѣй или старый дуракъ, безъ причины отдѣлался отъ дочери и приблизилъ къ себѣ Француженку? Онъ не понимаетъ, и потому надо объяснить ему, надо, чтобъ онъ выслушалъ», думалъ старый князь И онъ сталъ объяснять причины, по которымъ онъ не могъ переносить безтолковаго характера дочери.

«—Ежели вы спрашиваете меня, сказалъ князь Андрей, не глядя на отца (онъ въ первый разъ въ жизни осуждалъ своего отца), — я не хотѣлъ говорить; но ежели вы меня спрашиваете, то я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе на счетъ всего этого. Ежели есть недоразумѣнія и разладъ между вами и Машей, то я никакъ немогу винить ее,—я знаю, какъ она васъ любитъ и уважаетъ. Ежели ужъ вы спрашиваете меня, продолжалъ князь Андрей раздражаясь, потому что онъ всегда былъ готовъ на раздраженіе въ послѣднее время, то я одно могу сказать: ежели есть недоразумѣнія, причиной ихъ ничтожная женщина, которая не должна бы была быть подругой сестры. — Старикъ сначала остановившимися глазами смотрѣлъ на сына и ненатурально открылъ улыбкой новый недостатокъ зуба, къ которому князь Андрей не могъ привыкнуть.

— Какая же подруга голубчикъ? А? Ужъ переговорилъ! А?

— Батюшка, я нехотѣлъ быть судьей, сказалъ князь Андрей желчнымъ и жесткимъ тономъ, но вы вызвали меня, и я сказалъ и всегда скажу, что княжна Марья не виновата, а виноваты.... виновата эта Француженка....

А, присудилъ!. . присудилъ!... сказалъ старикъ тихимъ голосомъ и, какъ показалось князю Андрею, съ смуще-

ніемъ, но потомъ вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ: «Вонъ, вонъ! Чтобъ духу твоего тутъ небыло!

По просьбѣ сестры князь Андрей пробылъ еще въ Лысыхъ горахъ день, не видавшись съ отцомъ и поѣхалъ въ главную квартиру арміи здѣсь онъ получилъ приказаніе явиться къ Государю Императору, и имѣлъ случай быть на военномъ совѣтѣ. «На другой день на смотру Государь спросилъ у князя Андрея, гдѣ онъ желаетъ служить, и князь Андрей на вѣки потерялъ себя въ придворномъ мірѣ, не попросивъ остаться при особѣ государя, а попросивъ позволенія служить въ арміи.»

II.

При началѣ компаніи Николай Ростовъ получилъ письмо отъ родителей въ которомъ они просили его выдти въ отставку, но Ростову какъ честному офицеру въ военное время нельзя было оставить службу, и онъ отвѣчалъ, что пріѣдитъ при первой возможности, въ одну изъ отакъ онъ получилъ георгіевскій крестъ, а мать Ростова получившая извѣстіе о болѣзни дочери вмѣстѣ съ Петей пріѣхала въ Москву и все семейство Ростовыхъ переѣхало отъ Ахросимовой и поселилось въ своемъ московскомъ домѣ. Нравственно потрясенная Наташа нескоро оправилась отъ болѣзни, такъ что Ростовы лѣто 1812 года оставались въ Москвѣ, и не смотря на отсутствіе привычной деревенской жизни молодость взяла свое и Наташа къ осени уже стала физически оправляться.

III.

«Въ началѣ іюля въ Москвѣ распространялись все болѣе и болѣе тревожные слухи о ходѣ войны; говорили о воззваніи Государя къ народу, о пріѣздѣ самого Государя изъ

арміи въ Москву. Итакъ какъ до 11 іюля манифестъ и воззваніе не были получены, то о нихъ и о положеніи Россіи ходили преувеличенные слухи. Говорили, что Государь уѣзжаетъ потому, что армія въ опасности, говорили что Смоленскъ сданъ, что у Наполеона милліонъ войска, и что только чудо можетъ спасти Россію.» Дѣйствительно Государь Императоръ посѣтилъ Москву и своимъ пребываніемъ возбудилъ еще большій патріотизмъ и вызвалъ со стороны купечества и дворянства разныя пожертвованья.

Петя Ростовъ возбужденный патріотизмомъ, несмотря на всѣ препятствія со стороны домашнихъ, рѣшился во чтобы то ни стало поступить въ военную службу.

Теперь, когда 1812 г. сдѣлался для насъ дѣломъ прошедшимъ, легко и разумно объясняемъ себѣ результаты великой борьбы нашей съ Наполеономъ. Наши, равно какъ и французскіе историки твердятъ, что обѣ воюющія стороны ясно сознавали свое положеніе. Наполеонъ, говорятъ они, понимавъ опасность компаніи, понималъ неудобство растяженія своей арміи и жадно искалъ сраженія. Русскіе-же по плану Барклая, одобренному и принятому впослѣдствіи Кутузовымъ, своимъ намѣреннымъ отступленіемъ разчитывали заманить Французовъ въ глубь страны гдѣ-бы могли легче истребить ихъ и поэтому избѣгали сраженія, котораго такъ желалъ Французскій Императоръ. Историки укрѣпляютъ свои доводы, указывая на то или другое обстоятельство. на тотъ или другой фактъ, оставляя въ сторонѣ цѣлую массу фактовъ діаметрально противоположныхъ. И въ самомъ дѣлѣ объ исходѣ всякаго великаго событія бываетъ обыкновенно столько мнѣній самыхъ разногласныхъ и самыхъ неопредѣленныхъ, что всегда возможно будетъ оправдать этотъ исходъ, каковъ бы онъ ни былъ.

Но если мы глубже вглядимся въ факты, то увидимъ, что на дѣлѣ было вовсе не такъ, какъ описываютъ ученые. Напротивъ, мы будемъ имѣть кучу доказательствъ, что Рус-

скіе съ самаго начала войны не только не желали заманить Французовъ въ глубь страны, но употребляли всѣ возможныя средства, чтобы остановить ихъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ, ни сколько не опасаясь растяженія арміи, отъ всей души наслаждался своимъ безпрепятственнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Мы видимъ, что при вступленіи Наполеона наши арміи были раздѣлены и искали скорѣйшей возможности къ соединенію.

Русскій Императоръ находясь при арміи воодушевлялъ ее отстаивать грудью каждый клокъ родной земли. По плану Перуля устраивается Дрисскій лагерь и предполагается дать сраженіе Наполеону. Возможность отдачи Москвы безъ боя не приходитъ въ голову ни Государю, ни главнокомандующему. Самъ Наполеонъ упускаетъ случаи къ сраженію. Есть-ли въ этихъ фактахъ хоть тѣнь намека на то, что проповѣдуютъ историки? Нѣтъ, скорѣе мы можемъ сказать, что Русскіе употребляли всевозможныя средства, чтобы помѣшать тому, что единственно могло спасти ихъ, между тѣмъ какъ Французы и Наполеонъ со всѣми усиліями стремились къ тому, что должно было погубить ихъ и что дѣйствительно ихъ погубило.

Постоянное отступленіе Русской арміи и медленность дѣйствій произошли вовсе не по причинѣ обдуманнаго плана и глубокихъ соображеній, не намѣренно, а вслѣдствіе цѣлой тьмы случайностей и личныхъ интригъ и интересовъ. Главнокомандующій первою арміею Барклай-де-Толли, человѣкъ осторожный отъ природы, нелюбимый въ войскѣ какъ Нѣмецъ, окруженный толпою соглядатаевъ, встрѣчая около себя одно недовѣріе, по неволѣ долженъ былъ оказаться нерѣшительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ боится рискнуть на сраженіе, видя непропорціональность своихъ силъ въ отношеніи къ силамъ Наполеона и ожидаетъ соединенія со 2-ю арміею, предводимою Багратіономъ. Но такъ какъ Французскія войска идутъ между нашими арміями, то намъ прихо-

дится соединяться не иначе какъ отступая и сближаться другъ съ другомъ подъ самымъ острымъ, угломъ невольно открывая такимъ образомъ дорогу войскамъ Наполеона.

Наконецъ Государь уѣзжаетъ изъ арміи для того, чтобы не стѣснять свободы главнокомандующаго; но Бенигсенъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ и толпа генералъ-адьютантовъ остаются въ арміи, по прежнему недовѣрчиво слѣдятъ за каждымъ дѣйствіемъ Барклая, который дѣлается еще осторожнѣе.

Въ Смоленскѣ происходитъ соединеніе обѣихъ армій. Багратіонъ, несмотря на старшинство подчиняется Барклаю, но постоянныя несогласія между ними уничтожаютъ всякое единство въ дѣйствіи. Багратіонъ пишетъ къ Аракчееву, что служить съ министромъ (Барклаемъ) онъ не желаетъ, что въ войскѣ нѣтъ никакого толку и т. д.

Наконецъ—то во время этихъ споровъ и интригъ Французы нечаянно натыкаются на дивизію Невѣровскаго, являются подъ Смоленскъ и такимъ образомъ сраженіе вынуждается необходимостью. Жители Смоленска жгутъ свой городъ, ѣдутъ въ Москву и разжигаютъ ненависть къ непріятелю. Наши войска отступаютъ. Французы идутъ за нами и слѣдовательно самымъ случайнымъ образомъ приготовляется гибель полчищамъ Наполеона.

IV.

По отъѣздѣ сына старый князь Николай Андреевичъ сдѣлался мраченъ, бранилъ княжну Марью говоря, что она поссорила его съ Андреемъ, и цѣлую недѣлю не выходилъ изъ своего кабинета. Бѣдная княжна весь день занималась съ Николенькой, давала ему уроки музыки и русскаго языка или проводила время окруженная няньками и божьими людьми, которые передавали ей народные слухи о нашествіи Анти-

христа. Десаль постоянно толковалъ съ ней о войнѣ, но она ничего не понимала, не смотря на то что получала отъ Жюли Друбецкой патріотическія письма на русскомъ языкѣ, исковерканномъ самыми грубыми галлицизмами.

Старый князь удалилъ отъ себя M-lle Bourienne и весь Іюль мѣсяцъ занимался хозяйствомъ и постройками. Онъ получилъ письмо отъ Андрея, въ которомъ послѣдній просилъ прощенія и на которое старый князь написалъ ласковый отвѣтъ. Во второмъ письмѣ Андрей описывалъ планъ компаніи, представлялъ отцу неудобства его положенія вблизи отъ театра войны и совѣтовалъ ему ѣхать въ Москву. Но князь Николай Андреевичъ не обращалъ никакого вниманія на совѣты сына и съ самымъ холоднымъ равнодушіемъ относился къ настоящимъ событіямъ. Онъ жилъ воспоминаніями о старомъ времени, о времени Императрицы Екатерины и ея славныхъ сподвижниковъ и до настоящаго ему не было никакого дѣла. По старости-ли или по этому равнодушію онъ въ разговорахъ смѣшивалъ даже теперешнюю войну съ войною 1807 г. За обѣдомъ, разсуждая по поводу письма Андрея, старый князь забылъ, что непріятель былъ уже у Днѣпра, и твердилъ, что Наполеонъ никогда не пойдетъ далѣе Нѣмана и что при оттепели снѣговъ онъ со всѣмъ войскомъ погибнетъ въ болотахъ Польши; словомъ князь Николай Андреевичъ съ каждымъ днемъ опускался все болѣе и болѣе. Теперь онъ думалъ о томъ, какъ бы окончить свои бумаги (ремарки какъ онъ называлъ), которыя должны быть доставлены послѣ его смерти Государю. Онъ приказалъ Алпатычу ѣхать въ Смоленскъ для покупки золото-обрѣзной бумаги и разныхъ вещей, необходимыхъ для постройки. Пока Алпатычъ собирался, старый князь писалъ письмо къ Смоленскому губернатору и окончилъ его уже ночью. Затѣмъ онъ приказалъ приготовить себѣ постель въ диванной около фортепьяно: въ послѣднее время онъ каждый разъ мѣнялъ мѣсто ночлега.

Ложась онъ еще разъ просмотрѣлъ письмо Андрея и задумался о старомъ времени, о матушкѣ Императрицѣ, о своемъ соперничествѣ съ Зубовымъ. «Эхъ поскорѣе-бы кончилось все теперешнее, поскорѣе-бы оставили они меня въ покоѣ!» думалъ онъ.

V.

Десаль сообшилъ княжнѣ Марьѣ, что отецъ ея не совсѣмъ здоровъ и посовѣтовалъ ей также написать губернатору и просить его увѣдомить, не опасно-ли имъ остаться въ Лысыхъ-Горахъ. Княжна написала и передала письмо Алпатычу, который, получивъ всѣ приказанія, отправился въ Смоленскъ. На дорогѣ онъ встрѣчалъ и обгонялъ войска и обозы и, подъѣзжая къ Смоленску, услыхалъ даже дальніе выстрѣлы; но онъ удивился этому менѣе, нежели когда увидѣлъ поле овса, который косили солдаты незрѣлымъ и на которомъ они стояли лагеремъ.

Въ Смоленскъ Алпатычъ пріѣхалъ 4-го Августа къ вечеру, и остановился у знакомаго дворника Ѳерапонтова. За чаемъ они разговорились о французахъ, при чемъ Ѳерапонтовъ заявилъ, что имъ никогда не взять Смоленска, такъ какъ былъ приказъ не пускать ихъ и что перевозиться слишкомъ дорого, потому что проклятые мужики дерутъ по 3 рубля съ подводы.

На другой день Алпатычъ отправился исполнять порученія. Куда ни ходилъ онъ, вездѣ только было и толку, что о непріятелѣ. На крыльцѣ губернаторскаго дома онъ встрѣтилъ двухъ господъ—дворянъ, которые жаловались другъ другу, что ихъ не извѣстили объ опасности и какъ дорого и неудобно перевозиться въ виду непріятеля. Выстрѣлы за городомъ раздавались все чаще и чаще, когда Алпатычъ явился къ губернатору.

Смоленскій губернаторъ, баронъ Ашъ, самъ находился въ недоумѣніи, какой отвѣтъ дать Волконскимъ. Выстрѣлы, гремящіе все чаще и чаще, выражали совершенно противное тому, что говорилъ Барклай-де-Толли въ «предписаніи Смоленскому гражданскому губернатору». Главнокомандующій увѣрялъ барона Ашъ, что Смоленску не угрожаетъ никакой опасности, что русскія войска, исполненныя рвенія сразиться съ врагомъ, будутъ въ состояніи побѣдить и что поэтому городу безпокоиться нечего. Незная, что отвѣчать, губернаторъ далъ Алпатычу одинъ экземпляръ предписанія Барклая.

Въ городѣ между тѣмъ безпокойство увѣличивалось съ каждымъ часомъ. Вездѣ виднѣлись воза, нагруженные посудой, стульями и прочими домашними принадлежностями. Всѣ спѣшили выбраться по-добру по-здорову. Скупой Ѳерапонтовъ исколотилъ свою жену за то, что послѣдняя упрашивала его поскорѣе переѣхать изъ Смоленска. Алпатычъ, исполнивъ всѣ порученія приготовилъ лошадей и напившись чаю собрался въ Лысыя-Горы.

Вдругъ послышался дальній свистъ и затѣмъ раздался гулъ пушечной пальбы, отъ которой задрожали стекла. Это было бомбардированіе, которое приказалъ открыть Наполеонъ въ 5-мъ часу по городу изъ 130 орудій. Народъ выбѣжалъ изъ домовъ и съ любопытствомъ началъ прислушиваться къ новымъ незнакомымъ звукамъ. Бомбы и ядра летали надъ городомъ и сила ихъ ударовъ приводила всѣхъ въ изумленіе: «И крышку и потолокъ такъ въ щепки и разбило» говорили жители другъ другу, толпясь на улицахъ. Въ это-же мгновеніе что-то съ свистомъ и съ блескомъ пролетѣло, выстрѣлило и застлало дымомъ всю улицу. Суматоха сдѣлалась общею. Громче всего слышались какіе-то стоны, всхлипыванія и причитыванія. На землѣ валялась кухарка Ѳерапонтова съ переломленымъ бедромъ. Ее снесли въ кухню. Въ одну минуту улица

опустѣла, Алпатычъ и семейство Ѳерапонтова спрятались въ подвалъ и оттуда прислушивались къ раздающимся выстрѣламъ. Самъ-же Ѳерапонтовъ отправился въ соборъ, гдѣ поднимали чудотворную икону Смоленской Божіей Матери.

Наконецъ къ сумеркамъ гулъ началъ стихать. Алпатычъ вышелъ изъ подвала и взглянулъ на улицу. Дымъ отъ выстрѣловъ и пожара застилалъ собою весь городъ. По улицамъ какъ муравьи взадъ и впередъ шныряли солдаты, забѣгая по дворамъ. Одинъ офицеръ, замѣтивъ Алпатыча, крикнулъ ему, чтобы онъ уѣзжалъ скорѣе, потому что сдаютъ городъ. Испуганный Алпатычъ сѣлъ съ своимъ кучеромъ въ кибитку и отправился. Въ воротахъ онъ встрѣтилъ человѣкъ десять солдатъ, которые выгребали изъ отпертой лавки Ѳерапонтова пшеницу, муку и подсолнухи и таскали съ собой въ мѣшкахъ. Тутъ-же показался и Ѳерапонтовъ. Увидавъ солдатъ, онъ хотѣлъ ихъ остановить, но потомъ схватилъ себя за волосы и закричалъ съ страшнымъ хохотомъ. «Тащи все, ребята. Не доставайся дьяволамъ», и самъ началъ выбрасывать мѣшки на улицу. Алпатычъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Ѳерапонтова, но послѣдній, увидавъ его, сказалъ всхлипывая; «Рѣшилась! Россія! Алпатычъ! Рѣшилась! Самъ запалю. Рѣшилась...» И съ этими словами бросился на дворъ.

Вся улица была загромождена снующими взадъ и впередъ солдатами, народомъ и возами. При спускѣ къ Днѣпру Алпатычъ принужденъ былъ остановиться. Видя, что ему никакъ нельзя проѣхать, онъ отправился въ ближайшій переулокъ взглянуть на пожаръ. Здѣсь онъ увидѣлъ двухъ солдатъ и человѣка во фризовой шинели, которые тащили въ сосѣдній дворъ горящія бревна и охапки сѣна. Алпатычъ подошелъ къ народу, который толпился около пожара, но вдругъ услыхалъ, что кто-то его окликиваетъ. Алпатычъ обернулся и увидѣлъ князя Андрея Балконскаго верхомъ на вороной лошади. Молодой князь распросилъ Алпатыча

о причинѣ его пріѣзда и, вырвавъ листокъ изъ записной книжки, написалъ сестрѣ слѣдующее: «Смоленскъ сдаютъ, Лысыя-Горы будутъ заняты непріятелемъ черезъ недѣлю. Уѣзжайте сейчасъ въ Москву. Отвѣчай мнѣ тотчасъ, когда вы выѣдете, приславъ нарочнаго въ Усвяжъ». Пока князь Андрей передавалъ Алпатычу это письмо, къ нимъ подскакалъ верховой штабный начальникъ и закричалъ Андрею: «Вы полковникъ? Въ вашемъ присутствіи зажигаютъ дома, а вы стоите. Что это значитъ? Вы отвѣтите». Князь Андрей обернулся и узналъ Берга. Послѣдній подъѣхалъ къ нему и сказалъ: «Пожалуйста извините, князь. Я говорю такъ потому, что обязанъ исполнять приказанія». Въ это мгновеніе что-то затрещало и изъ подъ-крыши сосѣдняго амбара повалили клубы дыма. Человѣкъ во фризовой шинели кричалъ, поднявъ руки и вторя треску пожара: «Важно! пошла драть! Ребята, важно!.. Это былъ самъ хозяинъ, который зажегъ свой амбаръ съ хлѣбомъ для того только, чтобы онъ недостался непріятелю.

Князь Андрей еще разъ приказалъ Алпатычу поторопить отца и сестру выѣздомъ изъ Лысыхъ-Горъ, и тронувъ лошадь поѣхалъ въ переулокъ.

VI.

Отъ Смоленска наша армія снова начала отступать. Продолжительный жаръ и засуха утомляли войска до безконечности. Пыль на четверть аршина покрывала собою дорогу и столбомъ стояла въ воздухѣ. Люди шли обвязавши носы и рты платками. Сквозь пыль солнце казалось багровымъ и еще болѣе разжигало и безъ того уже горячій воздухъ.

На князя Андрея пожаръ и сдача Смоленска произвели снова впечатлѣніе. По его мнѣнію этотъ городъ можно и должно было защищать. Теперь онъ съ ревностью предался

дѣламъ своего полка, гдѣ его всѣ полюбили и называли не иначе, какъ «нашъ князь.» Впрочемъ онъ былъ добръ и кротокъ только съ полковыми, напр. съ Тимохинымъ, но снова озлоблялся и подтрунивалъ, когда сталкивался съ кѣмъ нибудь изъ штабныхъ. Словомъ встрѣча съ людьми, которые напоминали ему прошлое, окончательно волновала его и бѣсила. Полкъ, которымъ командовалъ князь Андрей, долженъ былъ идти по дорогѣ, ведущей мимо Лысыхъ горъ. Старый князь и княжна съ племянникомъ уже выѣхали; про это Андрей зналъ, но свойственное ему желаніе постоянно растравлять свое горе принудило его заѣхать въ Лысыя Горы. Онъ приказалъ себѣ осѣдлать лошадь и отправился. При въѣздѣ въ деревню его поразила пустота и тишина, царствующія кругомъ. Вездѣ былъ замѣтенъ безпорядокъ. Дорожки начинали уже заростать травой; въ оранжереѣ стекла были перебиты; по англійскому парку бродили телята и лошади. Князь Андрей окликнулъ садовника, но не нашелъ никого, кромѣ стараго глухаго крестьянина, котораго онъ знавалъ еще въ дѣтствѣ. Подъѣхавъ къ дому, Андрей увидалъ Алпатыча, который читалъ житія и, узнавъ о пріѣздѣ молодаго князя, выбѣжалъ къ нему на встрѣчу съ очками на носу и поспѣшно застегиваясь. Старый слуга всхлипывая бросился цѣловать колѣнку своего господина. Онъ началъ жаловаться князю, что проходившіе мимо полки переломали въ саду всѣ деревья и скосили «необыкновенный яровой урожай нынѣшняго года зеленымъ.» Алпатычъ до того заботился о хозяйствѣ князя, что выписалъ даже чинъ и званіе командировъ этихъ полковъ для подачи прошеній. Онъ не выѣхалъ изъ Лысыхъ Горъ, но предпочелъ лучше остаться, чтобы соблюсти хоть что нибудь и присмотрѣть за помѣстьемъ князей Болконскихъ. Вотъ кто мой покровитель, и да будетъ воля Его! сказалъ онъ торжественнымъ голосомъ Андрею, указывая на небо.

Простившись съ Алпатычемъ и посовѣтовавъ ему выѣз-

жать изъ Лысыхъ Горъ, Князь Болконскій галопомъ поѣхалъ внизъ по аллеѣ.

Въ концѣ аллеи онъ встрѣтилъ двухъ дѣвочекъ, которыя бѣжали изъ оранжереи съ незрѣлыми сливами въ подолахъ. Увидѣвъ князя, старшая дѣвочка отъ испуга выронила сливы и, схвативъ свою маленькую подругу, спряталась съ нею за березу.

Князю Андрею стало жалко эту хорошенькую дѣвочку. Какое-то новое успокоительное чувство охватило его, когда онъ понялъ, что существуютъ на свѣтѣ и другіе чуждые ему, но настолько-же законные интересы. Онъ не хотѣлъ помѣшать этимъ дѣвочкамъ и поскорѣе отъѣхалъ отъ нихъ. Уже былъ 2-й часъ по-полудни, когда онъ настигнулъ свой полкъ. Проѣзжая по плотинѣ, онъ замѣтилъ, какъ въ зеленомъ тѣнистомъ прудѣ купались и барахтались солдаты съ громкими и веселыми криками, отъ которыхъ ему сдѣлалось еще грустнѣе. На плотинѣ онъ увидалъ Тимохина, который уже выкупался и одѣвался. «Мясо, тѣло, chair à canon!» думалъ князь Андрей, глядя на кучи голыхъ солдатъ, полоскавшихся въ грязной тинѣ.

Между тѣмъ въ арміи несогласія между двумя главнокомандующими увеличивались все болѣе и болѣе. Багратіонъ изъ своей стоянки на Смоленской дорогѣ послалъ письмо къ Аракчееву, зная, что оно будетъ прочтено Государемъ. Онъ жаловался въ этомъ письмѣ на медленность и неспособность Барклая, упрекалъ послѣдняго за сдачу Смоленска, увѣряя, что здѣсь выгоднѣе всего было-бы дать сраженіе и легко можно-бы было разбить Наполеона. За тѣмъ онъ совѣтовалъ собирать ополченіе, потому что неопытный и въ высшей степени осторожный главнокомандующій скоро приведетъ непріятеля въ Москву. Въ заключеніе онъ увѣрялъ, что Барклай нелюбимъ не только что имъ, но даже и всѣмъ войскомъ. «Вся армія плачетъ и ругаетъ его на смерть,» писалъ онъ.

Въ то время, какъ наши войска отступали и открывали такимъ образомъ Наполеону дорогу въ сердце Россіи, Петербургская салонная жизнь шла по прежнему въ строгомъ неизмѣнномъ порядкѣ. Великія политическія движенія не оказывали на нее ни малѣйшаго вліянія. У Элленъ, которая въ Петербургѣ считалась очень умной и образованной женщиной какъ въ 1808, такъ и въ 1812 году съ восторгомъ говорили о великомъ человѣкѣ и веселой націи и съ сожалѣніемъ смотрѣли на разрывъ съ Франціею, который по мнѣнію людей собиравшихся у Элленъ долженъ былъ окончиться не иначе, какъ миромъ.

Отъѣздъ государя хотя и взволновалъ нѣсколько эти салоны-кружки, но не измѣнилъ ихъ направленіи. Анна Павловна принимала къ себѣ только такихъ французовъ, которые были закоренѣлыми легитимистами. Въ ея кружкѣ проповѣдывали, что не нужно посѣщать французскій театръ, потому что на деньги, которыми содержится труппа, можно содержать цѣлый корпусъ. Напротивъ того у Элленъ къ походу Наполеона относились съ меньшею антипатіею. Здѣсь старались ослабить жестокость войны и увѣряли, что вся эта пустая ссора скоро окончится миромъ. Князь Василій былъ связывающимъ звѣномъ между этими салонами. Онъ бывалъ какъ у Анны Павловны, такъ и у своей дочери и постоянно путался. разсказывая въ одномъ салонѣ то, что лучше было говорить въ другомъ.

Однажды въ кружкѣ Анны Павловны одинъ изъ гостей, извѣстный подъ именемъ un homme de beaucoup de merite выразилъ предположеніе, что дѣла пошли-бы гораздо лучше, если бы Кутузовъ былъ выбранъ главнокомандующимъ, князь Василій началъ горячо опровергать, увѣряя, что даже избраніе Кутузова въ начальники ополченія не понравится Государю. «Мы знаемъ, что это за человѣкъ, говорилъ князь Василій. Онъ прекрасно зарекомендовалъ себя подъ Букарештомъ. Да и можно-ли назначить главнокомандую-

щимъ стараго развратника, который засыпаетъ на совѣтѣ.» Не прошло пяти дней и Кутузову было пожаловано княжеское достоинство. Прошла еще недѣля и Кутузовъ былъ назначенъ полномочнымъ главнокомандующимъ арміей и всего края, занимаемаго войсками. Теперь князь Василій позабылъ свои прежнія слова и въ томъ же салонѣ Анны Павловны отъ души радовался новому распоряженію правительства. Такъ долго попираемый старикъ Кутузовъ сдѣлался въ петербургскомъ кружкѣ геніальнымъ полководцемъ и любимѣйшимъ предметомъ разговора.

Послѣ Смоленска Наполеонъ искалъ сраженія за Дорогобужемъ у Вязьмы, потомъ у Царева-Займища, но однако до самого Бородина ему не пришлось вступить въ борьбу съ Русскими. Въ Вязьмѣ Наполеонъ объявилъ своимъ войскамъ, что цѣль его движенія теперь Москва, азіатская столица этой великой Имперіи, священный городъ народовъ Александра, Москва съ своими безчисленными церквами въ формѣ китайскихъ пагодъ,» какъ говорилъ онъ.

На дорогѣ одинъ изъ генераловъ сказалъ Наполеону, что взятый въ плѣнъ платовскій казакъ объявилъ, будто бы Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ и что корпусъ Платова соединяется съ большею арміей. Наполеонъ велѣлъ дать этому казаку лошадь и ѣхать рядомъ съ собою. Попавшійся въ плѣнъ былъ никто иной какъ крѣпостной человѣкъ Ростова, знакомый намъ Лаврушка, который, увлекшись мародерствомъ, былъ захваченъ французами. Лаврушка тотчасъ-же узналъ Наполеона, но не показалъ никакого виду. На вопросы Бонапарта о положеніи Русской арміи онъ передалъ всѣ толки, которые ходили между деньщиками, и велъ самую фамиліярную бесѣду. Наполеонъ приказалъ объявить Лаврушкѣ, что онъ ѣдетъ съ французскимъ Императоромъ, желая видѣть какое дѣйствіе произведетъ это на восточнаго дикаря. Лаврушка прикинулся изумленнымъ, выпучилъ глаза и не вымолвилъ ни слова, такъ что

Наполеону стало жаль его и онъ приказалъ дать ему свободу «comme à un oiseau qu'on rend aux champs qui l'ont vu naître», по выраженію Пьера, который упоминаетъ объ этомъ событіи, но почти въ самомъ искаженномъ видѣ.

По возвращеніи Алпатыча изъ Смоленска старый князь вдругъ какъ-бы пробудился отъ сна, сталъ собирать изъ деревень ополченцевъ, вооружалъ ихъ и написалъ письмо главнокомандующему, увѣдомляя послѣдняго про себя, что онъ ни за что не выѣдетъ изъ Лысыхъ Горъ, будетъ защищаться до послѣдней крайности и предоставлялъ ему принять или не принять мѣры къ защиты Лысыхъ Горъ, гдѣ будетъ взятъ въ плѣнъ или убитъ одинъ изъ старѣйшихъ Русскихъ генераловъ. Отправивши это письмо, князь Николай Андреевичъ ревностно принялся обучать своихъ ополченцевъ. Княжна Марья, несмотря на приказанія и брань отца, не рѣшилась оставить его одного и также осталась въ Лысыхъ Горахъ, отправивши своего племянника съ гувернеромъ въ Богучарово.

На другой день послѣ отъѣзда Николушки старый князь собрался ѣхать къ главнокомандующему. Онъ одѣлся въ полный мундиръ и передъ выѣздомъ отправился въ садъ сдѣлать смотръ вооруженнымъ мужикамъ и дворовымъ. Княжна, стоя у окна, прислушивалась къ его голосу, какъ вдругъ увидала нѣсколько человѣкъ, бѣгущихъ съ испуганными лицами изъ аллеи. Княжна тотчасъ-же выскочила изъ дома и встрѣтила цѣлую толпу ополченцевъ, которые несли ее отца. Послѣдній, увидѣвъ дочь, зашевелилъ губами и захрипѣлъ, такъ что нельзя было понять, чего онъ хочетъ. Къ ночи пріѣхалъ докторъ, отворилъ старому князю кровь и объявилъ, что у него ударъ правой стороны.

Оставаться въ Лысыхъ Горахъ было невозможно и княжна Марья рѣшилась перевезть больнаго отца въ Богучарово; когда они прибыли туда, Десаль съ Николушкой уже выѣхали въ Москву.

Положеніе князя нисколько не улучшалось. Цѣлые дни онъ лежалъ въ безпамятствѣ, бормоталъ что-то, чего разобрать не было никакой возможности: видно было только то, что онъ хотѣлъ передать, высказать кому-то, но кому именно и что,—этого никто не зналъ. Княжна Марья все время ходила за умирающимъ отцомъ. Ей удивительно и страшно было замѣтить въ себѣ перемѣну, которая охватила ее, какъ ей казалось, со времени болѣзни стараго князя. А эта перемѣна дѣйствительно была. Княжнѣ Марьѣ снова стали приходить на умъ мечты о своей будущности, о своемъ счастіи, о свободной жизни безъ страха отца и эти мысли ужасали ее. Напрасно старалась она затушить ихъ молитвами. Она не въ силахъ была скрыть отъ себя того, что, слѣдя за болѣзнью отца, она, можетъ быть, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ замѣчала его приближеніе къ концу. Наконецъ и пребываніе въ Богучаровѣ становилось опаснымъ. Верстахъ въ 15 бродили французскіе солдаты и грабили деревни. Докторъ совѣтовалъ княжнѣ перевезти князя въ Москву. Предводитель въ письмѣ также просилъ княжну, какъ можно скорѣе оставить Богучарово, 15 число было назначено днемъ выѣзда. Цѣлую ночь княжна Марья провела прислушиваясь къ стонамъ отца. Наконецъ утромъ докторъ извѣстилъ ее, что князю лучше и что онъ желаетъ ее видѣть. Николай Андреевичъ лежалъ на спинѣ, положивъ свои маленькія костлявыя руки сверхъ одѣяла. Лицо его съ скосившимся правымъ глазомъ отличалось какою-то неподвижностью. Княжна Марья поцѣловала его руку. Увидавъ ее, старый князь задергалъ бровями и губы его зашевелились. «Гага—бои... бои... бармоталъ онъ. Докторъ, который думалъ, что князь спрашиваетъ: «княжна боится?»—не отгадалъ его мысли. Но княжна поняла это бормотанье отца и повторила его слова вопросительно: душа болитъ? Князь утвердительно замычалъ и прибавилъ болѣе понятно: Все мысли.... объ тебѣ.... мысли.... Княжна

прижалась головой къ его рукѣ, стараясь скрыть свои рыданья.

Затѣмъ князь сказалъ ей, что онъ ночью желалъ ее видѣть, что онъ звалъ ее, спросилъ объ Андреѣ, и когда дочь сказала ему, что Андрей въ настоящее время съ арміей въ Смоленскѣ, князь закрылъ глаза и по щекамъ его побѣжали слезы. «Да, сказалъ онъ явственно и тихо. Погибла Россія! Погубили!» и рыданья не дали ему докончить. Потомъ онъ открылъ мутные глаза и сказалъ слабымъ голосомъ: «Надѣнь твое бѣлое платье, я люблю его, и когда дочь рыдая пошла исполнять его приказаніе, съ нимъ сдѣлался второй и окончательный ударъ. Съ отчаяніемъ остановилась княжна Марья на террасѣ, помышляя о предстоящей кончинѣ своего отца. Какое-то чувство раскаянія грызло ея душу. «Да... я... я... я желала его смерти, твердила она. Я желала успокоиться. А что-то будетъ со мной? На что мое спокойствіе, когда его не будетъ... Обойдя кругомъ сада, она увидѣла M-lle Bourienne и какого-то неизвѣстнаго мущину. Это былъ предводитель, который пріѣхалъ лично просить княжну оставить Богучарово. Между тѣмъ старому князю дѣлалось все хуже и хуже. Послѣднія минуты приходили. Княжна Марья не хотѣла вѣрить, когда ей доложили, что отецъ умираетъ; она быстро вбѣжала въ комнату отца, прильнула къ его охладнѣвшей щекѣ, но тотчасъ отскочила и упала, закрывъ лицо въ руки поддерживавшаго ее доктора.

VII.

Село Богучарово до поселенія въ немъ князя Андрея было заглазное имѣнье Болконскихъ и крестьяне этого села рѣшительно вовсемъ отличались отъ крестьянъ Лысыхъ Горъ. Старый князь хвалилъ ихъ за сносливость въ работѣ, но

терпѣть не могъ ихъ дикости, какъ онъ выражался. Школы и больницы, которыя устроилъ въ Богучаровѣ князь Андрей, нисколько не измѣняли коренныхъ началъ ихъ жизни «дикость» господствовала по прежнему. Въ крестьянахъ ходили разные нелѣпые слухи, то — будто бы ихъ скоро припишутъ въ казаки, то болтали о какихъ-то царскихъ листахъ, то будто-бы черезъ 7 лѣтъ воцарится Петръ Ѳедоровичъ, при которомъ все будетъ такъ вольно и просто, что ничего не будетъ. Между этими толками болѣе всего выдѣлялись разсказы о какихъ-то теплыхъ рѣкахъ на Юго-Востокѣ, которыя заманивали къ себѣ своимъ богатствомъ и привольемъ. Сотни крестьянъ распродавали скотъ и имущество, собираясь переселяться къ этимъ благословеннымъ теплымъ рѣкамъ. Многіе были наказаны, сосланы въ Сибирь, но строгость нисколько не помогла и въ 1812 г. эти движенія возобновились съ новою силою. Алпатычъ, пріѣхавъ въ Богочурово за нѣсколько времени до кончины князя, замѣтилъ слѣды этого волненія, которое ходило въ народѣ. Онъ узналъ, что Богучаровскіе крестьяне не только что не боялись непріятеля и выказывали желаніе остаться на своихъ мѣстахъ, но даже «имѣли сношеніе съ Французами, получали какія то бумаги, ходившія между ними и оставались на мѣстахъ. Онъ зналъ чрез преданныхъ дворовыхъ людей, что ѣздившій на дняхъ съ казенной подводой мужикъ Карпъ, имѣвшій большое вліяніе на міръ, возвратился съ извѣстіемъ, что казаки разоряютъ деревни, изъ которыхъ выходятъ жители, но что французы ихъ не трогаютъ... Наконецъ, важнѣе всего, Алпатычъ зналъ, что въ тотъ день, какъ онъ приказалъ старостѣ собрать подводы для вывоза обоза княжны изъ Богучарова, по утру была на деревнѣ сходка, на которой положено было не вывозиться и ждать. А между тѣмъ время не терпѣло. Предводитель, въ день смерти князя, 15 августа, настаивалъ у княжны Марьи на томъ, чтобы она уѣхала въ тотъ же

день, такъ какъ становилось опасно. Онъ говорилъ, что послѣ 16-го онъ не отвѣчаетъ ни за что. Въ день же смерти князя онъ уѣхалъ вечеромъ, но обѣщалъ пріѣхать на похороны на другой день. Но на другой день онъ не могъ пріѣхать, такъ такъ, по полученнымъ имъ самимъ извѣстіямъ, Французы не ожиданно подвинулись, и онъ только успѣлъ увезти изъ своего имѣнія свое семейство и все цѣнное.»

Лѣтъ 30 Богучаровымъ управлялъ староста Дронъ, котораго старый князь называлъ не иначе, какъ Дронушкой и который пользовался въ своемъ селѣ большимъ значеніемъ. Крестьяне боялись и уважали его болѣе нежели барина. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, достигнувъ извѣстной возмужалости, не измѣняются и въ 60—70 лѣтъ остаются на видъ такими-же, какими были въ 30. Во все время своей службы Дронъ ни разу не былъ ни пьянъ, ни боленъ. Господа его очень любили за исправность и называли министромъ. Дронъ не зналъ грамоты, но не смотря на то не забывалъ ни копѣйки въ денежномъ счетѣ, ни копны хлѣба во время рабочей поры.

Въ день похоронъ Алпатычъ призвалъ къ себѣ этого старосту и приказалъ ему приготовить 12 лошадей подъ экипажи княжны и 18 подводъ подъ обозъ, который долженъ былъ быть поднятъ изъ Богучарова. Дронъ отвѣчалъ, что у крестьянъ лошадей нѣтъ, потому что онѣ взяты подъ казенныя подводы, и замѣтно не желалъ исполнить приказаніе Алпатыча. Старый управляющій тотчасъ-же смекнулъ въ чемъ дѣло, сталъ выговаривать Дрону и объявилъ ему приказаніе отъ молодаго князя перевозиться всѣмъ Богучаровскимъ крестьянамъ. Староста бросился въ ноги и просилъ уволить его отъ его обязанности. Алпатычъ снова повторилъ ему приказаніе приготовить лошадей, и хотя Дронъ сказалъ «слушаю», однако къ вечеру ничего не было готово.

Что касается до княжны Марьи, то она все время про-

водила въ горестномъ воспоминаніи объ отцѣ. Опасность со стороны Французовъ нисколько не безпокоила ее. Она не думала объ отъѣздѣ, и даже велѣла сказать Алпатычу, что никогда не оставитъ мѣста, гдѣ умеръ ея отецъ. Однажды, когда она въ печали сидѣла въ своей комнатѣ, къ ней взошла M-le Bourienne. Княжна обернулась; M-le Bourienne тихо подошла къ ней, поцѣловала и тотчасъ-же заплакала. Увидавъ слезы на ея глазахъ, княжна позабыла и свою прежнюю ревность къ M-le Bourienne и злобу, которую она питала къ ней за отца. «Мнѣ-ли, мнѣ-ли, желавшей его смерти, осуждать кого нибудь,» подумала она. M-le Bourienne бросилась цѣловать ея руку старалась всѣми силами ее утѣшить и намекнула о предстоящемъ отъѣздѣ, совѣтуя ей остаться въ Богучаровѣ и показали ей объявленіе отъ Французскаго генерала Рамо о томъ, чтобы жители не покидали своихъ домовъ и что имъ будетъ оказано должное покровительство французскими законами. Княжна быстро пробѣжала письмо и гордый румянецъ окрасилъ ея щеки. «Что бы дочь князя Болконскаго позволила себѣ унизиться до того, чтобы испрашивать покровительства у какого нибудь господина генерала Рамо; чтобы она позволила себѣ смотрѣть, какъ толпа французскихъ офицеровъ займетъ этотъ домъ, какъ оборванные солдаты будутъ раскапывать могилу отца, чтобы снять съ него кресты и звѣзды! Эта мысль ужасала ее и она твердо рѣшилась приготовляться къ отѣзду. Взволнованная, она быстро ходила по комнатѣ, требуя къ себѣ то Алпатыча, то Михаила Ивановича, то Дрона. Наконецъ явился послѣдній, и княжна стала просить его, чтобы онъ какъ можно скорѣе приготовилъ ей лошадей для выѣзда. Дронъ отвѣчалъ, что лошади подохли отъ недостатка корма, а остальныя взяты на казенныя работы и что мужики разорены до крайности. Княжна приказала ему раздать мужикамъ господскій хлѣбъ, а Дронъ какъ-то нерѣшительно посматривалъ на нее и на-

чалъ просить, чтобы она уволила его отъ должности. Княжна не поняла замѣшательства Дрона, да она и не думала объ этомъ. Горе, которое ее поразило дѣлало ее равнодушною ко всему остальному. Но черезъ часъ горничная объявила ей, что крестьяне собрались около амбара и желаютъ поговорить съ ней. — Княжна вышла къ нимъ, не смотря на отсовѣтованіе своей горничной. Она сказала, что она съ радостью отдаетъ имъ отъ имени брата весь хлѣбъ и просила ихъ выѣзжать со всѣмъ имуществомъ въ подмосковную, гдѣ они получатъ себѣ жилища. Но къ удивленію княжны мужики въ одинъ голосъ отказались и отъ хлѣба и отъ ея предложенія. Вокругъ себя она слышала только одинъ отвѣтъ: «несогласны.... Нѣтъ нашего согласія. Вишь научила, домà разори, да въ кабалу и ступай... Нѣтъ нашего согласія». Княжна снова приказала Дрону приготовить для себя лошадей и печальною вернулась домой. Долго сидѣла она, прислушиваясь къ говору крестьянъ, но не вникала въ это а думала только о своемъ горѣ. Недалекое прошедшее—сцены съ умирающимъ отцомъ проходили теперь въ ея воображеніи и она старалась припомнить всѣ подробности. Живо представилась ей та минута, когда она вопреки воли отца рѣшилась остаться съ нимъ въ Богучаровѣ. Припомнилось ей, какъ онъ разсерженный говорилъ что-то съ Тихономъ и какъ ей хотѣлось взойти къ нему. «И отчего онъ не позвалъ меня? Отчего онъ не позволилъ мнѣ тогда быть съ нимъ,» думала она. Вспомнила она какъ подслушивала его разговоръ за дверью, какъ онъ, ложась на постель, прокричалъ съ какимъ-то тяжелымъ страданіемъ,—«Мой Богъ!» зачѣмъ она тогда не взошла къ нему?— Затѣмъ ей представилась та сцена съ умирающимъ отцомъ, когда онъ мутными, но любящими глазами смотрѣлъ на нее и онѣмѣвшій языкъ его бормоталъ ласкающія слова: «душенька.. дружекъ..» и какъ она нагибалась ухомъ къ его рту, чтобы не пропустить этихъ дорогихъ звуковъ. Вспо-

минала она всѣ эти сцены, которыя теперь сдѣлались прошедшими, неповторяемыми и зарыдала. Что онъ думалъ, когда говорилъ мнѣ «душенька, дружечекъ?» и вдругъ представилось ей его лицо въ гробу, повязанное бѣлымъ платкомъ, прозрачное восковое лицо, и ужасъ охватилъ ее. Она задрожала и крикнула Дуняшу.

Около этого самаго времени Ростовъ и Ильинъ вмѣстѣ съ Лаврушкой отправились верхами испробовать недавно купленную Ильинымъ лошадь и справиться нѣтъ-ли въ деревняхъ продажнаго сѣна? Дорогой они весело смѣялись, распрашивая Лаврушку объ его бесѣдѣ съ Наполеономъ. Они ѣхали къ Богучарову. Около деревни они замѣтили толпу мужиковъ, которые любопытно оглядывали проѣзжающихъ. Два пьяныхъ крестьянина подошли къ Ростову и Ильину и спросили ихъ не Французы-ли они? «Французы», отвѣчали подъсмѣиваясь офицеры. Въ это-же самое время показался человѣкъ въ бѣлой шляпѣ. Это былъ Алпатычъ. Онъ подошелъ къ Ростову и, заложивъ руку за пазуху, сказалъ ему, что княжна, дочь покойнаго генерала Болконскаго проситъ его пожаловать къ себѣ, потому «необразованный народъ здѣшній», прибавилъ онъ, не выпускаетъ ея сіятельство изъ деревни и угрожаетъ выпрячь лошадей при первой ея попытки выѣхать. Ростовъ тотчасъ-же отправился за Алпатычемъ. Дѣйствительно въ ту самую минуту, когда подъѣхали два кавалериста, княжна Марья собиралась выѣхать и крестьяне объявили ей, что они ни за что не выпустятъ ее изъ деревни. Входя въ переднюю, Ростовъ расчитывалъ на романтическую сцену; его воображенію представлялось беззащитная, убитая горемъ женщина, которую онъ могъ освободить отъ грубости разсвирѣпѣвшихъ мужиковъ.—И онъ съ гордостью принялъ на себя эту роль безкорыстнаго защитника.—Выслушавъ разсказъ княжны, Ростовъ съ безкорыстной почтительностью сказалъ, что онъ очень радъ, имѣя случай показать ей свою готовность и,

сдѣлавъ ей поклонъ, какой дѣлаютъ обыкновенно дамамъ царской крови, онъ отправился къ мужикамъ. Алпатычъ дожидался его у крыльца. Ростовъ накинулся на него за то, что онъ не смогъ усмирить мужиковъ и Алпатычъ, подавивъ въ себѣ чувство оскорбленія, поспѣвалъ за нимъ плывущимъ шагомъ, разсуждая, что окончательно невозможно противоборствовать закоренѣлости этихъ дикарей. Между тѣмъ и въ толпѣ крестьянъ произошло замѣшательство. Дронъ началъ говорить, что пріѣхавшіе гусары были Русскіе и какъ бы они не обидѣлись тѣмъ, что не выпускаютъ барышню. Но едва только онъ высказалъ это, какъ на него посыпались укоризны. Подошедъ къ толпѣ, Ростовъ потребовалъ къ себѣ старосту, одинъ изъ переднихъ мужиковъ Карпъ спросилъ зачѣмъ онъ нуженъ, но не успѣлъ онъ договорить, какъ шапка слетѣла съ его головы и самъ онъ покачнулся отъ сильнаго удара. Эта твердость произвела на крестьянъ окончательное дѣйствіе. Карпъ сейчасъ же былъ связанъ, затѣмъ Дронъ и къ вечеру мужики сами помогали княжнѣ укладывать вещи и приготовляться въ дорогу.

Не желая навязывать свое знакомство, Ростовъ въ деревнѣ дожидался выѣзда княжны и проводилъ ее до пути, занятаго русскими войсками. Онъ отклонялъ всѣ ея благодарности и прощаясь сказалъ, что желалъ бы встрѣтиться съ ней при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ. Въ глазахъ княжны Ростовъ казался какимъ-то ангеломъ-избавителемъ: для того чтобы спасти ее, онъ самъ подвергался опасностямъ, и за что, что я сдѣлала ему хорошаго, думала княжна. Слезы текли изъ ея глазъ и мысль, ужь не любитъ ли она его, невольно запала въ ея голову. Впрочемъ, что жь если я люблю его, и при этой мысли невольно вспомнила она, что его сестра отказала князю Андрею. Какая-то смутная, но утѣшительная надежда снова загорѣлась въ душѣ несчастной княжны.

VIII.

Кутузовъ, принявъ начальство надъ арміями, вспомнилъ о князѣ Андреѣ и далъ ему приказаніе явиться въ главную квартиру. Князь Андрей пріѣхалъ въ Царево-Займище, но не засталъ Кутузова, который дѣлалъ въ это время смотръ войскамъ. Дожидаясь пріѣзда свѣтлѣйшаго, онъ познакомился съ Денисовымъ, который также имѣлъ надобность до главнокомандующаго, и разговорился съ нимъ о системѣ настоящей войны. Еще прежде князь Андрей зналъ Денисова по разсказамъ Наташи и поэтому встрѣча съ нимъ повела его на воспоминаніе о прежней невѣстѣ и на тѣ болѣзненныя впечатлѣнія, которыя въ послѣднее время имѣли такъ мало доступа его душѣ, занятой преимущественно дѣлами войны. Денисовъ также вспомнилъ о Наташѣ, о предложеніи, которое онъ сдѣлалъ ей послѣ ея пѣнія, но эти воспоминанія были для него какимъ-то поэтическимъ прошедшимъ и недѣйствовавшимъ на него съ прежнею силою. Онъ тотчасъ же началъ объяснять князю Андрею свой планъ войны, состоявшей въ томъ, что нужно главнымъ образомъ дѣйствовать на сообщенія растяженной французской арміи, которая не въ состояніи будетъ удержать всей линіи и что поэтому партизанская система дѣйствій есть самая лучшая, въ настоящую войну. Наконецъ пріѣхалъ Кутузовъ верхомъ на небольшой гнѣдой лошади, которая то и дѣло кивала головою подъ его тяжестью. Подъѣхавъ къ почетному караулу гренадеровъ, онъ хитро и пристально взглянулъ на нихъ, пожалъ плечами и проговорилъ съ тонкимъ, плутовскимъ выраженіемъ лица; «И съ такими молодцами все отступать и отступать!...» Затѣмъ посвистывая въѣхалъ на дворъ. Здѣсь онъ засталъ князя Андрея, сначала принялъ его за незнакомаго; но тотчасъ-же вспомнилъ его лицо и пригласилъ съ собою

Узнавъ, что умеръ старый князь Болконскій, Кутузовъ, перекрестился и заплакалъ. «Я его любилъ и уважалъ и сочувствую тебѣ всей душой, сказалъ онъ, обнимая князя Андрея». Въ это время подошелъ Денисовъ и попросилъ главнокомандующаго удѣлить ему нѣсколько времени, такъ какъ ему необходимо передать его свѣтлости дѣло большой важности для блага отечества. Кутузовъ сложилъ руки на животъ и началъ съ усталымъ видомъ выслушивать Денисова, поминутно оглядываясь на дворъ сосѣдней избы, какъ будто онъ чего-то ожидалъ оттуда. И дѣйствительно изъ избы, на которую онъ смотрѣлъ, показался генералъ, Кутузовъ спросилъ что-то у генерала, потомъ снова обратился къ Денисову и началъ выслушивать продолженіе его плана войны. «Поговоримъ, послѣ поговоримъ, голубчикъ,» сказалъ онъ и приказалъ принести себѣ столикъ и чернильницу, чтобы подписать нѣкоторыя бумаги. Слушая докладъ дежурнаго генерала, Кутузовъ представлялъ ту же утомленную фигуру и ту же позу, съ которой онъ слушалъ Денисова. Слѣдя за выраженіемъ его лица, князь Андрей понялъ, что свѣтлѣйшій интересовался болѣе шорохомъ женскаго платья въ сосѣдней комнатѣ, нежели докладомъ генерала. Напослѣдокъ генералъ предложилъ главнокомандующему бумагу о взысканіи съ армейскихъ начальниковъ по прошенію помѣщика за скошенный зеленый овесъ. Кутузовъ, выслушвъ это дѣло, зачмокалъ губами. «Въ печку, въ огонь! сказалъ онъ. Пускай косятъ хлѣбъ и жгутъ дрова на здоровье. Я этого не приказываю, но и взыскивать не могу. О аккуратность нѣмецкая,» прибавилъ онъ, взглянувъ на бумагу. Окончивъ подписи, онъ всталъ съ утомленнымъ видомъ и направился къ двери. На порогѣ встрѣтила его попадья, хозяйка дома, съ хлѣбомъ и солью. Глаза Кутузова прищурились; онъ взглянулъ на попадью, потрепалъ её за подбородокъ: «И, красавица какая! Спасибо, голубушка,» прибавилъ онъ и вынулъ изъ кармана ша-

роваръ нѣсколько золотыхъ, положилъ ей на блюдо и затѣмъ отправился въ отведенную для него комнату. Вскорѣ князя Андрея позвали къ Кутузову. Послѣдній читалъ въ это время—Les chevaliers du Cygne сочиненіе M-me de Genlis и увидавъ входившаго Андрея обратился къ нему съ ласковыми вопросами. Затѣмъ онъ перешелъ къ разговору о войнѣ. До чего... до чего довели!... Дай срокъ, дай срокъ! говорилъ онъ. Затѣмъ онъ предложилъ князю Андрею остаться при немъ, но когда послѣдній отказался, сославшись на то, что онъ привыкъ къ своему полку и не желалъ-бы съ нимъ разстаться, Кутузовъ не сталъ настаивать. «Ты правъ, сказалъ онъ. Намъ не сюда люди нужны. Совѣтчиковъ-то много, да людей нѣтъ. Потомъ Кутузовъ началъ вспоминать о Турецкой войнѣ, о томъ, сколько неудобствъ причинили этой кампаніи разные совѣтчики и прибавилъ: больше всего нужны терпѣніе и время. Благодаря терпѣнію и времени, я заставилъ турокъ ѣсть лошадиное мясо. И французовъ заставлю, дай только срокъ! Прощаясь съ Андреемъ, Кутузовъ обнялъ его, поцѣловалъ, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ и снова принялся за чтеніе романа мадамъ де-Жанлисъ. Бесѣда съ главнокомандующимъ успокоительно подѣйствовала на Андрея Болконскаго. Онъ вернулся въ свой полкъ увѣренный въ хорошемъ исходѣ дѣла. «Этотъ человѣкъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ», думалъ онъ.

IX.

Московская жизнь по отъѣздѣ Государя изъ Москвы шла все по прежнему старому порядку. Приближеніе непріятеля нисколько немѣшало обществу предаваться веселью.

и беззаботности. Въ подобныя критическія минуты всегда кажется лучшимъ оставить тяжелыя заботы объ опасности, которой избѣжать невозможно и безумнымъ весельемъ заглушить свое безпокойство. Тоже было и съ Москвичами. Потріотическое настроеніе выразилось только въ томъ, что въ кружкахъ проводили время, дергая корпію, и платя штрафы за каждое французское слово. Одинъ литераторъ предложилъ было платить штрафъ за галлицизмы, но это предложеніе было отвергнуто, потому что нельзя-же было всѣмъ по примѣру князя Голицына нанимать русскихъ учителей и учиться русскому языку, какъ замѣтила Жюли Друбецкая.

Въ клубахъ собирались читать афиши Растопчина къ Карпушкѣ, который услыхавъ о томъ, что Наполеонъ идетъ въ Россію изругалъ всѣхъ французовъ скверными словами, или о томъ, что французы отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, что они все карлики, и что ихъ троихъ одна баба вилами закинетъ. Разсказывали о томъ, что графъ Растопчинъ выслалъ изъ Москвы всѣхъ иностранцевъ, что присутственныя мѣста вывезены, причемъ одинъ острякъ замѣтилъ, что Москва должна быть за это одно благодарна Наполеону. Но самый любимый разговоръ въ Московскихъ кружкахъ былъ о томъ, что Пьеръ почти весь издержался на своихъ ополченцевъ, что онъ скоро самъ одѣнется въ мундиръ, сядетъ на лошадь и не будетъ брать деньги за то, чтобы взглянуть на него. Жюли Друбецкая съ потаенной насмѣшкой спрашивала Пьера, самъ-ли онъ будетъ командывать своимъ ополченіемъ. Добродушный Пьеръ отвѣчалъ, смѣясь, что не онъ, потому что французамъ очень легко будетъ попасть въ его огромное тѣло. Жюли передала гостямъ послѣднія московскія новости, что княжна Марья пріѣхала въ Москву и собирается въ подмосковную, что дѣла Ростовыхъ идутъ все хуже и хуже, такъ что они продаютъ уже свою деревню.

Она замѣтила кивая на Безухова, что Наташа очень похорошѣла. «Какъ все скоро проходитъ у этихъ людей» прибавила она. Пьеръ покраснѣлъ, вступился за Наташу, за что Друбецкая назвала его рыцаремъ, а онъ началъ оправдываться съ недовольнымъ тономъ, что онъ уже почти мѣсяцъ не былъ у Ростовыхъ, что онъ не понимаетъ жестокость, съ которой подсмѣиваются надъ бѣдной дѣвушкой и т. д. Друбецкая замѣтила ему, что тотъ, кто извиняется, тотъ обвиняется и свела разговоръ на то, какъ молодой графъ Ростовъ спасъ княжну Марью, которую «окружили и хотѣли убить и ранили ея людей,» послѣ чего общество пришло къ убѣжденію, что княжна Балконская влюблена въ Николая.

X.

Возвратившись отъ Жюли, Пьеръ просмотрѣлъ новыя Ростопчинскія афиши. Въ одной изъ нихъ говорилось что Ростопчинъ не только что не думаетъ не выпускать жителей изъ Москвы, но даже будетъ очень радъ, если выѣдутъ барыни и купеческія жены, потому что тѣмъ меньше будетъ разныхъ новостей и страху, но что Французы никогда не будутъ въ Москвѣ. Въ другой же Растопчинъ писалъ, что Витгенштейнъ разбилъ французовъ, что жители должны быть покойны, но что если они желаютъ вооружиться, то могутъ брать все необходимое для этого изъ арсенала. Пьеръ задумался. Онъ понялъ, что несмотря на увѣрительный тонъ этихъ афишъ, опасность есть и увеличивается съ каждымъ днемъ. «Поступить въ армію или дождаться?» Спрашивалъ самъ себя Пьеръ и взявъ колоду картъ, лежавшихъ на столѣ—сталъ раскладывать пасьянсъ. Въ это время къ нему взошла старшая княжна и начала просить его, чтобы онъ отправилъ её въ Петер-

бургъ. «Какая я ни есть, а я подъ Бонапартовской властью жить не могу, говорила она. Пьеръ старался успокоить ее и показалъ Ростопчинскія афиши. Княжна начала говорить, что нельзя вѣрить глупой болтовнѣ Ростопчина, что онъ дѣлаетъ однѣ пошлости и что по его милости народъ чуть не убилъ Варвару Ивановну за то, что она заговорила по французски. Пьеръ обѣщалъ исполнить просьбу княжны,— и на другой день она уѣхала. Между тѣмъ главный управляющій надъ имѣніями Пьера объявилъ ему, что для обмундированія полка не достаетъ денегъ, и что необходимо продать одно изъ имѣній. Пьеръ согласился. Чѣмъ хуже было положеніе дѣлъ, чѣмъ болѣе представлялось затрудненій, тѣмъ онъ дѣлался увѣреннѣе, что катастрофа, которую онъ такъ ожидалъ приближается. На другой день проѣзжая мимо лобнаго мѣста, Пьеръ замѣтилъ толпу и слѣзъ съ дрожекъ. Это была только что окончившаяся экзекуція французскаго повара, обвиненнаго въ шпіонствѣ. Толстый поваръ надѣвалъ камзолъ и плакалъ какъ-бы сердясь на себя, какъ вообще плачутъ взрослые сангвиническіе люди. «Что, мусью, видно русскій соусъ киселъ французу пришелся, подтрунивалъ сморщенный приказный. Пьеру сдѣлалось невыносимо тяжело и онъ уѣхалъ. При видѣ всей этой сцены онъ окончательно рѣшилъ, что ему необходимо отправиться въ армію, вслѣдствіе чего онъ приказалъ своему кучеру Евстафьевичу приготовить все для отъѣзда. 24 числа послѣ обѣда Пьеръ выѣхалъ и къ ночи узналъ, перемѣняя лошадей въ Перхушковѣ, что въ этотъ день было большое сраженіе, но кто побѣдилъ, оставалось, неизвѣстно. Когда онъ пріѣхалъ въ Можайскъ, всѣ дома были заняты войсками, повсюду бродили солдаты, и безпокойство связанное съ какимъ-то новымъ радостнымъ чувствомъ все болѣе и болѣе овладѣвало имъ.—

25-го числа утромъ, т. е. на другой день Шевардинскаго сраженія Пьеръ выѣхалъ изъ Можайска. На дорогѣ ему то

и дѣло загораживали путь подводы съ ранеными въ предшествовавшей битвѣ. Наконецъ проѣхавъ версты четыре, Пьеръ встрѣтилъ перваго знакомаго человѣка. Это былъ одинъ изъ докторовъ арміи. Безуховъ объяснилъ ему свое намѣреніе участвовать въ сраженіи и докторъ посовѣтовалъ ему обратиться прямо къ Кутузову. Я бы самъ показалъ вамъ позицію нашей арміи, сказалъ онъ, да дѣла по горло. Завтра сраженіе. По малой мѣрѣ нужно считать 20000 раненыхъ, а носилокъ, коекъ, лекарей и тому подобнаго нѣтъ и на 6000.—Слова доктора тяжело запали въ сердце Безухова. «Они, можетъ быть умрутъ завтра, зачѣмъ они думаютъ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ смерти»..... вспомнилъ онъ недавнюю встрѣчу съ ранеными, мимо которыхъ, съ бойкими, удалыми пѣснями, проходилъ ковалерійскій полкъ, — и невольно задумался.

Кутузовъ стоялъ въ помѣщичьемъ домѣ на лѣво отъ дороги, но въ то время, когда пріѣхалъ Пьеръ, его не было: онъ отправился на молебствіе. Безуховъ поѣхалъ къ Горкамъ. Въѣхавъ на гору, онъ увидалъ цѣлыя толпы мужиковъ—ополченцевъ, которые работали на право отъ дороги съ такою оживленностью, съ такимъ поспѣшающимъ видомъ, что Пьеру какъ-бы еще яснѣе высказалась торжественность и значительность предстоящей катастрофы. Пьеръ вышелъ изъ экипажа и попросилъ одного изъ офицеровъ, которые присутствовали при работахъ, объяснить ему планъ будущаго сраженія и позицію нашей арміи. Офицеръ сказалъ, что центръ нашей арміи находится въ Бородинѣ, небольшой, виднѣвшейся впереди деревнѣ. Правый флангъ лежитъ близъ Москвы рѣки, гдѣ наши построили три очень сильные редута, а относительно же лѣваго фланга офицеръ остался въ недоумѣніи. «Вотъ видите-ли, сказалъ онъ, вчера нашъ лѣвый флангъ былъ въ Шевардинѣ, но Наполеонъ взялъ его, и теперь онъ находится тамъ на лѣво, позади, гдѣ деревня Семеновское.» Между тѣмъ на гору взошла процессія

съ иконою Смоленской Божьей Матери. Начался молебенъ. Въ толпѣ молящихся Пьеръ узналъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, но онъ не глядѣлъ на нихъ: все его вниманіе было поглащено серьезными лицами солдатъ, которые съ благоговѣніемъ падали на колѣни. По окончаніи молебна толпа расхлынулась и Кутузовъ ныряющей, раскачивающейся походкой первый подошелъ къ иконѣ. Онъ три раза поклонился въ землю, всталъ съ большимъ усиліемъ и, придавъ лицу какое-то дѣтски-наивное выраженіе, приложился. За нимъ послѣдовали генералитетъ, офицеры и солдаты. Вдругъ Пьеръ услыхалъ чей-то знакомый голосъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ Друбецкаго, который, распросивъ его, зачѣмъ онъ здѣсь, предложилъ ему проѣхаться съ нимъ и взглянуть лѣвый флангъ. Въ это время къ нимъ подошелъ Кайсаровъ, адъютантъ Кутузова, затѣмъ еще нѣсколько знакомыхъ и разговоръ пошелъ о Москвѣ, о послѣднихъ новостяхъ, такъ что Пьеръ неуспѣвалъ отвѣчать на распросы. Кутузовъ во время молебствія замѣтилъ Пьера Безухова и позвалъ къ себѣ. Пьеръ направился къ скамѣечкѣ, на которой сидѣлъ главнокомандующій и увидалъ подлѣ него Долохова рядоваго ополченца, онъ передъ этимъ былъ разжалованъ и хотѣлъ выскочить—разъ даже ночью лазилъ въ непріятельскую цѣпь. Кутузовъ обратился къ Пьеру съ комплиментомъ: «Имѣю честь быть обожателемъ супруги вашей», сказалъ онъ. Затѣмъ, подманивъ къ себѣ Кайсарова, онъ заставилъ послѣдняго прочесть ему стихи Марина на рожденіе Геракова, улыбнулся, и покачалъ головой. Долоховъ, который стоялъ около Пьера, обратился къ нему, прося простить за разныя бывшія между ними недоразумѣнія и со слезами поцѣловалъ его. Между тѣмъ Борисъ сказалъ что-то Бенигсену и послѣдній предложилъ графу Безухову проѣхаться съ нимъ по линіи.—Безуховъ отправился и они черезъ Бородино прибыли къ высокому кургану, на которомъ ополченцы производили весьма спѣшныя работы. Это былъ редутъ, который впослѣдствіи полу-

чилъ названіе редута Раевскаго. Посмотрѣвъ на работы, они проѣхали на флеши. Бенигсенъ подозвалъ одного генерала и сталъ разсуждать съ нимъ о положеніи нашихъ войскъ. Пьеръ съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ ихъ разговоръ и ничего не могъ понять.—Затѣмъ, проѣхавъ версты двѣ по лѣсу, они прибыли на поляну, на которой стояли войска корпуса Тучкова, долженствовавшаго защищать лѣвый флангъ. Впереди этихъ войскъ находился курганъ. Бенигсенъ замѣтилъ, что неудобно оставить курганъ незанятымъ и приказалъ передвинуть войска на высоту. Пьеръ жадно слушалъ распоряженія Бенигсена, и вполнѣ былъ убѣжденъ его доводами. Ему казалось страннымъ, какимъ образомъ главнокомандующій сдѣлалъ такую грубую ошибку, поставивъ войска за курганъ. А между тѣмъ эти войска были поставлены въ засадѣ, чтобы послѣ сразу ударить на непріятеля, чего не поняли ни Бенигсенъ, ни Пьеръ.

Князь Андрей лежалъ въ разломанномъ сараѣ деревни Князькова на краю расположенія своего полка и смотрѣлъ, черезъ заборъ на березы съ срубленными нижними вѣтвями и на виднѣвшуюся пашню.—Онъ думалъ о предстоявшемъ сраженіи, объ опасности, которой онъ ежеминутно подвергался и невольно вспоминалъ свою прошедшую жизнь. Ему казалось, что только теперь, наканунѣ великаго дня, онъ увидалъ въ истинномъ свѣтѣ все то, что прежде его мучило и волновало. Любовь къ Наташѣ, смерть отца и нашествіе французовъ главнымъ образомъ приковывали къ себѣ его вниманіе. Смѣшна казалась ему его прежняя увѣренность что женщина, которую онъ любилъ, не забудетъ его и не промѣняетъ впродолженіе года. «А это гораздо проще... Все это ужасно просто, гадко,» — думалъ онъ. Вспомнилъ онъ про то, какъ отецъ строилъ въ Лысыхъ

Горахъ, и думалъ: это все мое, но вотъ Наполеонъ, совершенно не зная объ его существованіи, отбросилъ все, что составляло предметъ его заботъ; отецъ умеръ... и куда дѣвалось то, что прежде радовало, волновало, успокоивало?— Капитанъ Тимохинъ взошелъ въ сарай и сталъ докладывать князю Андрею что-то по службѣ, какъ вдругъ раздался чей-то знакомый щепелявый голосъ и показался Пьеръ. Князю Андрею вообще непріятно было видѣть людей которые могли-бы намомнить ему прошлое и поэтому онъ не былъ доволенъ приходомъ Пьера Безухова. Разспросивъ его о причинахъ пріѣзда въ армію, Болконскій съ насмѣшкой замѣтилъ ему: «А что говорятъ братья — массоны о войнѣ? Потомъ онъ спросилъ, понялъ-ли онъ расположеніе арміи, и когда Пьеръ отвѣтивъ утвердительно, князь Андрей съ усмѣшкой замѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ знаетъ болѣе чѣмъ кто либо. Зашелъ разговоръ о Кутузовѣ. Пьеръ полюбопытствовалъ узнать довольны-ли въ арміи его назначеніемъ, и Тимохинъ отвѣчалъ, что войско при немъ впервые свѣтъ увидѣло, что при немъ дѣла пойдутъ не такъ, какъ при Барклаѣ, который не позволялъ даже косить овесъ, или рубитъ хворостъ. «Онъ дѣлалъ это все для того, чтобы не пріучить солдатъ къ мародерству, прибавилъ Болконскій. Положимъ, это, можетъ быть, очень основательно, но для насъ такой полководецъ теперь не нуженъ. Намъ необходимъ теперь русскій человѣкъ, такой, который въ груди чувствовалъ-бы тоже самое, что чувствуетъ каждый изъ насъ. Предположи, что у твоего отца нѣмецъ лакей, прибавилъ князь Андрей съ какой-то особенною убѣдительностью. Несмотря на всю его заботливость и стараніе, ты прогналъ бы его и сталъ-бы ходить за отцомъ самъ, если-бы послѣдній сдѣлался нездоровъ. Точно тоже нужно теперь и для Россіи. Пьеръ слушалъ со вниманіемъ каждое слово Болконскаго. Все это было для него такъ ново и любопытно. Онъ рѣшился замѣтить, что Барклай искусный полко-

водецъ, но князь Андрей прервалъ его, говоря, что искуснаго полководца не существуетъ, что хорошъ только тотъ, кто умѣетъ воодушевить солдатъ, потому что отъ духа арміи зависитъ исходъ сраженія. «Почему мы проиграли сраженіе при Аустерлицѣ, съ горячностью продолжалъ Болконскій. Потому, что мы рѣшили, что мы побѣждены и бросились бѣжать. Не случись этого, Богъ вѣсть на чьей сторонѣ остался бы перевѣсъ къ концу дня. Завтра дѣло будетъ совсѣмъ другаго рода; завтра мы будемъ стоять до конца и побѣдимъ. Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія.»

Офицеры розошлись. Въ сараѣ остались только Пьеръ и князь Андрей; послѣдній продолжалъ излагать свои мнѣнія. «Одно чтобы я сдѣлалъ, если-бы имѣлъ власть, говорилъ онъ, — я не бралъ-бы плѣнныхъ. Къ чему это? Французы враги, — это сознаетъ каждый, — спроси хоть у Тимохина: къ чему-же оказывать имъ покровительство? Они грабятъ все, пускаютъ фальшивыя ассигнаціи, убиваютъ моихъ дѣтей, моего отца, да еще осмѣливаются говорить о рыцарствѣ, о великодушіи. Война должна быть войною, а не пустою игрушкою. — А что такое отличиться въ сраженіи? продолжалъ князь Андрей все съ большимъ и съ большимъ ожесточеніемъ Съумѣть убить какъ можно болѣе людей. Какія свойства военнаго сословія? Невѣжество, грубость, жестокость, развратъ. И при всемъ этомъ военное сословіе почитается всѣми. Исключая Китайскаго, всѣ цари носятъ военные мундиры.

Уже было темно, когда Пьеръ отправился назадъ въ Горки. Князь Андрей легъ на коверъ и закрылъ глаза. Онъ вспомнилъ тотъ вечеръ въ Петербургѣ, когда онъ впервые увидалъ Наташу, когда она разсказывала ему съ дѣтскою наивностью и простотою свою прогулку по лѣсу, разговоры съ пчельникомъ, какъ онъ улыбался, слушая её, и за тѣмъ вдругъ ему представилось, чѣмъ кончилась вся эта любовь. Онъ вскочилъ и сталъ ходить передъ сараемъ.

XXVI.

25-го августа, наканунѣ Бородинскаго сраженія, въ лагерь Наполеона пріѣхали префектъ дворца императора французовъ M-r de Beausset изъ Парижа и полковникъ Fabvier изъ Мадрида. Наполеонъ еще оканчивалъ свой туалетъ и натирался одеколономъ. Наконецъ онъ надѣлъ на себя синій гвардейскій мундиръ и явился въ пріемную. M-r de Beausset что-то устанавливалъ па двухъ стульяхъ. Императоръ замѣтилъ это, но, не желая помѣшать, обратился къ Fabvier'у. Послѣдній сообщилъ ему объ Испанскихъ дѣлахъ, о побѣдѣ, одержанной надъ французскими войсками при Соломаннѣ, и Наполеонъ, качая головой, показывалъ видъ, что онъ ожидалъ подобной неудачи во время его отсутствія. Де-Боссе, низко поклонившись Императору, подалъ ему конвертъ, замѣтивъ съ придворною тонкостью, что Парижъ сожалѣетъ объ его отсутствіи и что онъ, т. е. Боссе не ошибся встрѣтить побѣдоноснаго Императора у воротъ Москвы. На Наполеона пріятно подѣйствовали комплименты и онъ пожелалъ узнать, что это была за вещь, которую Боссе съ такимъ стараніемъ устанавливалъ на стульяхъ. Это былъ портретъ маленькаго сына Наполеонова почему-то названнаго королемъ Рима. Императоръ съ нѣжностью сталъ разсматривать портретъ и глаза его отуманились. Онъ расчитывалъ и зналъ, что присутствующіе замѣтятъ это. Затѣмъ онъ всталъ и приказалъ вынесть портретъ къ войску.

Армія закричала: Vive l'Empereur! Vive le Roi de Rome! Vive l'Empereur! увидавъ изображеніе маленькаго Римскаго короля.

Позавтракавъ, Наполеовъ продиктовалъ свой приказъ арміи. «Воины! говорилось въ этомъ приказѣ.—Вотъ сраженіе, котораго вы столько желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все

нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство вспомянетъ съ гордостью о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою.»— Окончивъ этотъ приказъ, Императоръ отправился кататься верхомъ въ сопровожденіи де Боссе.—Онъ осмотрѣлъ поле сраженія, выслушалъ замѣчанія нѣсколькихъ маршаловъ о предстоящей битвѣ и, отдавъ приказанія, возвратился въ свою ставку.—

Былъ уже вечеръ наканунѣ Бородинской битвы, когда Французскій Императоръ вернулся со второй поѣздки по линіи. «Шахматы поставлены, игра начинается завтра,»— сказалъ онъ. Выпивъ пуншу, онъ прилегъ отдохнуть и завелъ разговоръ съ своимъ дежурнымъ адъютантомъ Раппомъ относительно предстоящей битвы. Наполеонъ чувствовалъ какое-то тревожное безпокойство. Онъ никакъ не могъ заснуть и надѣвъ теплое пальто вышелъ и нѣсколько разъ прошелся около палатки.— Наконецъ въ половинѣ шестаго раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, и скоро воздухъ огласился частыми и грозными звуками. Игра началась.—

Пьеръ проснулся, когда солнце уже взошло надъ горизонтомъ. Онъ поспѣшно одѣлся и пошелъ къ кургану. Здѣсь сидѣлъ самъ Кутузовъ и смотрѣлъ въ трубу впередъ по большой дорогѣ. Вдали были слышны выстрѣлы и виднѣлись клубы дыма. Пьеру захотѣлось побывать тамъ и онъ отправился вслѣдъ за однимъ генераломъ. Онъ прискакалъ къ той переправѣ, которую впервые атаковалъ непріятель. Это и было настоящее поле сраженія. Но Пьеръ ничего не понялъ и обратился къ одному знакомому адъютанту. «Здѣсь-то, слава Богу, сказалъ адъютантъ, но на лѣвомъ флангѣ, у Багратіона ужасная рѣзня идетъ.» И они отправились на курганъ, съ котораго можно было разсмотрѣть поле битвы. Лошадь Пьера замѣтно отставала и по-

минутно встряхивалась. Адъютантъ увидѣлъ, что она ранена. «Поздравляю, графъ le baptême du feu, сказалъ онъ. Наконецъ Пьеръ остановился на курганѣ, гдѣ находилась колонна Раевскаго, и который считался главнѣйшимъ мѣстомъ, гдѣ происходило сраженіе. Онъ сѣлъ въ канаву, окружающую батарею и съ какимъ-то безсознательнымъ любопытствомъ смотрѣлъ, что̀ дѣлается кругомъ его. Пушки безпрерывно грохотали, какъ-бы стараясь пересилить другъ друга. Солдаты сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на Пьера, но когда замѣтили, что онъ съ самымъ спокойнымъ видомъ прохаживается подъ выстрѣлами, какъ по бульвару, прежнее чувство замѣнилось уваженіемъ и участіемъ. Они тотчасъ же прозвали его: нашъ баринъ. «И какъ это вы не боитесь, баринъ, право! Вѣдь она не помилуетъ. Она шмякнетъ, такъ кишки вонъ,» сказалъ одинъ краснорожій солдатъ, котда ядро упало въ двухъ шагахъ отъ Безухова.— Пьеръ старался вникнуть въ выраженія, примѣтить то впечатлѣніе, которое производила окружающая опасность. Но однако онъ могъ замѣтить слишкомъ мало безпокойства. Солдаты шутили и подсмѣивались, слѣдя за пролетающими ядрами, какъ будто дѣло было самое обыкновенное. Они не упускали даже случая подтрунить надъ ополченцами, которые по временамъ входили на батарею и уносили раненыхъ. «Аль не вкусна каша? Ахъ заполяпились, вороны! Тое, кое, малый!» Передразнивали они ополченцевъ. Пьеръ замѣтилъ, что чѣмъ болѣе была потеря, тѣмъ сильнѣе дѣлалось оживленіе. Молоденькій офицерикъ старательно распоряжался ввѣренными ему пушками, перебѣгая то и дѣло отъ одной къ другой. «Имѣю честь доложить, господинъ полковникъ, зарядовъ имѣется только восемь. Прикажете-ли продолжать огонь? сказалъ онъ, обращаясь къ старшему офицеру, но тутъ-же ахнулъ и упалъ на землю, какъ подстрѣленная птица. Пьеръ безсмысленно смотрѣлъ на то, что̀ происходило близъ него. Ничего не понимая, онъ побѣжалъ

вслѣдъ за солдатами, посланными за зарядами. Но вдругъ блескъ сильнаго огня сверкнулъ въ двухъ шагахъ, и раздался оглушительный выстрѣлъ. Очнувшись, Пьеръ сидѣлъ на землѣ и вокругъ него были разбросаны обгорѣлыя доски отъ ящика. Онъ быстро вскочилъ и снова побѣжалъ на батарею, но послѣдняя была уже взята французами. Впрочемъ Пьеръ не понялъ этого и съ удивленіемъ глядѣлъ, какъ одинъ замѣченный имъ солдатъ вырывался изъ рукъ людей, которые его держали, и кричалъ «братцы!» Это былъ плѣнный. Между тѣмъ одинъ французскій офицеръ, замѣтивъ Пьера, бросился на него съ шпагой. Пьеръ безсмысленно протянулъ руки и схватилъ офицера за горло. Оба съ удивленіемъ и испугомъ глядѣли другъ на друга, какъ бы раздумывая: «я-ли взятъ въ плѣнъ, или онъ взятъ мною?» Но вдругъ надъ самыми головами ихъ пролетѣло ядро; офицеръ нагнулся, Пьеръ также послѣдовалъ его примѣру и, выпустивъ горло француза, бросился бѣжать внизъ подъ гору. На встрѣчу ему попались солдаты, которые быстро бѣжали въ атаку. На травѣ раненые и убитые валялись въ лужахъ крови. Видъ всего этого окончательно поразилъ Пьера. «Нѣтъ, теперь они оставятъ это, теперь они ужаснутся того, что̀ они сдѣлали,» думалъ онъ.

XII.

Наполеонъ сидѣлъ подъ курганомъ, прихлебывая пуншъ. Какая-то безпокойная суровость выражалась на его лицѣ и по временамъ онъ пристально всматривался на поле сраженія. Къ нему подскакалъ мальчикъ-адъютантъ Мюрата, прося подкрѣпленія. Неаполитанскій король увѣрялъ Императора, что Русскіе будутъ окончательно разбиты, если послѣдній дастъ еще дивизію. «Скажите королю, что еще нѣтъ полдня, и что я не достаточно ясно вижу мою шах-

матную доску,» строго отвѣтилъ Наполеонъ адъютанту. Почти вслѣдъ-же прискакалъ Бельяръ и съ сильными жестами началъ доказывать, что Русскіе погибли, если Императоръ дастъ подкрѣпленіе. Наполеонъ снова отказалъ, но еще не успѣлъ скрыться Бельяръ, какъ показался еще адъютантъ съ подобною-же просьбою. Французскій Императоръ сдѣлалъ нѣсколько сердитыхъ порывистыхъ шаговъ и приказалъ вывести въ дѣло дивизію Фріана. Чувство недоумѣнія и безпокойства все болѣе и болѣе овладѣвало Наполеономъ. Онъ не ожидалъ встрѣтить такого сильнаго отпора со стороны Русскихъ. Онъ думалъ найти въ нихъ прежнихъ противниковъ Аустерлица и Фридланда и съ ужасомъ замѣчалъ, что онъ ошибается. Всѣ пріемы, всѣ средства, которыя доставляли ему многія побѣды, были употреблены въ дѣло и теперь, но однако не приносили ожидаемыхъ плодовъ. Въ былыя сраженія черезъ два, много черезъ три часа къ нему скакали маршалы и генералы съ поздравленіями, а теперь-же адъютанты то и дѣло доносили ему, что Русскіе все стоятъ и стоятъ...... Холодный ужасъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ Императоромъ. Онъ уже не расчитывалъ на вѣрность побѣды; напротивъ, онъ перебиралъ въ своемъ умѣ всѣ случайности, которыя-бы могли быть для него несчастны.

„Велите подать мнѣ лошадь,“ сказалъ Наполеонъ, узнавъ, что Русскіе атакуютъ его лѣвый флангъ. Выѣхавъ на высоту Семеновскаго, онъ увидѣлъ Русскихъ, которые стояли твердою стѣною и убійственнымъ огнемъ громили французскія войска. Императоръ задумался. Одинъ генералъ предложилъ ему пустить въ дѣло старую гвардію, но онъ отрицательно покачалъ головой. „За 3200 верстъ отъ Франціи я не могу дать разгромить свою гвардію», сказалъ онъ.

Кутузовъ по прежнему сидѣлъ на покрытой ковромъ лавочкѣ, понуривъ свою сѣдую голову. Онъ понималъ, что

участь сраженія зависитъ отъ духа въ войскѣ, и поэтому не столько интересовался донесеніями, сколько всматривался въ выраженія лицъ. Къ 11 часамъ ему объявили, что занятый французами флангъ снова отбитъ, но что князь Багратіонъ раненъ. Кутузовъ встревожился и послалъ разузнать навѣрное. „Не угодно-ли будетъ Вашему Высочеству принять командованіе 1-й арміей,“ обратился онъ къ принцу Виртембергскому. Принцъ поскакалъ, но тотчасъ-же прислалъ къ Кутузову адъютанта за подкрѣпленіемъ. Главнокомандующій поморщился, и приказалъ сказать принцу, чтобы онъ передалъ начальство Дохтурову, а самъ пріѣхалъ бы къ нему, такъ какъ онъ не можетъ обойтись безъ его совѣтовъ въ такія важныя минуты.

Когда Мюратъ былъ взятъ въ плѣнъ, Кутузовъ улыбнулся и приказалъ оповѣстить объ этомъ все войско. Онъ былъ окончательно доволенъ успѣхами сраженія, но физическія силы измѣняли ему и онъ не могъ удерживаться отъ дремоты. Онъ приказалъ подать себѣ обѣдать и когда съ трудомъ жевалъ жареную курицу, къ нему подошелъ Вольцогенъ и объявилъ, что всѣ пункты лѣваго крыла находятся въ рукахъ непріятеля, отбить котораго нѣтъ никакой возможности. Кутузовъ быстро всталъ и съ гнѣвомъ закричалъ на Вольцогена. Какъ вы смѣете? Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это мнѣ? Скажите генералу Барклаю, что его свѣдѣнія невѣрны, и что я какъ главнокомандующій лучше его знаю.

«Вольцогенъ хотѣлъ возразить что-то, но Кутузовъ перебилъ его.

Не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи, чтобы непривести подлинныхъ словъ графа Л. Н. Толстаго, говорящаго въ этомъ мѣстѣ языкомъ Кутузова:

«—Непріятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Из-

вольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое непремѣнное намѣреніе атаковать непріятеля, строго сказалъ Кутузовъ.—Всѣ молчали, и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшаго стараго генерала.— Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ и завтра погонимъ его изъ священной земли Русской, сказалъ Кутузовъ, крестясь; и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь über diese Eingenommenheit des alten Herrn.

«— Да, вотъ онъ мой герой, сказалъ Кутузовъ къ полному, красивому, черноволосому генералу, который въ это время входилъ на курганъ. Это былъ Раевскій, проведшій весь день на главномъ пунктѣ Бородинскаго поля.

«Раевскій доносилъ, что войска твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ, и что французы не смѣютъ атаковать болѣе.

Выслушавъ его, Кутузовъ по французски сказалъ:

— Vous ne pensez donc pas comme les autres que nous sommes obligés de nous retirer.

— Au contraire, votre altesse, dans le affaires indécises c'est toujour les plus opiniâtre qui reste victorieux, отвѣчалъ Раевскій,—et mon opinion.....

«— Кайсаровъ! кликнулъ Кутузовъ своего адъютанта. Садись, пиши приказъ на завтрашній день. А ты, обратился онъ къ другому, поѣзжай по линіи и объяви, что завтра мы атакуемъ.

«Пока шелъ разговоръ съ Раевскимъ и диктовался приказъ, Вольцогенъ вернулся отъ Барклая и доложилъ, что генералъ Барклай-де-Толли желалъ бы имѣть письменное подтвержденіе того приказа, который отдавалъ фельдмаршалъ.

«— Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ, который, весьма основательно для избѣжанія личной отвѣтственности, желалъ имѣть бывшій главнокомандующій.

«— И по неопредѣленной, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и тоже настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющей главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на завтрашній день, передались одновременно во всѣ концы войска.

«— Далеко не самыя слова, не самый приказъ передавались въ послѣдней цѣпи этой связи. Даже ничего не было похожаго въ тѣхъ разсказахъ, которые передавали другъ другу на разныхъ концахъ арміи, на то что сказалъ Кутузовъ; но смыслъ его словъ сообщился повсюду потому что то, что сказалъ Кутузовъ, вытекало не изъ хитрыхъ соображеній, а изъ чувства, которое лежало въ душѣ главнокомандующаго, также какъ и въ душѣ каждаго Русскаго человѣка.

«— И узнавъ то, что завтра мы атакуемъ непріятеля, изъ высшихъ сферъ арміи, услыхавъ подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись.»

Полкъ князя Андрея находился въ это время въ резервахъ, въ бездѣйствіи подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Солдаты сидѣли на землѣ, стараясь освободиться отъ гранатъ и ядеръ, которыя то и дѣло летали надъ ихъ головами. Князь Андрей, понимая, что ему дѣлать нечего, прохаживался отъ одной межи къ другой, присматриваясь къ летающимъ ядрамъ. Онъ не думалъ ни объ чемъ. Всѣ вчерашнія мысли покинули его. Въ душѣ чувствовалось только сознаніе опасности, и онъ хотѣлъ побороть свое безпокойство.

Адьютантъ подошелъ къ нему и хотѣлъ что то сказать какъ вдругъ раздался крикъ—берегись! Граната упала въ двухъ шагахъ отъ князя Андрея. Адьютантъ тотчасъ-же упалъ на землю и закричалъ ложись! Болконскій взглянулъ на гранату. Чувство опасности еще сильнѣе охватило его. «Неужели это смерть? думалъ онъ. Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздухъ». Но зная, что ему не должно трусить, онъ обратился къ лежащему адъютанту. «Стыдно, господинъ офицеръ! Какой.... началъ было князь Андрей, но не успѣлъ онъ договорить, какъ раздался взрывъ и онъ быстро поднявъ руку, рванулся и упалъ на грудь. Солдаты бросились къ нему и положивъ на носилки передали ополченцамъ». Боже мой! Чтожъ это? Въ животъ.... вѣдь это конецъ», раздавались голоса офицеровъ, суетившихся около безчувственнаго князя Андрея. «Ваше Сіятельство, князь! сказалъ Тимохинъ, подойдя къ носилкамъ. Болконскій открылъ глаза, мутно взглянулъ, и опять закрылъ ихъ. Ополченцы перенесли его на перевязочный пунктъ. Толпы раненыхъ стояли тамъ, лежали и сидѣли, занимая болѣе двухъ десятинъ мѣста. Одинъ солдатъ съ блестящими глазами горячо разсказывалъ о сраженіи. «Мы его оттеда какъ долбанули, такъ все побросалъ, говорилъ онъ, самого короля забрали. Подойди только въ тотъ самый разъ лезервы, его-бъ, братецъ ты мой званія не осталось, потому вѣрно тебѣ говорю»...

Наконецъ князя Андрея понесли въ палатку. Болконскій увидѣлъ, что на ближнемъ столѣ сидѣлъ татаринъ. Четыре человѣка держали его, и докторъ вырѣзывалъ что-то на его спинѣ. Татаринъ визжалъ и пытался вырваться. На другомъ столѣ лежалъ молодой полный мущина, лицо котораго казалось очень знакомымъ князю Андрею. Два доктора суетились около его ноги, а самъ онъ рыдалъ, поминутно дергая своею другою ногою. Наконецъ одинъ док-

торъ подошелъ къ Болконскому, приказалъ раздѣть его и началъ ощупывать рану. Отъ сильной боли въ животѣ князь Андрей потерялъ сознаніе. Когда-же онъ очнулся, переломанныя кости бедра были вынуты и докторъ молча поцѣловалъ его въ губы.—На сосѣднемъ столѣ слышались крики. Покажите мнѣ,.... ооооо!..! ооооо!.... Князь Андрей увидалъ знакомое лицо но опять таки не могъ припомнить гдѣ онъ его видѣлъ. Раненому показали въ сапогѣ съ запекшеюся кровью его ногу. Онъ рыдалъ истерически, какъ женщина. Наконецъ въ этомъ страдальцѣ Болконскій узналъ Анатоля Курагина. Онъ вспомнилъ все: припомнилъ Наташу, какъ видѣлъ онъ ее на балѣ въ 1810 году, припомнилъ ту связь которая была между имъ и Анатолемъ, и прежнее чувство злобы уступило мѣсто жалости и сочувствія къ этому человѣку.

Безпокойство, которое овладѣло Наполеономъ съ самаго начала битвы усиливалось съ каждымъ часомъ. Желтый, опухлый, усталый съ краснымъ носомъ прислушивался онъ къ выстрѣламъ и какое-то чувство говорило въ его душѣ, Искусственный призракъ жизни, который сложилъ себѣ Императоръ на мгновеніе покинулъ его и онъ сознавалъ всю свою виновность. Онъ ожидалъ извѣщенья, какое дѣйствіе произведетъ на русскихъ посланная противъ нихъ артиллерія. Адъютантъ донесъ что 200 орудій направлены на непріятеля, на что онъ по прежнему стоитъ твердо, какъ стѣна. «Sls en veulent encore, donnez leurs en», отвѣтилъ Наполеонъ хриплымъ голосомъ.—И до того была сильна въ этомъ человѣкѣ призрачная система жизни, что онъ готовъ былъ радоваться этой продолжительной свирѣпой рѣзнѣ. У него достало духу заглушить въ своемъ сердцѣ всѣ человѣческія струны и написать въ Парижъ, что поле битвы было великолѣпно, потому что на немъ было 50,000

труповъ. Да и послѣ, на островѣ Св. Елены, говоря о Бородинскомъ сраженіи онъ находилъ причины радоваться, что настоящихъ французовъ было убито гораздо болѣе нежели Русскихъ.

Вотъ что читаемъ мы въ его запискахъ, составленныхъ имъ на островѣ Св. Елены.

«Русская война должна была быть самая популярная въ новѣйшія времена: Эта была война здраваго смысла и настоящихъ выгодъ, война спокойствія и безопасности всѣхъ; она была чисто миролюбивая и консервативная».

«Это было для великой цѣли, для конца случайностей и для начала спокойствія. Новый горизонтъ, новые труды открывались бы, полные благосостоянія и благоденствія всѣхъ. Система Европейская была бы основана, вопросъ заключался бы уже только въ ея учрежденіи».

«Удовлетворенный въ этихъ великихъ вопросахъ и вездѣ спокойный, я бы тоже имѣлъ свой *конгрессъ* и свой *священный союзъ*. Это мысли, которыя у меня украли. Въ этомъ собраніи великихъ государей мы обсуживали-бы наши интерессы семейно и считались-бы съ народами, какъ писецъ съ хозяиномъ.“

«Европа дѣйствительно скоро составила-бы такимъ образомъ, одинъ и тотъ же народъ, и всякій, путешествуя гдѣ-бы то ни было, находился бы всегда на общей родинѣ».

«Я бы выговорилъ, чтобы всѣ рѣки были судоходны для всѣхъ, чтобы море было общее, чтобы постоянныя, большія арміи были уменьшены единственно до гвардіи государей, и т. д.».

«Возвратясь во Францію, на родину, великую, сильную, великолѣпную, спокойную, славную, я провозгласилъ бы границы ея неизмѣнными; всякую будущую войну *защитительной*; всякое новое распространеніе—антинаціональнымъ; я присоединилъ-бы своего сына къ правленію Имперіей; мое *диктаторство* кончилось бы, и началось бы его конституціонное правленіе»...

«Парижъ былъ бы столицей міра, а Французы предметомъ зависти всѣхъ націй».

«Потомъ мои досуги были бы посвящены, съ помощью Императрицы и во время царственнаго воспитыванія моего сына, на то, чтобы мало по малу посѣщать, какъ настоящая деревенская чета, на собственныхъ лошадяхъ, всѣ уголки государства, принимая жалобы, устраняя несправедливости, разсѣвая во всѣ стороны и вездѣ зданія и благодѣянія».

«Изъ 400,000 человѣкъ, которые перешли Вислу половина были Австрійцы, Пруссаки, Саксонцы, Поляки, Баварцы, Виртембергцы, Мекленбургцы, Испанцы, Итальянцы, и Неаполитанцы. Императорская армія, собственно сказать, была на треть составлена изъ Голландцевъ, Бельгійцевъ, жителей береговъ Рейна, Піэмонтцевъ, Швейцарцевъ, Женевцевъ, Тосканцевъ, Римлянъ, жителей 32-й военной дивизіи, Бремена, Гамбурга и т. д; въ ней едва-ли было 140,000 человѣкъ, говорящихъ по французски».

«Русская экспедиція стоила собственно Франціи менѣе 50,000 человѣкъ. Русская армія въ отступленіи изъ Вильны въ Москву въ различныхъ сраженіяхъ потеряла въ четыре раза болѣе, чѣмъ Французская армія; одинъ пожаръ Москвы стоилъ жизни 100,000 русскихъ, умершихъ отъ холода и нищеты въ лѣсахъ; наконецъ во время своего перехода отъ Москвы къ Одеру, русская армія тоже пострадала отъ суровости времени года; по приходѣ въ Вильну, она состояла только изъ 50,000 человѣкъ а въ Калишѣ менѣе 18,000».

Наконецъ Бородинская битва приходила къ концу. По полю были разбросаны трупы убитыхъ и раненые. Прежняя картина теперъ смѣнилась на другую. Носился какой-то особенный запахъ селитры и крови. Если бы кто

нибудь взглянулъ на разстроенные ряды русской арміи, тотъ сказалъ бы что Французамъ стоитъ сдѣлать маленькое усиліе и Русскіе погибли; и если бы кто нибудь взглянулъ на разстроенные ряды Французской арміи, тотъ сказалъ бы тоже самое относительно Французовъ. Но ни одна сторона не дѣлала этого усилія. Русскимъ оно было совершенно невозможно, потому что всѣ части ихъ войска были разбиты и оставаясь на своихъ мѣстахъ, они потеряли половину своей арміи. Французы, несмотря на свое превосходство, тоже не сдѣлали усилія, потому что упадшій духъ войска не позволялъ этого. Нравственная сила непріятеля была окончательно истощена. Какъ раненый звѣрь Французское войско могло еще докатиться до Москвы, по силѣ инерціи; но здѣсь оно должно было погибнуть безъ всякихъ усилій съ нашей стороны. Смертельная рана уже была дана при Бородинѣ, и послѣдующіе ужасы, происходившіе съ Французской арміею, были прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія. Нравственная побѣда была несомнѣнно одержана Русскими.

I.

Продолжая, слѣдить за ходомъ развитія романа графа Толстаго, въ которомъ сцены войны такъ живописно смѣняются сценами мира, мы приближаемся къ катастрофѣ, постигшей Наполеона на обширныхъ равнинахъ Россіи, какъ-бы кто ни судилъ объ этомъ великомъ событіи и о людяхъ участвовавшихъ въ немъ, замѣтимъ, что Наполеонъ не могъ оправиться отъ поразившаго его удара. Послѣ битвы подъ Бородинымъ уже великій завоеватель почувствовалъ, что бороться съ нашимъ отечествомъ ему будетъ несравненно труднѣе нежели онъ предполагалъ, и съ этихъ поръ звѣзда его стала клониться къ закату. Ему нужно было рѣшительнаго успѣха, а между тѣмъ расчеты его оказались ошибочными. Онъ ждалъ блистательной пользы, а вмѣсто того самъ потерялъ громадныя силы въ битвѣ. Онъ горѣлъ желаніемъ разбить въ прахъ русское войско, но Русскіе разочли не давать рѣшительнаго сраженія. Его сначала предполагали было дать подъ Москвою, но потомъ разсудили иначе. Москва была отдана Наполеону, но и этимъ онъ немного выигралъ, потому что столица наша отдана была ему—*пустая*, а между тѣмъ ему нужно было продовольствовать войско. Запасовъ не оказалось, подходила зима, страшная зима 1812 года. Наполеонъ хотѣлъ было идти въ южныя области, гдѣ, какъ зналъ, есть хлѣбъ, но его туда не пустили и сбили на имъ-же опустошенную смоленскую дорогу. Отсюда и начались бѣдствія великой арміи, печальные остатки, которой вороти-

лись во Францію. Вотъ вкратцѣ неизбѣжавъ, по взгляду автора, ходъ и конецъ наполеоновскаго пашествія на Россію. Въ этомъ случаѣ мы съ нимъ совершенно согласны, но, по нашему мнѣнію нельзя провидить этой мысли такъ строго, какъ проводитъ ее авторъ «Войны и Мира». Онъ изъ этого общаго положенія выводитъ чуть не всѣ тѣ конкретные частные случаи, изъ которыхъ слагается величавый ходъ событій. Далѣе—онъ слишкомъ строго судитъ о личностяхъ, современныхъ французскому нашествію извѣстное дѣло, что всегда рѣдкіе изъ современниковъ понимаютъ истинный смыслъ и значеніе того историческаго движенія, которое увлекаетъ самихъ ихъ. Будемъ къ нимъ болѣе благосклонны. Вѣдь каждый изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ имѣлъ добрыя стремленія, на сколько это обусловливалось его умственнымъ кругозоромъ и положеніемъ. Патріотическія стремленія напр. графа Растопчина заслуживаютъ большаго уваженія, чѣмъ съ какимъ относится къ нимъ графъ Толстой, который говоритъ, что губернаторъ Москвы «старался своей *маленькой* рукой, то поощрять, то задерживать теченіе громаднаго, уносившаго его вмѣстѣ съ собой народнаго потока. Мы уже знаемъ, что въ рамки великаго военнаго событія авторъ вставляетъ сцены мирныя болѣе занимательныя для насъ, болѣе художественныя, къ изложенію ихъ мы и приступаемъ теперь.

Графиня Элень была въ Вильнѣ и нашла тамъ себѣ сердечнаго покровителя въ одномъ молодомъ иностранномъ принцѣ. А въ Петербургѣ, куда она возвратилась, у нея былъ уже прежде покровитель—знатный вельможа. Теперь она рѣшилась играть весьма трудную роль съ цѣлью—сохранить обоихъ. А когда принцъ узналъ это и сталъ упрекать ее, то она, считавшая себя во всемъ правою, чтобы ни дѣлала, выставила себя жертвою людскаго эгоизма, вмѣшивающагося въ ея отношенія къ людямъ,—а если принцъ хочетъ исключительности, замѣтила графиня, пусть онъ женится на ней,

и она будетъ его рабою. Принцъ сначала отшатнулся отъ этой мысли, зная, что Эленъ несвободна, потомъ обратился къ Іезуитамъ и тѣ, разумѣется, успокоили его совѣсть и хотѣли устроить все дѣло по желанію обѣихъ сторонъ. Для вступленія въ новый бракъ Эленъ должна была перейти въ католическую религію. Князь Василій, отецъ Эленъ, далъ ей въ этомъ полную волю, а Билибинъ, зная, что у Эленъ есть и покровитель—вельможа, совѣтовалъ ей лучше выйти за него, но она рѣшила перейдти въ католичество и выдти за принца! Въ этомъ духѣ писала она и своему мужу, прося его устроить разводъ. Пьеръ въ это время былъ подъ Бородинымъ, на полѣ сраженія, но не дрался, а безполезно толокся между солдатами, которые, какъ и вообще всѣ, полюбили его. Онъ дивился храбрости солдатъ и ихъ стойкости, хотѣлъ бы самъ быть солдатомъ, да чувствовалъ, что не могъ. Анатоль былъ тоже при Бородинѣ, былъ раненъ и умеръ. О печальной его судьбѣ графъ Безухій узналъ уже по дорогѣ въ Москву. Когда онъ пріѣхалъ въ Бѣлокаменную, его позвали къ губернатору. Графъ Растопчинъ уже слышалъ о его связяхъ съ массонами и сталъ его уговаривать опасаться сближенія съ ними. Въ Москвѣ же слышалъ онъ, что жена его сбирается за границу, а губернаторъ спросилъ его, «правда ли, что графиня попалась въ лапки святыхъ Отцевъ общества Іезуитовъ.—Все это сильно взволновало благородную душу Пьера, и онъ явился домой сильно не въ духѣ. Ему подали письмо жены. Прочтя его, онъ не озадачился тѣмъ извѣстіемъ что, Эленъ собралась за мужъ. Онъ легъ спать, а на другой день рано утромъ убрался изъ дому неизвѣстно куда.

Посмотримъ теперь, что дѣлаютъ наши другіе знакомые, Ростовы. Петя поступилъ тоже въ полкъ—въ казаки и

находился въ Малороссіи. Мать боялась всего дурнаго для своихъ сыновей, но воротить домой до поры до времени ни одного изъ нихъ было нельзя. Чтобы успокоить графиню, графъ перевелъ Петю въ Москву, въ полкъ графа Безухова. Тутъ она могла покрайней мѣрѣ иногда видаться съ нимъ. А старшій, Николай, писалъ роднымъ успокоительныя письма, конечно не имѣвшія успѣха.

Вскорѣ Москва была на половину оставлена жителями, при приближеніи къ ней враждебныхъ полчищъ. Ростовы тоже стали сбираться къ выѣзду, но сбирались, по обыкновенію, очень долго. Графъ хандрилъ, а остальной людъ были все женщины, ничѣмъ не умѣвшія путемъ распорядиться. Наташа (она жила теперь дома), и Соня очень мало значили. Только Петя еще что нибудь дѣлалъ, но вѣдь его отвлекала служба. Во время ихъ укладываній къ нимъ привезли раненыхъ, которымъ графъ позволилъ остановиться у себя,—и между ними былъ князь Андрей Болконскій! Его положили въ одной изъ лучшихъ комнатъ, но пока было не до него. Въ домѣ шла страшная суета, а тутъ какъ на смѣхъ пріѣхалъ Бергъ и просилъ купить кое-какіе вещи, которыя дешево продавались, для Вѣрочки! Графа это страшно раздосадовало. Раненые просили взять ихъ съ собою и сильно подѣйствовали на дамъ; отказать было нельзя. Только теперь, по калязкѣ князя Андрея, Соня и графиня узнали, что онъ раненый и находится у нихъ въ домѣ. Хотя онъ и былъ чуть не при смерти, но его везли съ другими а отъ Наташи это обстоятельство скрывали. Когда тронулись въ путь, Наташѣ было это почему-то особенно пріятно.

У Сухаревой башни Ростовы увидали Пьера, и первая увидала его Наташа. Онъ шелъ по улицѣ въ кучерскомъ кафтанѣ съ серьознымъ видомъ. Рядомъ съ нимъ шелъ какой-то старичокъ, который, замѣтивъ, что изъ проѣзжающей кареты смотрятъ на Пьера, хотѣлъ указать ему на это, и насилу вывелъ его изъ глубокой задумчивости

Наташа встрѣлила его очень ласково, стала распрашивать, но онъ былъ такъ тревоженъ и разсѣянъ, что отъ него ничего нельзя было добиться, и она его оставила. Онъ шелъ по направленію другихъ, какъ-то безотчено. Куда же тогда Пьеръ шелъ изъ своего дома, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ все это время?—Когда онъ проснулся утромъ, то узналъ, что его дожидается какой-то французъ съ письмомъ отъ Элень, а также приходили отъ имени вдовы Іосифа Алексѣевича Баздѣева, которая уѣхала въ деревню просить книги спрятать, утромъ, ни съ кѣмъ не повидавшись, онъ уѣхалъ на Патріаршіе пруды въ домъ Баздѣева, гдѣ всѣхъ удивилъ своею странностію. По его просьбѣ ему достали кучерской кафтанъ и Пьеръ, сдѣлавъ все, что нужно, отправился къ Сухаревой покупать пистолетъ. За Сухоревою уже его встрѣтили Ростовы.

II.

Въ это время войска наши, по приказанію главнокомандующаго, отступали на рязанскую дорогу, а вскорѣ Наполеонъ съ необычайнымъ, но напраснымъ торжествомъ занялъ нашу столицу, тщетно прождавши депутаціи съ предложеніемъ сдачи. Москва опустѣла подобно вымершему улью. Кое гдѣ еще безсмысленно шевелились люди. Жители оставили ее, увезя съ собою и имущество, какое могли; остались лишъ тѣ, кто не могъ уѣхать, или желалъ поживиться. Такіе всегда и вездѣ найдутся. Всего больше дивился отдачѣ Москвы непріятелю безъ боя графъ Растопчинъ. Онъ сталъ вдругъ бояться бунта, хотя бунта никакого и ни откуда не предвидѣлось. Дѣло въ томъ, что графъ Растопчинъ, глубокій патріотъ, желалъ управлять народнымъ чувствомъ и видѣлъ уже возмущеніе въ томъ, что не могъ справиться съ этимъ народнымъ чувствомъ, не могъ играть той роли, которую самъ себѣ задалъ. Изъ Москвы все побѣжало,

и онъ долженъ былъ удаляться, и виновниковъ такой необходимости онъ сталъ считать измѣнниками отечества. Онъ былъ страшно раздраженъ и поступалъ безтактно; такъ когда къ нему привели одного человѣка въ кандалахъ весьма жалкаго на видъ, котораго обвиняли въ измѣнѣ и въ погубленіи Москвы, то губернаторъ, не разобравъ еще хорошенько, въ чемъ дѣло, допустилъ, даже чуть не приказалъ варварски истерзать несчастнаго, жалкаго человѣка: то былъ Верещагинъ. Отвратительная сцена этого убійства произошла на самомъ губернаторскомъ дворѣ, но отвратительно и подѣйствовала на всѣхъ. Мастерски изображена графомъ Толстымъ эта сцена и вызвавшія и сопровождавшія ее чувства. Самъ графъ Растопчинъ смутился, а народъ «жался прочь отъ трупа:» до такой степени покойникъ внушалъ сострадание. Раскаянье толпы, въ совершенной катострофѣ и отвратительная зверская сцена передернуло Губернатора еще сильнѣе. Онъ поѣхалъ въ Сокольники. «Выѣхалъ на Мясницкую и неслыша болѣе криковъ толпы, графъ сталъ раскаиваться.. «Графъ, одинъ Богъ надъ нами!» вспомнились ему слова Верещагина (можетъ быть, невиннаго), и непріятное чувство холода пробѣжало по спинѣ графа Растопчина. Онъ насилу могъ успокоиться. Долго призракъ страдальца грезился ему.

Войдя въ Москву, Французы все еще не переставали думать о предстоящемъ сраженіи. Имъ не вѣрилось, чтобы столица Россіи могла быть отдана безъ боя. Звонъ колокола въ Кремлѣ казался имъ призывомъ къ оружію. А между тѣмъ число ихъ уменьшилось до $^1/_3$ прежняго войска. Вскорѣ и это войско, пока еще грозное, въ силу самыхъ вещей обратилось въ мародеровъ. Они разошлись по квартирамъ и занялись грабежемъ, такъ какъ готовыхъ припасовъ у нихъ не было. Это была его деморолизація, поведшая къ гибели.

Пьеръ былъ въ это время въ Москвѣ въ домѣ Іосифа

Алексѣевича, и ему пришла въ голову странная мысль— спасти (одному) отечество, положить предѣлъ власти *звѣря.* Для этого-то онъ и досталъ себѣ кафтанъ и пистолетъ. Въ этомъ намѣреніи его еще больше укрѣпило то извѣстіе, что Москву защищать не будутъ. Съ одной стороны ему хотѣлось быть жертвою среди общаго несчастія родины, а съ другой онъ жаждалъ дѣятельности и во что бы то ни стало хотѣлъ создать ее. О себѣ онъ и думать забылъ: ѣлъ грубую пищу вмѣстѣ съ служителями, пилъ водку, не имѣлъ вина и сигаръ, не перемѣнялъ бѣлья и все это время жилъ въ оставленномъ домѣ Іосифа Алексѣевича.—Ему казалось, что его само Провидѣніе избрало орудіемъ гибели Наполеона, и онъ готовъ былъ самъ погибнуть, только-бы совершить свое великое дѣло.— Но Французы заняли и тотъ домъ, гдѣ былъ теперь Пьеръ. Послѣдній рѣшился было не открывать своего знанія французскаго языка, но не выдержалъ, вслѣдствіе одного исключительнаго обстоятельства. Именно одинъ изъ жившихъ въ томъ же домѣ, родственникъ хозяина, напившись пьянъ, схватилъ пистолетъ Пьера и выстрѣлилъ въ французскаго офицера, и Пьеръ, въ испугѣ вырвавъ у Макара Алексѣевича и, бросивъ пистолетъ, спросилъ офицера по французски, не раненъ-ли онъ. Потомъ онъ заступился за бѣднягу Макара Алексѣевича. Французъ считалъ Пьера своимъ спасителемъ и сразу такъ полюбилъ его, что не хотѣлъ и вѣрить, чтобъ онъ былъ русскій. Всѣ хорошіе люди должны быть французы. Офицеръ предложилъ Пьеру свою дружбу и спросилъ его объ имени; тотъ сказалъ, что его зовутъ M-r Pierre. За обѣдомъ, къ которому офицеръ пригласилъ и Пьера, разговоръ шелъ о достоинствахъ французовъ и неустрашимости русскихъ, о прелестяхъ Парижа. Потомъ офицеръ, узнавши, что дамы русскіе уѣхали изъ столицы, въ качествѣ истиннаго любезника глубоко пожалѣлъ объ этомъ, перешелъ къ своему Императору и выставлялъ его

образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Оказалось, что этотъ офицеръ весьма простой и добрый малый. Но веселость, овладѣвшая было Пьеромъ подъ вліяніемъ выпитаго вина, вскорѣ оставила его. Ему досадно было на себя, что онъ сталъ безхарактеренъ и такъ скоро со всѣмъ мирится. При этой мысли и болтовня французскаго капитана, прежде такъ занимавшая его, показалась ему несносною, хотѣлъ было уйдти, не говорить съ нимъ ни слова, да опять характера не хватаетъ, и онъ опять сѣлъ съ капитаномъ, началъ болтать и пить вино. Французъ говорилъ о любви, о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и, разумѣется, очень много хвасталъ. Тутъ Пьеръ вспомнилъ о Наташѣ, о своей судьбѣ и разсказалъ французу свою исторію.

III.

Ночью на 2-е сентября Москва страшно горѣла, пожаръ былъ далеко видѣнъ. Его видѣли и Ростовы изъ своей подмосковной деревни, и всѣ жалѣли о Бѣлокаменной; старая графиня даже расплакалась. Но Наташу не поразилъ и пожаръ Москвы. Она была сама не своя съ тѣхъ поръ, какъ узнала отъ Сони о судьбѣ и мѣстопребываніи князя Андрея. Въ ней не потухла любовь къ нему, а въ тоже время ее терзало раскаяніе. Она заболѣла и тѣлесно и душевно, но не говорила никому ничего о себѣ, хотя видимо страдала. Въ первую ночь послѣ ужаснаго открытія Наташа не спала, выждала, пока всѣ заснули, даже окликнула ихъ, а потомъ тихонько встала и пробралась въ избу, гдѣ лежалъ князь Андрей. Она съ утра еще рѣшила, что ей надобно видѣться съ нимъ, а теперь ужасалась того, что̀ предстояло ей увидѣть. Но вотъ она увидѣла его при свѣтѣ сальной свѣчи. Онъ вовсе не такъ страшенъ, какъ она его себѣ представляла. Теперь онъ очнул-

ся отъ того безпамятства, въ которомъ былъ долго послѣ раны въ животъ. Докторъ впрочемъ рѣшилъ, что онъ умретъ, хотя ему теперь и было лучше. Онъ часто снова приходилъ въ безпамятство отъ страшной боли и бредилъ; воображеніе его было горячечно настроено. Но когда онъ опять приходилъ въ себя, душа его яснѣла и смягчалась; онъ видимо сталъ гнушаться земнаго и стремиться къ небесному. Онъ жаждалъ любви, но любви не переходящей въ ненависть, любви божественной. Теперь только онъ вспомнилъ и о Наташѣ, понялъ ея страданія и всю жестокость своего разрыва съ нею. Но вотъ ему чудится въ бреду, что что-то бѣлое стоитъ надъ нимъ и шепчетъ ему какія-то слова. Когда онъ пришелъ въ себя, подлѣ него стояла на колѣняхъ Наташа, и это обрадовало страдальца, откинувшаго теперь отъ себя житейскую гордыню. Она тихо молила его о прощеніи, цѣловала руку его, а онъ, уже другой человѣкъ, отвѣчалъ ей, что онъ любитъ ее чистою, неземною любовью. Но вотъ ихъ свиданію помѣшали докторъ и дѣвушка, замѣтившая отсутствіе барышни, и Наташа съ рыданьями легла въ постель. Но съ тѣхъ поръ она во все время путешествія не отходила отъ раненаго, и никто уже не мѣшалъ ей.

А между тѣмъ Москва рушилась. На другой день послѣ разговора съ капитаномъ Пьеръ былъ сильно взволнованъ всѣмъ происходившимъ вокругъ него, и снова въ душѣ его пробудилась мысль — спасти Россію. Онъ отправился изъ дому вооруженный кинжаломъ, удивляя всѣхъ на пути своимъ страннымъ костюмомъ, не шедшимъ къ лицу, и сосредоточеннымъ видомъ. Онъ видимо шелъ къ какой-то цѣли; онъ не зналъ, что Наполеонъ въ это самое время сидѣлъ въ мрачномъ настроеніи духа въ Кремлевскомъ дворцѣ. А графъ Безухъ между тѣмъ шелъ къ Поварской. Подлѣ одного горѣвшаго дома сидѣла на землѣ женщина и просила спасти дочь ея, оставшуюся въ пожарищѣ. Пьеръ

принялъ въ ней участіе и рѣшился идти спасать ея дочь Его повели по улицѣ, но по дорогѣ они наткнулись на французскихъ солдатъ, которые не позволяли имъ идти далѣе. Они должны были идти переулкомъ и наконецъ пришли къ горящему флигелю, въ которомъ оставлена была дѣвочка. Но оказалось, что дѣвочка была въ саду, и ее нашли. Пьеръ взялъ ее на руки и побѣжалъ отыскивать мать. Во всемъ этомъ мы видимъ его сострадательное сердце. Но онъ не могъ отыскать матери, а между тѣмъ фигура его съ ребенкомъ на рукахъ была такъ любопытна, что обратила на него общее вниманіе. Но тутъ его благотворительному стремленію предстояла новая задача. Солдатъ-французъ сталъ раздѣвать красивую Армянку, сидѣвшую на землѣ рядомъ со старикомъ, съ котораго сапоги уже были сняты. Пьеръ рѣшился заступиться за беззащитную женщину и, отдавъ ребенка какой-то бабѣ, чтобы она передала ее родителямъ, самъ бросился на французовъ и сталъ бить одного изъ нихъ. Но въ это время наѣхали французскіе уланы, взяли его, какъ человѣка буйнаго и подозрительнаго, и увели съ собою въ большой домъ на Зубовскомъ валу, гдѣ была устроена гауптвахта. Такъ какъ онъ, среди другихъ арестованныхъ по подозрѣнію же, казался всѣхъ подозрительнѣе, то его помѣстили отдѣльно подъ строгимъ карауломъ.

IV.

Сцена дѣйствія переносится въ Петербургъ, и мы снова въ блестящемъ салонѣ Анны Павловны Шереръ. У нея вечеръ, на которомъ князь Василій, какъ хорошій чтецъ, взялся прочесть патріотическое письмо преосвященнаго къ государю. Но пока еще гости не всѣ собрались, и въ ожиданіи чтенія, составлявшаго политическій букетъ этого вечера, шелъ разговоръ о внезапной болѣзни Элленъ. Всѣ

жалѣли бѣдную страдалицу, только что вышедшую вторично за мужъ. Тутъ же слышались и остроты Билибина. Но съ появленіемъ князя Василія все смолкло, и письмо преосвященнаго было выслушано съ глубокимъ благоговѣніемъ, и вечеръ кончили толками о политическихъ дѣлахъ. Анна Павловна предсказывала побѣду Русскимъ, и ея предсказаніе сбылось: на слѣдующій день дѣйствительно получено было отъ Кутузова извѣстіе о побѣдѣ подъ Тарутинымъ, и при дворѣ было большое торжество. Но оставленіе Москвы на жертву непріятелю дурно подѣйствовало на общество, а Государь даже прослезился, но выразилъ твердое желаніе продолжать войну съ Наполеономъ до послѣдней капли крови. Все это — черты чисто историческія. Все населеніе было проникнуто также необычайнымъ патріотизмомъ и готово было на всякія пожертвованія.

Нашъ знакомецъ Николай Ростовъ былъ въ это время по дѣламъ службы въ Воронежѣ. Онъ покупалъ тамъ лошадей, но это не мѣшало ему побывать у губернатора на вечерѣ. Ему, какъ защитнику отечества, оказано было весьма лестное вниманіе со стороны дамъ. Особенно понравилось ему одна блондиночка, жена какого-то чиновника. Онъ началъ отпускать ей комплименты, что сердило мужа. Губернаторша наконецъ отозвала Ростова къ Мальвинцевой, теткѣ княжны Марьи, съ которой онъ теперь и познакомился. Губернаторша потомъ выразила ему желаніе сосватать ему какую нибудь богатую красавицу, но онъ объявилъ, что онъ — женихъ кузины Софи, и собесѣдница его осталась недовольна тѣмъ, что онъ беретъ себѣ невѣсту безъ состоянія. Хоть бы княжну Марью взялъ: у той состояніе есть, да и нравится она ему.

А княжна Марья между тѣмъ въ Москвѣ очень грустила — и о смерти отца, и о судьбѣ брата. По волѣ послѣдняго она тоже пріѣхала теперь въ Воронежъ. Тамъ уже дамы стали серьезно хлопотать о ея бракѣ съ Ростовымъ, особенно

Мальвинцева и губернаторша. Сама она была, правда, не совсѣмъ равнодушна къ Николаю Ростову, но не хотѣла пока думать о замужствѣ. При встрѣчѣ съ нимъ она раскланялась свободно и съ граціей. Какъ-то вся она оживилась съ появленіемъ Ростова, и всѣ лучшія чувства и душевныя силы отразились на лицѣ ея. Николай рѣшилъ, что лучшаго женскаго лица онъ еще не видалъ до сихъ поръ. Однако и онъ, и княжна маскировались, старались быть спокойными. Видѣлись они теперь съ этого раза мало, потому что княжна носила трауръ, а Николай Ростовъ не считалъ приличнымъ навѣщать ее; но дѣло сватовства шло быстрыми шагами впередъ. Особенно хлопотала губернаторша. Она даже устроила свиданье влюбленныхъ. И Ростовъ забылъ Соню, все только и думалъ о княжнѣ. А она между тѣмъ получила извѣстіе о ранѣ брата и собралась ѣхать искать его. Ростову тоже стало скучно въ Воронежѣ, когда получено было извѣстіе о Бородинской битвѣ и объ оставленіи Москвы. Ему хотѣлось въ полкъ. А между тѣмъ тяжело было разстаться съ княжной Марьей, въ которую онъ былъ влюбленъ нравственно; ему нравилась въ ней эта тихая задушевная грусть и нѣжность, чего онъ терпѣть не могъ въ мужчинахъ, напр. въ князѣ Андреѣ. Въ княжнѣ Марьѣ онъ любилъ душу, а въ Сонѣ больше тѣлесную красоту, и вотъ онъ сталъ желать развязки съ Соней, даже молился иногда объ этомъ. И чтоже? получается письмо отъ Сони, въ которомъ она даетъ ему свободу, такъ какъ сама графиня не желаетъ ихъ брака, да и Николай ничего не пишетъ, вѣрно охолодѣлъ. Благородная Соня видѣла, что она должна принести себя въ жертву своимъ благодѣтелямъ, и дать Николаю свободу жениться на богатой невѣстѣ, такъ какъ дѣла Ростовыхъ были очень плохи. Этого требовала отъ нея и графиня. Разумѣется, это было тяжело ей, но письмо, наконецъ, было написано. Получено было также письмо отъ матери, гдѣ она увѣдомляла его объ

опасномъ положеніи князя Андрея. Это письмо, показанное потомъ княжнѣ Марьѣ, еще болѣе сблизило ихъ. Вскорѣ они разъѣхались — Ростовъ въ полкъ, а княжна въ Ярославль, потому что Ростовы съ княземъ Андреемъ жили въ это время у Троицы, а прямо чрезъ Москву теперь нельзя было ѣхать. Она сочла своей непремѣнною обязанностью быть подлѣ брата, находящагося въ опасномъ положеніи. И вотъ она отправилась въ путь съ m-lle Bourienne и съ племянникомъ, сыномъ князя Андрея. Во время пути княжна удивила всѣхъ своею необыкновенною твердостію духа и дѣятельностію, и къ концу второй недѣли они подъѣзжали благополучно къ Ярославлю.

V.

Мы оставили графа Пьера на гауптвахтѣ. Товарищами его по заключенію были все люди низкаго происхожденія, и потому они чуждались его, замѣтивъ въ немъ барина, тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ по французски. Всѣхъ ихъ подозрѣвали въ поджогѣ и водили на допросъ, гдѣ Пьеръ не сказалъ своего имени. На четвертый день арестантовъ перевели на Крымскій бродъ въ каретный сарай одного дома. Оттуда чрезъ нѣсколько дней ихъ всѣхъ повели на Дѣвичье поле, и при этомъ Пьера страшно поразили развалины выгорѣвшей Москвы На Дѣвичьемъ полѣ жилъ маршалъ Даву, который допрашивалъ подсудимыхъ по одиночкѣ. Пьера онъ счелъ за шпіона. Напрасно Пьеръ називалъ свое имя и званіе, указалъ притомъ на Рамбаля (капитана), который можетъ засвидѣтельствовать истину его словъ, Даву все не вѣрилъ. Но вскорѣ Даву позвали къ Императору, а Пьера повели неизвѣстно куда. Можетъ быть, на казнь? Но за что же меня казнить? подумалъ онъ. — Дѣйствительно, всѣхъ ихъ подвели къ столбу съ вырытою

ямою; противъ нихъ стояли войска; а кругомъ громадная толпа народа. Готовилось что то страшное. Пьеръ хотѣлъ, чтобы это страшное кончилось поскорѣе. Имъ всѣмъ прочли приговоръ къ смерти по русски и по французски и стали подводить къ столбу и разстрѣливать по двое. Пьеръ стоялъ шестымъ. Чувства страдальцевъ и Пьера изображены превосходно. Кто же это дѣлаетъ наконецъ, думалъ Пьеръ Они всѣ (т. е. и русскіе, и французы) страдаютъ такъ же, какъ и я. Кто же? Кто же? Въ это время взяли и и повели на казнь послѣдняго человѣка, стоявшаго рядомъ съ Пьеромъ. Тутъ онъ на нѣкоторое время ничего не помнилъ отъ сильнаго волненія, даже не с...лъ выстрѣла. Оказалось, что Пьера и всѣхъ стоявшихъ ...слѣ него приводили лишь для того, чтобъ присутств...ать при казни. Ихъ отвели въ какую-то обезображенную церковь, а вечеромъ его, какъ прощеннаго, отвели къ военноплѣннымъ. Долго потомъ грезился ему образъ одного изъ застрѣленныхъ русскихъ и терзала душу эта неразрѣшимая путаница и безъурядица, въ силу которой у человѣка, Богъ знаетъ по какому праву, отнимаютъ жизнь, и притомъ дѣлаютъ это съ страданіемъ и отвращеніемъ. Во время казни Пьеръ ясно видѣлъ, что сами исполнители ее мучились

Товарищи Пьера по заключенію, плѣнные солдаты, обходились съ нимъ весьма ласково: несчастія всегда сближаютъ людей. Они даже дѣлились съ нимъ, чѣмъ, конечно, могли. Больше всѣхъ полюбился графу Безухову Платонъ Каратаевъ за его доброе, прямое, чисто русское сердце.

VI.

Въ это время княжна Марья пріѣхала въ Ярославль, въ очень разнообразномъ настроеніи духа. Она въ первый разъ въ жизни любила и сама была любима Николаемъ Росто-

вымъ: это была свѣтлая сторона жизни; но въ тоже время она знала, что братъ ея сильно болѣнъ, и порою горе сильно терзало ее. Въ Ярославль она пріѣхала съ сильною душевною мукою. Напрасно потомъ Ростовы старались утѣшить и увѣрить ее, что братъ внѣ опасности. Вѣрить она не хотѣла и не могла никому и ничему. Она нетерпѣливо желала видѣть брата, съ которымъ, какъ она узнала, была Наташа, такъ непонравившаяся ей въ Москвѣ. Но прежняго недружелюбнаго чувства теперь не осталось и слѣда въ душѣ княжны. Теперь напротивъ, взглянувъ на лицо Наташи, вошедши въ ту комнату, гдѣ собрались и хозяева и гости, она поняла, что Наташа была ея истиннымъ товарищемъ по горю. Она встрѣтила ее какъ родную. Она разомъ поняла по лицу ея, что на немъ написана любовь, безпредѣльная любовь къ брату и ко всему тому, что ему близко. Но спросить о братѣ она боялась, начала вопросъ, да и не кончила, а Наташа плакала, плакала и княжна, потомъ успокоившись пошли къ князю. Хуже ему недавно стало, пояснила дорогою Наташа, а то было лучше. Все это объясненіе отлично передано намъ авторомъ, вѣрно передано и горькое замѣчаніе любящей Наташи объ Андреѣ: «Онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ, не можетъ жить, потому что....» Она не договорила и онѣ вошли въ комнату князя Андрея. Княжна Марья боялась разрыдаться и встревожить больнаго, но потомъ при видѣ брата, больнаго, исхудавшаго, слезы ея какъ бы пересохли. Послѣ первыхъ привѣтствій, при которыхъ въ голосѣ Андрея звучала какая то чуждая нота, какъ будто выходецъ съ того свѣта говорилъ съ живыми людьми, княжна Марья ясно видѣла, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ: ему все живое казалось страннымъ, почти враждебнымъ. Разговоръ плохо вязался; больной почти не принималъ участія въ томъ, что ему говорилось. Передъ его умиравшими очами открывался, казалось, другой міръ, въ который онъ готовъ былъ

I.

Продолжая слѣдить за окончаніемъ произведенія графа Л. Н. Толстаго мы узнаемъ, что, «такъ называемая партизанская война началась со вступленіемъ непріятеля въ Смоленскъ.

«Прежде, чѣмъ партизанская война была оффиціально принята нашимъ правительствомъ, уже тысячи людей непріятельской арміи—отсталые мародеры, фуражиры—были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этихъ людей также безсознательно, какъ безсознательно собаки загрызаютъ забѣглую бѣшенную собаку. Денисъ Давыдовъ своимъ русскимъ чутьемъ первый понялъ значеніе той страшной дубины, которая, неспрашивая правилъ военнаго искусства, уничтожала Французовъ и ему принадлежитъ слава перваго шага для узаконенія этого пріема войны.

«24-го числа августа былъ учрежденъ первый партизанскій отрядъ Давыдова и, вслѣдъ за его отрядомъ стали учреждаться другіе. Чѣмъ дальше подвигалась компанія, тѣмъ болѣе увеличивалось число этихъ отрядовъ.

«Партизаны уничтожали великую армію по частямъ. Они подбирали тѣ отпадшіе листья, которые сами собою сыпались съ изсохшаго дерева—французскаго войска, и иногда трясли это дерево. Въ октябрѣ, въ то время какъ Французы бѣжали къ Смоленску, этихъ партій различныхъ величинъ и характеровъ были сотни. Были партіи, перенимавшія всѣ пріемы арміи, съ пѣхотой, артиллеріей, штабами, съ удобствами жизни; были однѣ казачьи, кавалерійскія; были мелкія, сборныя, пѣшія и конныя, были мужицкія и

о страдальцѣ лежалъ тяжелымъ камнемъ на душѣ каждый изъ нихъ, который онѣ боялись шевелить. Князь Андрей страшно ослабѣлъ. Его исповѣдовали и причастили, всѣ простились съ нимъ, потомъ онъ благословилъ сына, и все это дѣлалъ какъ то машинально, по чужой волѣ. Наконецъ онъ началъ отходить, и при послѣднихъ содроганіяхъ тѣла обѣ дорогія ему дѣвушки стояли надъ нимъ, потомъ, когда онъ охолодѣлъ, княжна Мари сказала: «кончилось?!», а Наташа закрыла глаза князю Андрею и поцѣловала его. Только теперь горе Наташи и княжны пролилось слезами, но онѣ плакали не за себя, а, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простаго и торжественнаго таинства смерти, совершившагося передъ ними.» Вообще, смерть князя Андрея—это лучшій эпизодъ въ романѣ графа Толстаго по тонкости и вѣрности анализа, почему и мы были въ этомъ случаѣ подробнѣе.

Наполеонъ, какъ извѣстно, вскорѣ оставилъ Москву и погубилъ свою армію въ Россіи. Событія этого кто не знаетъ. Намъ интересенъ только взглядъ Л. Н. Толстаго: по его мнѣнію, Наполеонъ, взявъ Москву, дѣйствовалъ такъ, какъ можно было бы дѣйствовать лишь желая погубить армію. Но вѣдь онъ не хотѣлъ этого: дѣйствительно, онъ допустилъ армію до грабежа, до распущенности, ничѣмъ ее не снабдилъ, тогда какъ могъ бы. Графъ Толстой доходитъ даже до сомнѣнія въ геніальности Наполеона; но мы здѣсь разумѣется не будемъ поднимать этого вопроса. А лучше спросимъ, куда дѣвался нашъ почтенный Пьеръ, бывшій въ плѣну у французовъ уже цѣлый мѣсяцъ. Уходя изъ Москвы, они взяли съ собою всѣхъ плѣнныхъ и съ ними начали свое знаменитое отступленіе.

«Немного впереди ихъ шелъ насквозь промокшій мужичокъ проводникъ, въ сѣромъ кафтанѣ и бѣломъ колпакѣ.

«Немного сзади, на худой, тонкой, киргизской лошаденкѣ съ огромнымъ хвостомъ и гривой и съ продранными въ кровь губами, ѣхалъ молодой офицеръ въ синей, французской шинели.

«Рядомъ съ нимъ ѣхалъ гусаръ, везя за собой на крупѣ лошади, мальчика въ французскомъ оборванномъ мундирѣ и синемъ колпакѣ. Мальчикъ держался красными отъ холода руками за гусара, пошевеливалъ, стараясь согрѣть ихъ, свои босыя ноги, и, поднявъ брови, удивленно оглядывался вокругъ себя. Это былъ взятый утромъ французскій барабанщикъ.

«Сзади по три, по четыре, по узкой, раскинувшей и изъѣзжанной лѣсной дорогѣ, тянулись гусары, потомъ казаки, кто въ буркѣ, кто въ французской шинели, кто въ попонѣ, накинутой на голову. Лошади, и рыжія, и гнѣдыя, всѣ казались вороными отъ струившагося съ нихъ дождя. Шеи лошадей казались странно тонкими отъ смокшихся гривъ. Отъ лошадей поднимался паръ. И одежды, и сѣдла, и поводья, все было мокро, склизко и раскисло, также какъ и земля и спавшіе листья, которыми была уложена дорога. Люди сидѣли нахохлившись, стараясь не шевелиться, чтобы отогрѣвать ту воду, которая пролилась до тѣла и не пропускать новую холодную, подтекавшую подъ сидѣнья, колѣни и за шеи. Въ серединѣ вытянувшихся казаковъ двѣ фуры на французскихъ и подпряженныхъ въ сѣдлахъ казачьихъ лошадяхъ, громыхали по пнямъ и сучьямъ и бурчали по наполненнымъ водою колеямъ дороги.

«Лошадь Денисова, обходя лужу, которая была на дорогѣ, потянулась въ сторону и толкнула его колѣнкой о дерево.

Э, чогʼтъ! злобно вскрикнулъ Денисовъ и, оскаливъ зубы, плетью раза три ударилъ лошадь, забрызгавъ себя и

товарищей грязью. Денисовъ былъ не въ духѣ: и отъ дождя, и отъ голода (съ утра никто ничего не ѣлъ), и главное оттого, что отъ Долохова до сихъ поръ не было извѣстій и посланный взять языка, не возвращался.

— Едва ли выйдетъ другой такой случай какъ нынче напасть на транспортъ. Одному нападать слишкомъ рисковано, а отложить до другаго дня, — изъ подъ носа захватитъ добычу кто нибудь изъ большихъ партизановъ, думалъ Денисовъ, безпрестанно взглядывая впередъ, думая увидать ожидаемаго посланнаго отъ Долохова.

Выѣхавъ на просѣку, по которой видно было далеко направо, Денисовъ остановился.

— Ѣдетъ кто-то, сказалъ онъ.

Эсаулъ посмотрѣлъ по направленію указываемому Денисовымъ.

— Ѣдутъ двое,—Офицеръ и казакъ. Только не *предположительно* чтобы былъ самъ подполковникъ, сказалъ Эсаулъ, любившій употреблять неизвѣстныя казакамъ слова.

«Ѣхавшіе, спустившись подъ гору, скрылись изъ вида и черезъ нѣсколько минутъ опять показались. Впереди усталымъ галопомъ, погоняя нагайкой, ѣхалъ офицеръ—растрепанный, насквозь промокшій и съ взбившимися выше колѣнъ панталонами. За нимъ, стоя на стременахъ, рысилъ казакъ. Офицеръ этотъ, очень молоденькій мальчикъ, съ широкимъ, румянымъ лицомъ и быстрыми, веселыми глазами, подскакалъ къ Денисову и подалъ ему промокшій конвертъ.

— Отъ генерала, сказалъ офицеръ:—извините, что несовсѣмъ сухо...

Денисовъ, нахмурившись, взялъ конвертъ и сталъ распечатывать.

— Вотъ говорили все, что опасно, опасно, сказалъ офицеръ, обращаясь къ эсаулу въ то время, какъ Денисовъ читалъ поданный ему конвертъ.—Впрочемъ мы съ Комаровымъ—онъ указалъ на казака—приготовились. У насъ по два

писто.... А это чтожъ? спросилъ онъ, увидавъ французскаго барабанщика,—плѣнный? Вы уже въ сраженьи были? Можно съ нимъ поговорить?

— Ростовъ! Петя! крикнулъ въ это время Денисовъ, пробѣжавъ поданный ему конвертъ.—Да какже ты не сказалъ кто ты? и Денисовъ съ улыбкой, обернувшись, протянулъ руку офицеру

Офицеръ этотъ былъ Петя Ростовъ.

«Во всю дорогу Петя приготавливался къ тому, какъ онъ, какъ слѣдуетъ большому и офицеру, не намекая на прежнее знакомство, будетъ держать себя съ Денисовымъ. Но какъ только Денисовъ улыбнулся ему, Петя тотчасъ же просіялъ, покраснѣлъ отъ радости и забылъ приготовленную офиціальность, началъ разсказывать о томъ, какъ онъ проѣхалъ мимо Французовъ и какъ онъ радъ, что ему дано такое порученіе и что онъ былъ уже въ сраженіи подъ Вязьмой и что тамъ отличился одинъ гусаръ.

— Ну, я г'адъ тебя видѣть, перебилъ его Денисовъ и лицо его приняло опять озабоченное выраженіе.

— Михаилъ Ѳеоклитычъ, обратился онъ къ эсаулу. — Вѣдь это опять отъ нѣмца. Онъ пг'и нёмъ состоитъ. — И Денисовъ разсказалъ эсаулу, что содержаніе бумаги привезенной сейчасъ, состояло въ повторенномъ требованіи отъ генерала нѣмца присоединиться для нападенія па транспортъ. — Ежели мы его завтг'а не возьмемъ, онъ у насъ изъ подъ носа выг'ветъ, заключилъ онъ.

«Въ то время какъ Денисовъ говорилъ съ эсауломъ, Петя, сконфуженный холоднымъ тономъ Денисова и предполагая, что причиною этого тона было положеніе его панталонъ, такъ, чтобы никто этого не замѣтилъ, подъ шинелью поправлялъ взбившіеся панталоны, стараясь имѣть видъ какъ можно воинственнѣе.

— Будетъ какое приказаніе отъ вашего высокоблагородія? сказалъ онъ Денисову, приставляя руку къ козырьку и опять возвращаясь къ игрѣ въ адъютанта и генерала, къ которой онъ приготовился,—или долженъ я оставаться при вашемъ высокоблагородіи?

— Приказанія?... задумчиво сказалъ Денисовъ.—Да ты можешь ли остаться до завтг'ашняго дня?

— Ахъ, пожалуста... Можно мнѣ при васъ остаться? вскрикнулъ Петя.

— Да какъ тебѣ именно велѣно отъ генег'ала—сейчасъ вег'нуться? спросилъ Денисовъ.—Петя покраснѣлъ.

— Да онъ ничего не велѣлъ, я думаю можно? сказалъ онъ вопросительно.

— Ну, ладно, сказалъ Денисовъ. И обратившись къ своимъ подчиненнымъ, онъ сдѣлалъ распоряженія о томъ, чтобъ партія шла къ назначенному у караулки въ лѣсу мѣсту отдыха, и чтобы офицеръ на киргизской лошади (офицеръ этотъ исполнялъ должность адъютанта) ѣхалъ отыскивать Долохова, узнать гдѣ онъ и придетъ ли онъ вечеромъ. Самъ же Денисовъ съ эсауломъ и Петей намѣревался подъѣхать къ опушкѣ лѣса, выходившей къ Шамшеву съ тѣмъ, чтобы взглянуть на то мѣсто расположенія Французовъ, на которое должно было быть направлено завтрашнее нападеніе.

— Ну бог'ода, обратился онъ къ мужику проводнику, веди къ Шамшеву.

Денисовъ, Петя и эсаулъ, сопутствуемые нѣсколькими казаками и гусаромъ, который везъ плѣннаго, поѣхали влѣво, черезъ оврагъ, къ опушкѣ лѣса.

II.

«Дождикъ прошелъ, только падалъ туманъ и капли воды съ вѣтокъ деревьевъ. Денисовъ, эсаулъ и Петя молча ѣхали

за мужикомъ въ колпакѣ, который легко и беззвучно ступая своими вывернутыми въ лаптяхъ ногами, по кореньямъ и мокрымъ листьямъ, велъ ихъ къ опушкѣ лѣса.

«Выйдя на изволокъ, мужикъ пріостановился, оглядѣлся и направился къ рѣдѣвшей стѣнѣ деревьевъ. У большаго дуба еще не скинувшаго листа, онъ остановился и таинственно поманилъ къ себѣ рукою.

«Денисовъ и Петя подъѣхали къ нему. Съ того мѣста, на которомъ остановился мужикъ, были видны Французы. Сейчасъ за лѣсомъ шло внизъ полубугромъ яровое поле. Вправо, черезъ крутой оврагъ, виднѣлась небольшая деревушка и барскій домикъ съ разваленными крышами. Въ этой деревушкѣ и въ барскомъ домѣ, и по всему бугру въ саду, у колодцевъ и пруда и по всей дорогѣ въ гору отъ моста къ деревнѣ, не болѣе какъ въ 200-хъ саженяхъ разстоянія виднѣлись въ колеблющемся туманѣ толпы народа. Слышны были явственно ихъ не-русскіе крики на выдиравшихся въ гору лошадей въ повозкахъ и призывы другъ къ другу.

— Плѣннаго дайте сюда, негромко сказалъ Денисовъ, не спуская глазъ съ Французовъ.

«Казакъ слѣзъ съ лошади, снялъ мальчика и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ Денисову. Денисовъ, указывая на Французовъ, спрашивалъ, какія и какія это были войска. Мальчикъ, засунувъ свои озябшія руки въ карманы и поднявъ брови, испуганно смотрѣлъ на Денисова, и не смотря на видимое желаніе сказать все, что онъ зналъ, путался въ своихъ отвѣтахъ и только подтверждалъ то, что спрашивалъ Денисовъ. Денисовъ, нахмурившись, отвернулся отъ него и обратился къ эсаулу, сообщая ему свои соображенія.

«Петя, быстрыми движеніями поворачивая голову, оглядывался то на барабанщика, то на Денисова, то на эсаула, то на Французовъ въ деревнѣ и на дорогѣ, стараясь не пропустить чего нибудь важнаго.

— Пг'йдетъ, не пг'идетъ Долоховъ, надо бг'ать!... А? сказалъ Денисовъ, весело блеснувъ глазами.

— Мѣсто удобное, сказалъ эсаулъ.

— Пѣхоту низомъ лепошимъ—болотоми; продолжалъ Денисовъ, они подлѣзутъ къ саду; вы заѣдете съ казаками оттуда, — Денисовъ указалъ на лѣсъ за деревней; — а я отсюда, съ своими гусаг'ами. И по выстрг'ѣлу.....

— Лощиной нельзя будетъ,—трясина сказалъ эсаулъ.— Коней увязишь, надо объѣзжать полѣвѣе.

Въ то время, какъ они вполголоса говорили такимъ образомъ, внизу, въ лощинѣ отъ пруда, щелкнулъ одинъ выстрѣлъ, забѣлѣлся дымокъ, другой, и послышался дружный, какъ будто веселый крикъ сотенъ голосовъ Французовъ, бывшихъ на полугорѣ. Въ первую минуту и Денисовъ, и эсаулъ подались назадъ. Они были такъ близко, что имъ показалось, что они были причиной этихъ выстрѣловъ и криковъ. Но выстрѣлы и крики не относились къ нимъ. Низомъ, по болотамъ, бѣжалъ человѣкъ въ чемъ то красномъ. Очевидно по немъ стрѣляли и на него кричали Французы.

— Вѣдь это Тихонъ нашъ, сказалъ эсаулъ.

— Онъ! онъ и есть!

— Эка шельма, сказалъ Денисовъ.

Человѣкъ, котораго они называли Тихономъ, подбѣжавъ къ рѣчкѣ, булдыхнулся въ нее такъ, что брызги полетѣли и, скрывшись на мгновенье, весь черный отъ воды выбрался на четверинкахъ и побѣжалъ дальше. Французы, бѣжавшіе за нимъ, остановились.

— Ну ловокъ, сказалъ эсаулъ.

— Экая бестія! съ тѣмъ же выраженіемъ досады проговорилъ Денисовъ. И что онъ дѣлалъ до сихъ поръ?

— Это кто? спросилъ Петя.

— Это нашъ пластунъ. Я его посылалъ языка взять.

— Ахъ, да, сказалъ Петя съ перваго слова Денисова, кивая головой, какъ будто онъ все понялъ, хотя онъ рѣшительно не понялъ ни одного слова.

«Тихонъ Щербатый былъ одинъ изъ самыхъ нужныхъ людей въ партіи. Онъ былъ мужикъ изъ Покровскаго подъ Гжатью. Когда, при началѣ своихъ дѣйствій, Денисовъ пришелъ въ Покровское и, какъ всегда, призвавъ старосту, спросилъ о томъ, что̀ имъ извѣстно про Французовъ, староста отвѣчалъ, какъ отвѣчали и всѣ старосты, какъ бы защищаясь, что они ничего знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ. Но когда Денисовъ объяснилъ имъ, что его цѣль бить Французовъ и когда онъ спросилъ, не забредали ли къ нимъ Французы, то староста сказалъ, что *міродеры* бывали точно, но что у нихъ въ деревнѣ только одинъ Тишка Щербатый занимался этими дѣлами. Денисовъ велѣлъ позвать къ себѣ Тихона и, похваливъ его за его дѣятельность, сказалъ при старостѣ нѣсколько словъ о той вѣрности Царю и Отечеству и ненависти къ Французамъ, которую должны блюсти сыны отечества.»

Тихонъ съ этихъ поръ находился при отрядѣ Денисова и былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ партіи Денисова и Долохова, онъ обыкновенно былъ командированъ въ самыя опасныя предпріятія—«Что ему, чорту, дѣлается, меренина здоровенный, говорили про него». Тихона обыкновенно посылали добыть языка.

До встрѣчи съ Денисовымъ Петя проводивъ изъ Москвы своихъ родныхъ, «присоединили къ своему полку и скоро послѣ этого былъ взятъ ординардцемъ къ генералу командовавшему большимъ отрядомъ. Со времени своего производ-

ства въ офицеры и въ особенности съ поступленія въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ участвовалъ въ Вяземскомъ сраженіи, Петя находился въ постоянно счастливо—возбужденномъ состояніи радости на то, что онъ большой и въ постоянно восторженной поспѣшности не пропустить какого нибудь случая настоящаго геройства. Онъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что онъ видалъ и испыталъ въ арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему все казалось, что тамъ, гдѣ его нѣтъ, тамъ-то теперь и совершается самое настоящее, геройское. И онъ торопился поспѣть туда гдѣ его теперь не было.

«Когда 21-го октября его генералъ выразилъ желаніе послать кого нибудь въ отрядъ Денисова, Петя такъ жалостно просилъ, чтобы послать его, что генералъ не могъ отказать. Но, отправляя его, генералъ, поминая безумный поступокъ Пети въ Вяземскомъ сраженіи, гдѣ Петя, вмѣсто того, чтобы ѣхать дорогой туда куда онъ былъ посланъ, поскакалъ въ цѣпь подъ огонь Французовъ и выстрѣлилъ тамъ два раза изъ своего пистолета, отправляя его, генералъ именно запретилъ Петѣ участвовать въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ Денисова. Отъ этого-то Петя покраснѣлъ и смѣшался когда Денисовъ спросилъ, можно-ли ему остаться. До въѣзда на опушку лѣса Петя считалъ, что ему надобно строго, исполняя свой долгъ, сей часъ же вернуться. Но когда онъ увидалъ Французовъ, увидалъ Тихона, узналъ что въ ночь непремѣнно атакуютъ, онъ съ быстротою переходовъ молодыхъ людей отъ одного взгляда къ другому, рѣшилъ самъ съ собой, что генералъ его, котораго онъ до сихъ поръ очень уважалъ,—дрянь, Нѣмецъ, что Денисовъ герой и эсаулъ герой, и что Тихонъ герой и что ему было бы стыдно уѣхать отъ нихъ въ трудную минуту». Но на однихъ мысляхъ Петя не остановился, онъ не желая никому уступать въ безстрашіи—переодѣлся въ французскій мундиръ, отправился съ Долоховымъ во французскую стоянку; но тутъ Петѣ, не смотря на всю

его юношескую удаль стало жутко въ особенности когда опытный Долоховъ, чтобы не возбудить подозрѣнія во французскихъ офицерахъ, съ умысломъ затягивалъ бесѣду съ ними, неспѣшилъ, скорѣе даже медлилъ отъѣздомъ и лѣниво садился на лошадь, отправляясь въ обратный путь.

На другой день, едва тронулся отрядъ Денисова и Долохова, Петя повинуясь одной новости испытываемаго имъ чувства воинской отваги, рѣшительно безъ всякой малѣйшей надобности,—вихремъ понесся впередъ, самъ не зная, за чѣмъ и куда, и скакалъ до тѣхъ поръ, пока чумная пуля не пробила ему насквозь голову. Этотъ прекрасный разсказъ оканчивается изображеніемъ того, какъ послѣ нападенія и побѣды надъ непріятельскимъ обозомъ, тѣмъ самымъ, куда Долоховъ ѣздилъ съ Петей. Долоховъ, облокотясь на обнаженную саблю, сурово пропускалъ мимо себя страшившихся даже взглянуть, плѣнныхъ, а Денисовъ— этотъ, какъ говорится, душа человѣкъ, прислонясь къ плетню, громко рыдалъ о безвременной смерти Пети Ростова...

Въ числѣ отбитыхъ Долоховымъ и Денисовымъ русскихъ плѣнныхъ былъ Пьеръ Безуховъ. «Долго не могъ понять Пьеръ того, что съ нимъ было. Со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ вопли радости товарищей.

— Братцы! Родимые мои, голубчики, плача кричали старые солдаты, обнимая казаковъ и гусаръ. Гусары и казаки окружали плѣнныхъ и торопливо предлагали кто платья, кто сапоги, кто хлѣба. Пьеръ рыдалъ сидя посреди ихъ и не могъ выговорить ни слова; онъ обнялъ перваго подошедшаго къ нему солдата и плача цѣловалъ его».

III.

Съ 28 октября, при сильнѣйшихъ морозахъ бѣгство французовъ сдѣлалось трагическимъ, армія мерзла и умирала ежегодневно въ большомъ количествѣ, а начальники, начи-

ная съ самаго Наполеона, притворяясь будто заботятся объ арміи, думали только каждый о себѣ и о томъ, какъ бы поскорѣе спастись и непопасть въ плѣнъ. Настало теперь время когда французская армія бѣжала, а наша догоняла. На Березинѣ множество Французовъ потоуло, «многіе сдались, но тѣ, которые перебрались черезъ рѣку, побѣжали дальше. Главный начальникъ ихъ надѣлъ шубу и сѣвъ въ сани поскакалъ одинъ, оставивъ своихъ товарищей. Кто могъ уѣхалъ тоже, кто не могъ,—сдался или умеръ.

Дальнѣйшая судьба героевъ та, что Пьеръ Безухой женится на Наташѣ, а княжна Марья Болканская выходитъ за мужъ за Николая Ростова. Одна Соня навсегде осталась, какъ бы сиротой (хотя въ былое время мечтала быть женой Николая Ростова) она по своей любящей натурѣ тратитъ силы на уходъ за дѣтьми своего бывшаго жениха. Старый графъ, не перенеся ударовъ судьбы и окончательно растроивъ свое состояніе умеръ, а старая графиня доживаетъ свой вѣкъ въ полудѣтскомъ состояніи. Николинька Болконскій, сынъ умершаго отъ раны князя Андрея, жадно впивается въ рѣчи Пьера Безухова, недовольнаго направленіемъ 20 годовъ. Обѣ молодыя супружескія четы очень дружны между собою и большею частью проводятъ время вмѣстѣ — они счастливы и имѣютъ кучу дѣтей.

Заканчиваемъ наше изложеніе словами «Биржевыхъ Вѣдомостей», которыя, между прочимъ, говорятъ слѣдующее: «Замѣчательна судьба этого доровитаго произведенія. Уже послѣ первыхъ трехъ, четырехъ томовъ «Войны и Мира» многіе чувствовали, что романъ принимаетъ обширные и даже утомительные размѣры, и что видимо принятый авторомъ планъ прослѣдить отъ начала до конца судьбу каж-

даго изъ своихъ героевъ обѣщаетъ еще цѣлый рядъ томовъ. Были даже положительныя завѣренія, что будетъ не менѣе семи томовъ, и можно было этому вполнѣ повѣрить. Неподражаемое умѣніе автора характеризовать самыми мелкими оттѣнками оригинальную самобытность каждой выводимой имъ личности, его мастерство въ срисовкѣ картинъ съ натуры—могли служить ручательствомъ, что художественный талантъ въ соединеніи съ изумительно тонкимъ психологическимъ анализомъ откроютъ ему въ его герояхъ множество новыхъ сторонъ характера, новыхъ житейскихъ положеній, типически воспроизводящихъ общую нравственную и художественную идею. Особенно можно было ожидать этого въ женскихъ личностяхъ: Наташѣ Ростовой, княжнѣ Болконской, сиротѣ Сонѣ, на которыхъ съ особенною любовію останавливался взглядъ автора и которыя при томъ же вступили теперь въ пору цвѣтущей молодости и новыхъ ощущеній, совершенно отличныхъ отъ прежняго душевнаго міра ихъ.

Кромѣ личныхъ характеровъ, художественное изученіе автора видимо для всѣхъ съ замѣчательною энергіею было направлено на характеръ всего народа, вся нравственная сила котораго сосредоточилась въ войскѣ, боровшемся съ великимъ Наполеономъ. Въ этомъ смыслѣ романъ графа Толстаго можно было въ нѣкоторомъ отношеніи считать эпопеею великой народной войны, имѣющею своихъ историковъ, но далеко не имѣвшею своего пѣвца. Гдѣ слава, тамъ и сила. Въ славномъ походѣ грековъ на Трою, воспѣтомъ неизвѣстными пѣвцами, чувствуемъ роковую силу, дающую всему движеніе и чрезъ духъ художника вносящую неизъяснимое наслажденіе въ нашъ духъ,—духъ потомковъ, тысячелѣтіями отдаленныхъ отъ самаго событія. Много совершенно подобныхъ ощущеній даетъ авторъ «Войны и Мира» въ эпопеѣ славнаго 12 года, выдвигая предъ нами возвышенно простые характеры и такую вели-

чавость общихъ образовъ, за которою чувствуется неизслѣдимая глубина силы, способной къ невѣроятнымъ подвигамъ. Многими блестящими страницами своего труда авторъ обнаружилъ въ себѣ всѣ необходимыя качества для истиннаго эпоса. Мы находимъ, кромѣ того, ясно самимъ романистомъ высказанные намеки, что свой романъ онъ, дѣйствительно, ставитъ на совершенно эпическое основаніе. Присутствіе роковой силы во всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона, воображавшаго, напротивъ, что «Россія увлечена своимъ рокомъ»,—роковое предопредѣленіе, сказывающееся во всѣхъ отдѣльныхъ эпизодахъ борьбы, когда дѣйствительныя событія совершались вопреки всѣмъ преднамѣреннымъ разсчетамъ и соображеніямъ,—таково постоянное впечатлѣніе при чтеніи романа. Авторъ видимо съ намѣреніемъ производить его и старается оставлять подъ нимъ читателя на возможно болѣе продолжительное время. Во второй половинѣ шестаго тома, графъ Толстой даже говоритъ объ особенномъ смыслѣ всего событія—непостижимо роковомъ движеніи цѣлыхъ массъ сперва съ запада на востокъ, потомъ съ востока на западъ. Въ такомъ освѣщеніи 12-й годъ—эпоха русской отечественной славы—является уже однимъ изъ тѣхъ актовъ въ жизни всего человѣчества, которыми неизвѣстная намъ сила осуществляетъ общіе, непреложные законы, дѣйствіе коихъ постигается нами только въ особенно яркихъ явленіяхъ, и то уже долго послѣ совершенія самого событія. Идея «необходимости», которую, впрочемъ, напрасно авторъ изображаетъ, какъ нѣчто большее, тѣмъ простое формальное выраженіе отношеній между явленіями, противополагается имъ «вмѣшательству божества», столь обыкновенному у древнихъ; но, по нашему мнѣнію, заслуга автора въ томъ и состоитъ, что его «необходимость» имѣла въ себѣ всѣ признаки провиденціальнаго вмѣшательства въ исторію и совершенно покрывается принятымъ представленіемъ о вліяніи въ исторіи абсолютнаго, или что тоже

божественнаго принципа. Ставя русскаго читателя на эту высшую точку зрѣнія относительно русскаго мороза въ отечественную войну, авторъ представляетъ ему весь морозъ, какъ цѣльную глыбу нравственныхъ силъ,—какъ безмѣрно одаренное лице, на челѣ котораго провидѣніе отмѣтило печать высшаго призванія,—и въ этомъ вѣнцѣ нравственной высоты взялся авторъ провести своего героя—народъ чрезъ весь романъ.»

КОНЕЦЪ.

